КАРЛИС ОЗОЛС

МЕМУАРЫ ПОСЛАННИКА

ЛАТЫШСКИЙ ДИПЛОМАТ, ПОСОЛ В ВАШИНГТОНЕ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСЛАННИК И ПОЛНОМОЧНЫЙ МИНИСТР В МОСКВЕ

23 ИЮНЯ 1941 Г. ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПРИГОВОРЕН К СМЕРТНОЙ КАЗНИ

ВПЕРВЫЕ ИЗДАЕТСЯ В РОССИИ
ДОМЪ КНИГИ • ПАРИЖ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Карлис Озолс – сын крестьянина, экстерном окончил реальное училище в Санкт-Петербурге и Рижский политехникум, став инженером-механиком. Одновременно с этим работал на заводах в России. В 1915 г. был командирован Главным артиллерийским управлением в США.

После объявления независимости Латвии в 1920 г. стал представителем правительства Латвии в США. Тогда же назначен председателем реэвакуационной комиссии в Москве. В 1923–1929 гг. занимает должности посла, чрезвычайного посланника и полномочного министра Латвии в СССР, заключает договора о ненападении и торговле. В октябре 1934 г. попал в опалу и был уволен со службы в МИДе. После присоединения Латвии к СССР 25 августа 1940 г. арестован. 17 октября того же года переведен в тюрьму в Москве. 23 июня 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни.

Книга К. Озолса впервые публикуется в России.

- Карлис Озолс
  -
  - Начало войны 1915 года
    - Петроград и путиловский завод
    - Латыши и Россия
    - Комиссии в Америке
    - Прощание с родиной и Петроградом
  - По дороге в Америку
    - Финляндия
    - Швеция
    - Норвегия
    - Атлантический океан
    - Нью-йорк
  - Отголоски революции в Америке
    - Русская миссия путей сообщения в Америке
    - Профессор Ломоносов
  - Борьба в Америке против большевиков и немцев
    -
    - Союз русских инженеров
    - «Русский день» в Нью-Йорке
  - Работа среди американским латышей
    - Немецкий агент-шпион
    - Малые народы
  - Интриги против Балтики

- Дифференциация и интеграция
- Обратно в Европу
- По Европе в 1919 году
  - Лондон
  - Беженцы-латыши
  - Либава
  - Герберт Гувер
  - Мир подписан
  - День победы
- После Вермонта
  - Шпионка Л. разрушенное училище в Пебалге. Командир уланского полка Орлов
- Январь и февраль 1920 года в Советской России
  - По дороге в Москву
  - Особняк Терещенко
  - Ленин, Ломоносов, Цюрупа
  - Лев Михайлович Карахан и Татьяна Семеновна
  - Английский рабочий, представитель Лендсбери и лошадиное блюдо
  - Иоффе, договор с Эстонией и «кулаки
  - Янтарь из коллекции Рябушинского – подарок президенту Северо-Американских Соединенных Штатов
  - Царский подарок и полпред Гуковский
  - Обед у коммунистов в Царском Селе
- Снова в Америке
  -
  - Американские послевоенные дельцы
  - Русская проблема
  - Советские дипломаты
  - Немецкий агент в роли латвийского секретаря
  - Княгиня Кантакузен и ее камеристка
  - Американский Красный Крест
  - На пароходе «Аквитания»
- Снова в Советской России
  -
  - Д.Т. Флоринский и А.Б. Сабанин
  - Заговор В.Я. Линдеквиста
  - Латвийский праздник 18 ноября и рождественская елка в Москве
- Мой приезд в Москву латвийским чрезвычайным посланником и полномочным министром
  -
  - Комиссар А. Цюрупа в Риге

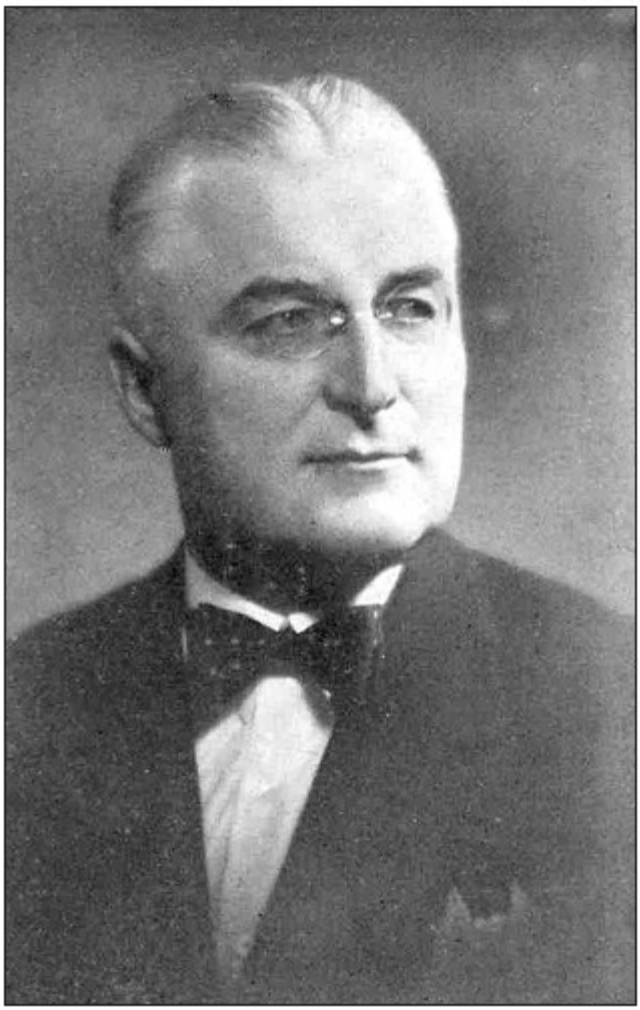
- Вручение верительных грамот
- Комиссар Красин
- Знакомство с ГПУ

- Вожди и комиссары СССР
  -
  - Ленин и Сталин
  - Сталин в ссылке
  - Клятва Сталина
  - Два рода диктаторов
  - Похороны Ленина
  - Троцкий
  - Цюрупа
  - Чичерин
  - Калинин
  - Анекдоты о Калинине
- Иностранная политика СССР
  -
  - Признание СССР
  - Восток и СССР
  - Германия и СССР
  - Евроазиатская железнодорожная конференция
  - Русско-латвийский торговый договор
  - Отношение СССР к средней зоне Европы
  - Автономные республики СССР
- НКИД[10] и ГПУ
  -
  - Шпионаж в посольствах
  - Агент ГПУ в роли секретаря миссии
  - Кража «записной книжки» у Троцкого латвийским военным атташе
  - Эстонский посланник Бирк в роли «шпиона»
  - Секретное письмо контрреволюционного отдела ОГПУ
  - Вербовка дипломатов на службу ГПУ
  - Контрабандные процессы
  - Женщины на службе ГПУ
  - Расстрелы
  - Советский суд
  - Вредительства
  - Дипломатический корпус в Москве
  - Германское посольство
  - Дальневосточные посольства
  - Ближневосточные посольства
  - Французское посольство

        - Итальянское посольство
        - Английское представительство
        - Посольства Средней зоны Европы
        - Советская дипломатия
    - Мой отъезд из Москвы
        -
        - «Дипломатическая» икра
        - Задержание дипломатического багажа
        - Five o'clock в посольстве
        - Проводы на Балтийской вокзале
        - Дипломатическая нота
        - Скандал с мпим еагажпм
    - После Москвы
        -
        - Письма генерала Миллера
        - Балтийская уния
        - С севера до юга. Объединенная Средняя зона Европы как гарантия всеобщего мира
    - Куда идет Россия?
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

Карлис Озолс
Мемуары посланника

Во имя мира и международной справедливости



Мировая война окончилась сильнейшими протестами лучших людей против тайной дипломатии, в ней справедливо видят источник международных осложнений.

Прошло двадцать лет, и мы снова находимся в том же положении, что и перед войной, тайная дипломатия наших дней губит здоровое, открытое сотрудничество народов и государств.

Идея мира давно занимает человечество. С каждым днем я яснее вижу ее торжество. Это моя вера.

Руководимый побуждениями способствовать миру, я решил поделиться своими воспоминаниями и работой, проводимой в течение двадцати лет на международном поприще, сначала в качестве обыкновенного гражданина, потом чрезвычайного посланника и полномочного министра молодой Латвийской республики в СССР.

К опубликованию мемуаров меня толкнула сама Советская Россия, как это будет видно далее.

Надо не закрывать, а вскрывать, крепкими растворами вымывать международные язвы на здоровых народных организмах, и тогда они скорее зарубцуются. Также следует изыскивать более прочные основы сосуществования народов.

В этом смысл и цель данных мемуаров.

К. В. Озолс

Начало войны 1915 года

Петроград и путиловский завод

В 1914 году Петербург был переименован в Петроград. Случаются знаменательные мелочи. Казалось бы, в чем смысл переименования города? Смена вывески на станции. Однако эта перемена в имени города Петра уже тогда ознаменовала передел истории. Россия расставалась со своим устойчивым прошлым, ступив на новый извилистый и шаткий путь. Настроение у всех становилось более мрачным, утрачивалась вера в победу. Низы ворчали, глядя исподлобья и косо, в самом воздухе витали недобрые, угнетающие предчувствия.

В эти годы я был представителем Министерства путей сообщения на Путиловском заводе и других заводах и фабриках Петрограда. Таким образом, для меня открылись многие возможности встречаться и знакомиться с обширными рабочими слоями, общественными кругами и их представителями. Помню, как проходили эти дни, их нельзя забыть.

Вот Путиловский завод. В большом зале накрыт обеденный стол, уставленный прекрасными кушаньями и напитками. Тут же закусочный стол a la fourchette. Даже в первоклассном петербургском ресторане не всегда был такой богатый обед. За стол садились представители министерств, артиллерийские генералы, приезжавшие с фронта военные специалисты, известные профессора. Известно, что за обедом, за стаканом вина, люди становятся доверчивее друг к другу, развязываются языки, к тому же здесь собрались «свои люди», и неудивительно, что велись совершенно откровенные разговоры. Они могли изумлять и пугать. Передавались страшные и грозные слухи о русской армии. Рассказывали удивительные вещи. Все в один голос твердили, что армия слаба в организационном отношении, при таком положении дел войну не выиграть, Россию ждут самые горькие военные неожиданности и она стоит перед катастрофой.

Помню, сколь удручающее впечатление произвел на меня один разговор, состоявшийся в сентябре 1915 года. Речь шла уже не только о проигрыше в войне, но и о приближающемся политическом сотрясении, назревающей революции. В беседе участвовал и весьма почтенный артиллерийский генерал Мясютин, который, между прочим, сказал: «Думается, и я свою жизнь закончу на телефонном столбе».

Как и многие другие в то время, он не ошибся, не обманули предчувствия. Впоследствии, уже латвийским посланником в Москве, я приехал в Петроград и был приглашен осмотреть Путиловский завод, перешедший, как и все другие предприятия, к

советской власти. Случайно я встретился с рабочим, который помнил меня. Я осведомился о генерале Мясютине и узнал, что в разгар революции он был повешен рабочими завода.

Тяжкие предвидения волновали не одного Мясютина. В начале войны Российская империя, казалось, разваливалась. По существу, царило безвластие. Во всем чувствовался моральный упадок. Это понимали и ощущали высшие классы, интеллигенция, дворянство, чиновничество, это было ясно и широким народным массам, хотя между ними и верхами всегда лежала непроходимая пропасть. Господствующий класс, особенно аристократия и правящие круги, был совершенно чужд народу. Друг другу они не доверяли. Свобода, права человека, личное достоинство, уважение к личности – все это были пустые слова. Высшие классы испытывали к народу плохо скрытое презрение. До войны народ молчал, но то, что оставалось скрыто в годы мира, невольно и неизбежно раскрылось в дни войны. Кто идет умирать, кто становится на защиту Родины, тот без посторонних внушений начинает требовать уважения к себе, признания своих прав. Война уравнивает. Массы это поняли.

Их гнев и протесты, полускрытые и явные, должны были усилиться от сознания общей неразберихи и безнадежности. Одно дело защищать Отечество, землю отцов, и совсем другое – бессмысленно погибать, потому что ничего не сделано, не предусмотрено, кругом разруха, а наверху взяточничество.

Всех, сверху до самого низа, раздражало и приводило в бешенство одно только имя Распутина. С его именем и его кликой неизменно и вполне справедливо связывалось представление о предательстве. Ходили легенды о его влиянии, власти. Эти легенды оказывались правдой. Еще вчера великая Россия обреченно шла к роковым событиям, тысячи рук толкали ее в бездну.

Латыши и Россия

Тревога охватила не только Петроград, но и всю остальную Россию. В таких обстоятельствах, когда туча нависла над Россией, латвийский народ, почти два миллиона, начал организовываться в национальные батальоны, взялся за меч, чтобы вести борьбу со своим вековым врагом, немцами, и попытаться спасти Россию в минуты ее развала. Из всех многочисленных народов и народностей, входивших в состав Российской империи, латыши в этом отношении оказались единственными, не считая Польши, формировавшей тогда свои легионы.

«Латыши спасали Россию». Сейчас это звучит как ирония, чего ради латышам было браться за это дело? Какая в этом логика? Больше двухсот лет, совместно с другими балтийскими народами, латыши страдали под властью русских царей, одобрявших действия балтийских баронов. Немецкий гнет латыши переносили с XIII столетия. Беспристрастному историку придется серьезно задуматься над этим вопросом и тщательно разобраться с этой с виду странной миссией, которую взял на себя латвийский народ. Вдруг стать на охрану и защиту своего угнетателя и проявить при этом самоотверженный героизм! Да, это чудо. Но тут-то и сказался, дал о себе знать здоровый народный дух.

Он чувствовался в маленькой Латвии повсюду, говорил с древних могил латышей. Объединение народа происходило незаметно, однако окрепло с самого начала мировой войны.

Исторически обостренный национальный инстинкт вел его в те дни по верному пути. Организаторы и руководители латвийских батальонов еще не понимали ясно, что, спасая Россию, закладывают фундамент нового прекрасного здания, которое 18 ноября 1918 года осветится и заблестит в качестве свободной, независимой Латвии. В разрухе войны, в общем начавшемся распаде империи, подорванности духа, угнетающей обстановке общей безнадежности латвийский сектор казался и был тогда чуть ли не единственным здоровым и крепким.

Комиссии в Америке

Война союзников с Германией началась с больших русских потерь. Было ясно, Россия не в состоянии снабжать свою армию, и ее действительно неисчерпаемый военный материал – только люди. Но пушки врага уничтожали и этот материал. Хотя и поздно, но союзники увидели недостаток снаряжения и предоставили России большие военные заказы и кредиты, распределив их по различным комиссям и миссиям, в состав которых входили соответствующие специалисты, военные, гражданские инженеры. Сюда, однако, вошли и совершенно случайные люди, так называемые «военные удачники», счастливо избежавшие благодаря разным протекциям мобилизации и забронировавшиеся в разных организациях тыла.

Особенно заманчивой была командировка в Америку, поскольку командируемые члены комиссий получали большое жалованье и подъемные. Конечно, в валюте. Таких сумм вполне могло хватить не только на дорогу в Америку, но и для кругосветного путешествия. В качестве члена одной из комиссий в ноябре 1915 года отправился в Америку и я.

Прощание с родиной и Петроградом

Стояли жуткие октябрьские дни, когда я, приготовляясь к отъезду, последний раз посетил Латвию, тогда еще входившую в состав России. Простился со своими престарелыми родителями и отправился в далекий путь. Жуть охватила меня, когда, возвращаясь в Петроград, я переехал границу тогдашней Лифляндской губернии.

Дело в том, что вся Лифляндия (часть теперешней Латвии) уже находилась в районе военных действий, и у власти в крае были, конечно, военные. Как всегда во время войны, приняв власть, военные, от высших чинов до низших, пренебрежительно и высокомерно относились к гражданской власти. Повсюду наблюдалась одна и та же картина. На улицах, в ресторанах, кафе – всюду сновали военные. В переполненных поездах между Ригой и Петроградом путешествовали преимущественно люди в погонах. В вагонах не хватало мест. Как служащий Министерства путей сообщения, я пользовался различными привилегиями, в том числе бесплатным проездом в любом поезде. Но купе во всех поездах были заняты, приходилось устраиваться в коридорах, но даже там пассажиров было до отказа. С большим трудом можно было добраться до уборной. Однажды ранним утром я пошел в уборную умыться и привести себя в порядок, и ко мне подошел молоденький офицер, требуя пропустить его вперед. Я отказался. Он, рассчитывая на свою физическую силу, толкнул меня, очевидно решив занять мое место. Это меня взорвало. Я бросил ему в лицо вопрос:

– Кто вы, офицер или хулиган?

Вместо ответа он попытался меня ударить и уже нацелил кулак мне в голову, но я удачно отпарировал удар левой рукой, в свою очередь ударив его по шее. Мой противник был маленького роста и сразу понял, что я сильнее. Пригрозил:

– Я буду стрелять! – и побежал в купе за револьвером.

Намерение это ему не пришлось, однако, привести в исполнение; коридор был переполнен, пока он добрался до своего купе, весь его пыл прошел. В вагоне наступила тишина. Я услышал чей-то самоуверенный голос:

– Я бы его в котлетку изрубил!

Это произнес другой офицер. Я промолчал. Потом ко мне вдруг подошел казачий полковник, старший офицер в вагоне, и объяснил, что обязан составить протокол о драке, произошедшей в полосе военных действий, что грозило большими неприятностями не только молодому офицеру, но в особенности

мне. «Лучший выход, – предложил он, – обоюдное извинение». Когда выяснилось, что молодой офицер, столь грозно наступавший на меня, молодой курляндский барон, и по вагону разнеслось, что «немец» хотел побить «латыша», все симпатии оказались на моей стороне, даже тот самый офицер, который хотел изрубить меня в котлету, теперь ласковыми взглядами выражал мне свое сочувствие. Даже казачий полковник подошел ко мне на Николаевском вокзале Петрограда, прощаясь, сердечно пожал руку и шутливо сказал:

– А жаль, что вы более основательно не поколотили этого немецкого барончика.

Не только русская интеллигенция, но и все, кто отдавал себе отчет в происходящих событиях и настроениях России и ее народностей, неизменно клонили свои сердца к латышам. Как бы ни рассматривали и ни оценивали нас высшие власти, латыши у русских вызывали симпатию. Мне известно, что и в полках русской армии при ежегодной разверстке новобранцев по ротам старые фельдфебели, офицеры и ротные командиры всегда настойчиво требовали от полковых адъютантов, чтобы в их роты направляли больше латышей, как исключительно надежных солдат.

Вспоминаю школьные годы. Немцев и тогда не любили, нам, ученикам, постоянно говорили, что уже недалеко то время, когда приставка «фон» будет заменена словом «вон». Тогда я горячо желал, чтобы это пророчество сбылось как можно скорее.

Война была в полном разгаре. Немецкие подводные лодки проявляли чудеса. Неуловимые, они преследовали пароходы не только в Северном море, но и в Атлантическом океане. Никто не чувствовал себя в безопасности. Пароходы тонули, люди погибали тысячами. Поэтому членам нашей комиссии советовали ехать не через Атлантический океан, а через Сибирь и Тихий океан. Это было особенно важно для тех, кто ехал с семьями. Я был один и выбрал кратчайший путь через Атлантику.

Уладив дела, я немедленно выехал. До Финляндского вокзала меня проводили жена и дети. Что каждый из них думал, когда поезд отправлялся, не знаю. Вероятно, они, как и я, верили, что разлука будет непродолжительной. Я тешил себя надеждой, что к следующей весне буду дома, а если не удастся, семья приедет ко мне. Я вспомнил отца, его благословение, это укрепило меня и слегка рассеяло тревоги и грусть расставания с близкими. Я не знал тогда, что события развернутся так быстро, не мог предполагать, что ровно через три года после отъезда Латвия будет объявлена независимой и я только через пять лет снова встречусь с семьей. Воздадим хвалу Создателю за наше

неведение! Люди были бы очень несчастны, если бы знали, что их ждет впереди. Интерес жизни, воля к ней, вся наша сила в том, что мы не знаем будущего, оно окутано туманом неизвестности. Если бы этого не было, многие не захотели бы жить.

По дороге в Америку

Финляндия

Наш поезд шел через Финляндию. Стояла зима. Вся Финляндия была покрыта снегом. Блестел солнечный спокойный день. Этот покой северной природы воспринимался нами особенно благодатно, так он не похож на Петроград. Там все тревожило, будоражило нервы, сама природа неистовствовала. Ветер свирепствовал как-то особенно, бешено крутился снег, что-то зловещее царило в воздухе. Мы могли доехать до северного Торнео, тогда конечного пункта. Мы объезжали Ботнический залив, восхищались прекрасным зимним солнцем. Мимо проносились маленькие чистые железнодорожные станции.

Тишина природы, солнце, снег, любезность финляндцев – все успокаивало и радовало. Мы, взрослые путешественники, невольно и незаметно превратились в беспечных детей: на всех остановках выбегали из вагона, швырялись мягким снегом, веселились, нервный Петроград был забыт. Кофе с прекрасными свежими сливками, дружелюбные улыбки финских девушек, душевный покой примиряли с жизнью, вчерашние тревоги отступали, в сердце просыпались самые искренние симпатии к финнам. Впрочем, русский народ, за самым редким исключением, людей так называемых «правых убеждений», никогда не был враждебно настроен по отношению к Финляндии. Прекрасно отдавая себе отчет в недостатках собственной жизни, критикуя изъяны политического строя, не закрывая глаза на собственную «обломовщину» и беспечность, русские справедливо признавали за финнами многие достоинства, ценили их трудолюбие, любовь к чистоте и порядку.

Точно так же русские относились и к латышам. Шовинизмом и предубежденностью русская интеллигенция, культурные люди, не страдала. Вспоминаю одну примечательную встречу. В качестве инженера я был командирован на Коломенский завод, принимать вагоны для строящегося в Самаре трамвая. Со мной находился помощник самарского городского головы. Узнав, что я латыш, он сразу проникся ко мне самой искренней симпатией и выказывал всяческие любезности. Себя называл националистом, постоянно читал мне что-то вроде лекции о том, что такое истинный национализм. Этот вопрос он ставил широко, осветил его верно и глубоко. Настоящий националист, по его мнению, тот, кто уважает чужую национальность так же, как свою, ибо нельзя считать свой народ единственно достойным членом общечеловеческой культурной семьи народов. Если и существует вражда между народами, это явление искусственное, и все,

дорожащие счастьем людей, должны бороться с этим пагубным явлением. Никакой естественной вражды друг к другу в сердцах людей разных национальностей нет и быть не может. Вражду сеют. Она произрастает в ненормальных условиях жизни, эти условия, впрочем, всегда оказываются навязанными. Общее несчастье в том, что мы не умеем жить. Между здоровыми и сильными народами не может и не должно быть вражды. Эти отношения основаны на осознании взаимного долга. Конечно, так мог говорить только высококультурный человек. Среди русских это не редкость.

И теперь, любуясь доверчивыми улыбками финских девушек, я видел в них своего рода пророчество и символ возможных будущих взаимоотношений между народами. В эти предвечерние сумерки, глядя из окна вагона на пролетающие снежные поля, божественно уснувшую природу, я думал о том, что скоро война окончится, на смену зиме придет весна и мир проснется для новой счастливой жизни.

Швеция

Поздно вечером мы пересекли финляндскую границу и очутились в Гопаранде. Шведские таможенные власти нас слегка проэкзаменовали, задали знакомые шаблонные вопросы о том, куда направляемся, по каким делам, откуда. Многие из нас выслушивали эти вопросы, вроде недооценивая их смысл. Весело шутили: «Еду в Америку за богатой женой», «за миллионным наследством американского дядюшки». Шведы улыбались, довольные, у русских путешественников карманы набиты деньгами, а такие гости всегда желанны.

К началу войны Швеция заняла нейтральное положение. Не примкнула ни к той ни к другой воюющей стороне. Однако ее тайные симпатии были скорее на стороне немцев. Свое сырье, фабрикаты, продукты сельского хозяйства Швеция продавала по высоким ценам. Золото Германии и союзников переполняло шведские банки. Нейтралитет обогащал. К концу войны страна достигла завидного материального благополучия. На полях сражений гибли лучшие сыны России, союзников и Германии. Бедствия, горе, лишения и голод захватили весь Европейский континент в то время, пока шведские матери в довольстве спокойно воспитывали детей. Швеции можно было позавидовать, капризы истории и судьбы неисповедимы, и когда одним посылается трагедия, другим даруется благословенное счастье.

В Северной Швеции на другой стороне Ботнического залива стояла глубокая зима. Было воскресенье. В серых костюмах с белыми воротниками и шапками шведы, юноши и девушки, гостеприимно встречали и провожали наш поезд. На большой станции были накрыты столы с холодными и горячими блюдами, на каждом обозначена цена. Контролируйте сами себя, вы должны знать, что и на сколько вы съели, за вами никто со стороны не следит! На русских станциях такого не было. Данный распорядок казался идеальным, внушал нам, путешественникам, полное доверие, побуждая и к самим себе относиться до щепетильности строго. В этой атмосфере культурности и высокой морали люди невольно начинают подтягиваться, еще педантичнее сознавать свои обязанности и долг перед другими. Словом, все пассажиры чувствовали себя прекрасно, настроение было радостное и светлое.

Исключение составляли две хорошенькие француженки. В Гопаранде их подвергли слишком тщательному обыску, они чувствовали себя оскорбленными до глубины души и целый день не могли успокоиться. Но вот зашло солнце. Дневной свет

померк. Замерцали таинственные сумерки, и за ужином в вагоне-ресторане наши красавицы развеселились в дружеской компании. Заискрилось шампанское в бокалах, раздались тосты за русских, французов и всех союзников.

Какие большие патриоты французы! Горячо и просто любят жизнь, глубоко и страстно любят свою родину!

Норвегия

В полночь мы приехали в Христианию (Осло). Я снял номер в гостинице и слегка удивился, что в первоклассном отеле подушки заменяли одеяло. От этой тяжести было жарко. Казалось странным, что столь здоровый спортивный народ, как норвежцы, могут кутаться в подушки. Когда-то давно, еще ребенком, я видел цыганский табор. Тогда еще цыгане кочевали по Латвии целыми толпами, и мне бросилось в глаза, как они клали своих детей под подушки, садились на них и оставляли снаружи только ребячьи головы.

В этот день у меня было достаточно времени, чтобы осмотреть город, понаблюдать жизнь, ознакомиться с достопримечательностями. Я бродил, вдыхал воздух города, страны, вспоминал литературу этого народа, старался перевоплотиться в среднего человека толпы, почувствовать себя норвежцем, и во мне все больше и больше созревало убеждение, что в душе всех малых народов живут самые светлые, миролюбивые устремления. Эти народы дали и продолжают давать человечеству высокие духовные ценности. Далекие от завоевательских мечтаний, эти народы не культивируют в своем сердце захватнические стремления, не ожесточаются, не отравляют свои души высокомерием и презрением внешней силы. Я уверен, в будущей семье народов их идеалы расцветут, как неувядаемые роскошные цветы мира.

От Христиании до Бергена восхитительный путь, чудесная железная дорога, вьющаяся по долинам и ущельям, вокруг горных вершин. Один за другим, вдруг окружая темнотой ночи, проносятся тоннели, дневной свет чередуется с тьмой каждые пять минут, такое впечатление, будто земля вращается вокруг своей оси скорее стократ. Скорость поезда, меняющиеся и улетающие картины природы, маленькие прелестные хижины в горах приносят путешественнику сладкое легкое забвение, невольно начинаешь себя чувствовать будто в сказочном краю.

Берген раскинулся на четырех горах, и вид на море с бесконечными фьордами – единственный на свете по своей чудесной красоте.

Путешествие было приятно. Мы могли быть спокойны, хотя совсем безмятежным этот покой назвать было нельзя. Бурная погода, а главное, слухи, что немецкие подводные лодки появились у норвежских берегов, взволновали даже нашего закаленного капитана. Но и эти известия не могли омрачить хорошего настроения наших путешественников. Один из

участников нашей комиссии полушутя-полусерьезно принялся нас успокаивать:

– Тревожиться, собственно, нечего. Немецкие подводные лодки не станут нас преследовать, напротив, будут охранять. Немцы отлично знают, кого послали в Америку.

Метко сказано. Комиссия, отправлявшаяся к берегам Америки, не имела оснований гордиться своим составом, сюда вошли люди, едва ли как следует знакомые с делом.

Мы хотели продолжать путь по возможности скорее. Этому желанию суждено было осуществиться только вечером следующего дня. Пароход Kristianiaflord наконец послал прощальные сигналы и, провожаемый громадной толпой, оставил Берген. Вдруг, отдалясь на небольшое расстояние, остановился, потушил огни и до самой ночи оставался неподвижным. Только тогда в полной тьме медленно начали двигаться машины, и мы, никем не замеченные, поплыли к Северному морю. Капитан потом рассказал, что под утро у горизонта была замечена подводная лодка, преследовавшая пароход. Она догоняла нас, но, к счастью, не догнала. Капитан проявил находчивость, укрывшись между фьордами, таким образом обманув немецких агентов-шпионов. В нейтральной стране им было легко работать, международный шпионаж свил себе прочное безопасное гнездо в Скандинавии.

Оставляя Норвегию, я записал в моем дневнике: «Берген надоел. Буря на море прекратилась, но наш пароход Khristianiafiord, как преступник, прячется между фьордами, и никто не знает, когда выйдет в море. Тяжело душевное состояние, невольно напрашивается тревожный вопрос: достигнем ли мы американских берегов? Посылаю последний привет с фьордов свободной Норвегии, вспоминаю Родину и дорогую семью».

Атлантический океан

Немецкое море осталось позади. Наш капитан впервые после Бергена лег спать. Держась северного направления, мы уже вышли из района возможного нападения немецких подводных лодок и теперь могли быть спокойны. К сожалению, ненадолго. Начались сильные ветры, наш пароход стало качать, пассажиров бросало из стороны в сторону, один за другим они стали исчезать в каютах.

Тогда мне подумалось, что все описанные прекрасные океанские путешествия просто плод фантазии. Тянутся бесконечные дни, кругом и вдали только небо, сливающееся с огромным океаном и превращающееся вместе с ним в одну беспредельную необъятную массу. В такие часы и минуты должна осенить, проясняя ум, великая всеозаряющая мысль, сколь же ничтожна человеческая жизнь в сравнении с неумолимой мощью и величием сил природы и законами, управляющими движением скрытых и явных мировых сил! Народные волнения, мировая война, человеческие распри и вражда – все кажется в такие минуты своего рода умопомрачением, восстанием безумцев против дивной гармонии мира, который стоял и будет стоять во веки веков.

Мыслители, философы, мудрецы достойны всякого поклонения и признания их заслуг, исследований и книг, созданных в тиши кабинетов, но величайшим источником мудрости навсегда останется лицезрение природы и мира, общение с их душой, их величием, таинственной и всемогущей жизнью.

Мы приближались к Ньюфаундленду. Буря стихла. Солнечные дни превратили наш пароход в растревоженный муравейник. У всех было одно желание: приятно провести вечер на пароходе. Мы устроили маскарад. У кого не было собственного костюма, могли его получить у администрации корабля, там их было много. Интересны были маскарадные костюмы у известного американского журналиста мистера Мейсона и его жены. Он представлял журнал Autlook. Необыкновенно высокого роста, облеченный в костюм Мефистофеля, извивающийся в причудливых изгибах американского танца, он казался настоящим дьяволом. Как быстро преображается человек! Я наблюдаю за этим маскарадом, за мистером Мейсоном и думаю о неизменных законах природы, приближающих нас к вечности.

Как длинно это девятидневное путешествие! Но и оно подходит к концу. Первый привет с земли нам несут морские

птицы чайки. Вдали, между едва различимыми берегами, будто прямо из моря, поднимаются удивительные, потрясающие нью-йоркские небоскребы, как сказочный необъятный замок американских рыцарей стали и золота. Вот уже виден памятник Свободы, подарок Франции, через какой-нибудь час наш пароход в сопровождении гидропланов входит в нью-йоркские воды. Это было 5 декабря.

Да здравствуют Америка и янки, способнейшие и смелейшие потомки европейских народов!

Нью-йорк

Как много значит обстановка! Даже пункт, с которого мы ведем наблюдения! Вот вы стоите на высокой горе, смотрите на раскинувшиеся кругом поля, долины, леса, луга, широкие просторы, перламутровый горизонт вдали, и мысль захватывается этой волшебной безмерностью. Совсем другие чувства наполняют нас у подножия горы.

Покинув корабль и отправившись гулять по Бродвею, я чувствовал необыкновенную осязаемую реальность американской жизни и начал понимать Америку.

Нью-Йорк был переполнен иностранцами. Здесь встречались друзья и враги, союзники и немцы, происходили столкновения, неожиданные инциденты, и все больше и больше росла вражда против немцев. Большими симпатиями пользовались русские.

Это тотчас отразилось на поведении и настроении некоторых моих коллег, они стали вести себя все более развязно. На другой же день после нашего приезда мы небольшой компанией сидели в одном из лучших нью-йоркских ресторанов. Подавал нам очень внимательный молодой лакей. Ужин кончился. Один из его участников обратился к лакею за справкой, где в Нью-Йорке можно весело провести предстоящую ночь? В России, в Петербурге, Москве, Киеве, везде, в любом ресторане опытный лакей предоставил бы вам самую точную информацию, указал адрес и даже сообщил все сведения по интересующему вопросу. Но нью-йоркский лакей обиделся и дал нечто вроде наставления. В Америке, дескать, следует прежде всего осматривать музеи, библиотеки, научные учреждения, а веселые места осмотреть потом, если это уж так необходимо. Говорил он мягко, без всякой неприязни и грубости. Вскоре выяснилось, что нас обслуживал студент университета, ярый патриот, чех. Мы должны были почувствовать, что моральный перевес и правота на его стороне. Должен заметить, наш столь жадный до увеселений коллега долго еще не мог забыть урока, полученного сразу же по прибытии в Америку.

Кто хочет серьезно и беспристрастно оценить дух Америки и американца, понять основы их благополучия, неизбежно придет к выводу, что здесь все регулирует строго и правильно организованная работа. Через нее и от нее приходят и радости жизни. Если верно то, что работа является первопричиной и источником счастья, кроме того, служит мерилом уважения к человеку, нигде больше, как в Америке, эти истины не предстают так наглядно в своем торжестве и бесспорности.

Наблюдая за работой американского госаппарата, я невольно сравнивал его с русским и заключил, что демократия с концентрированной сильной исполнительной властью несравненно лучше монархии. Слабость европейских демократий сейчас в том, что они децентрализованы, им трудно бороться с централизованными коммунистическими и супернациональными социалистическими силами. Этот вывод, возможно, нуждается в некоторых, вообще говоря, незначительных оговорках, однако смысл его остается неопровержимым. Во всяком случае, его никак не может поколебать нынешнее состояние Европы. Но все выводы в области политики не должны претендовать на вечную истинность. Осторожность политического мыслителя обязывает говорить не о безграничности, а сосредоточивать внимание на сегодняшнем дне.

Отголоски революции в Америке

Русская миссия путей сообщения в Америке

В напряженной работе потекли дни, дела, заботы, хлопоты. В 1916 году я служил в русской артиллерийской комиссии. Под моим наблюдением состояло много фабрик и заводов. Снаряды для России изготовлялись в Кливленде, Чикаго, Монреале, Детройте, Филадельфии и многих других городах. Разумеется, это была очень ответственная работа. Мне часто приходилось путешествовать по этим городам, следить за исполнительностью подчиненных, проверять работу русских инспекторов по приемке снарядов. Как всегда, это кипучее дело меня не только удовлетворяло, но и радовало. Везде работа шла с напряженной бодрой энергией. Неожиданно у меня вышел служебный конфликт с одним из членов артиллерийской комиссии.

Как часто люди смешивают стремление и порыв к более успешному труду с нарушением чисто внешней служебной дисциплины! Меня обвинили в нарушении этой дисциплины, состоявшем в том, что я имел смелость высказать свое мнение. Начальство пригрозило мне неприятными служебными последствиями. По существу, я ни в чем не был виноват. Но откровенность, хотя бы и очень полезная делу, не всегда приходится по вкусу начальству.

Об этом столкновении узнал начальник русской миссии путей сообщения в Америке граф Сергей Иванович Шуленбург. Под его начальством я работал в Петрограде. Артиллерийской комиссией он был недоволен. Без колебаний он предложил мне перейти к нему, стать членом его миссии. Сделать это было нетрудно. Шуленбург послал телеграмму министру путей сообщения Рухлову в Петроград, и через несколько дней было получено разрешение. Мне поручили общее наблюдение за выполнением заказа Министерства путей сообщения. Канадские заводы должны были сдать русскому правительству три тысячи железнодорожных вагонов. Изготовляли их в спешном порядке.

Теперь у меня, в силу обязанностей, появилась возможность часто бывать в Канаде, и я основательно познакомился с жизнью этой страны. Это были хорошие месяцы. В памяти незабвенными остались канадцы, инженеры, директора фабрик, члены парламента, с которыми приходилось встречаться. Восхищала их покорность, лояльность, искренность, горячее желание служить своему отечеству и королю, всеобъединяющий дух. Я очень любил бывать в Канаде, и не один я. Канада привлекала к себе

эмигрантов из Европы. Возможно, главным притягательным мотивом были не материальные расчеты и перспективы, а любезность канадцев, их солидность, прочность дел и начинаний.

Я был очень занят, целиком уходя в работу, не оставалось времени даже для воспоминаний, я стал забывать Петроград. Так, без перебоев и остановок, изо дня в день шла наша деятельность, и, казалось, конечный успех обеспечен и ход работ должен пройти без остановок и перерыва. Так казалось. Но вдруг из России стали приходить весьма тревожные вести о политическом перевороте. От первого премьер-министра России, выдвинутого Февральской революцией, князя Львова была получена телеграмма с официальным сообщением о перевороте. После этого пришла вторая телеграмма от нового военного министра Гучкова. Он просил всех работающих в Америке на русскую армию оставаться на своих служебных местах.

Русские события взволновали всю Америку. Конечно, самое большое возбуждение царило в русских представительствах. До сих пор не могу забыть впечатления, которое произвел на меня в те дни мой коллега по службе семидесятилетний Максимилиан Несторович Гротен. Узнав о перевороте в России, он с неподдельной радостью стал обнимать и целовать своих сослуживцев, особенно гордился тем, что никто из крестьян не тронул его имение в Псковской губернии, где у него было образцовое хозяйство, и он им очень дорожил и радовался, что, судя по письму, все прошло благополучно. Увы, радость была недолгой. Через две недели ему пришлось раскаяться и пожалеть о своем преждевременном восторге. Он получил второе письмо и, прочитав его, пришел в ужас.

– Негодяи, мерзавцы, – в негодовании восклицал он, – все, все разрушили, погибло все мое хозяйство!

Тут я вспомнил насмешливую и циничную русскую поговорку: «Век живи, век учись, все равно умрешь дураком». Как ни смешон был этот прекраснодушный старик, мне его было от души жаль. Сейчас я сердечно вспоминаю этого человека, его уже нет в живых.

Молодая Россия объявила всему миру, что свято выполнит свой долг перед союзниками и будет воевать с врагом до победного конца. Союзники поверили и предоставили ей новые кредиты, американский конгресс утвердил товарный заем в сто миллионов долларов, миссия путей сообщения и артиллерийская комиссия пополнились новыми лицами, прибывшими через Сибирь с новым послом Борисом Бахметьевым и главноуполномоченным Министерства путей сообщения профессором Юрием Владимировичем Ломоносовым.

Профессор Ломоносов

Новый посол Бахметьев должен был сменить прежнего посла, а профессор Ломоносов занял место Шуленбурга. Началась горячая работа. Ломоносов был интересен как психологический тип. Несомненно, способный человек, самоуверенный, с самомнением, широкий и легкомысленный. Любил и умел производить впечатление на других, особенно на тех, кто мало знал его и мало понимал в русских делах и России. Тут Ломоносов мог импонировать и казаться большим если не деятелем, то дельцом.

Он знал только русский язык и с иностранцами вел переговоры через переводчиков. Но и с этим недостатком он сумел так поставить себя, что вскоре о нем заговорила вся Америка. Ломоносов очень ценил рекламу и всячески старался очернить работу посла Бахметьева. Начались интриги. Ломоносов любил разъезжать по Америке, выступать на организованных им же русских митингах, где он в самой резкой форме беспощадно критиковал большевиков. Помню, как свою митинговую речь в Сент-Луисе 10 июня 1918 года он закончил потрясающими, негодующими, патетическими словами, вызвавшими общее единодушное одобрение: «Большевики вместо хлеба дадут камни, вместо мира принесут гражданскую войну. Долой большевиков!»

В тот же вечер в отеле «Статлер» он устроил роскошнейший ужин в честь сент-луисских фабрикантов. Стол был сервирован на 18 персон, за этот пир Ломоносов заплатил 340 долларов. Он вообще любил помпезность. На ужине присутствовал и только что приехавший из России первый министр путей сообщения кабинета Керенского А. Бубликов. Столь же дорогие ужины Ломоносов устраивал в Чикаго, Монреале и других городах. Деньги текли рекой без счета. Казенные суммы расходовались безотчетно, их тогда не жалели.

Прошло несколько месяцев. Постепенно американцы начали понимать, что события в России, в частности большевистский переворот, имеют гораздо более глубокий смысл, чем это истолковывали русское посольство и приехавшие из России министры Керенского Бубликов и Коновалов. В работе миссии путей сообщения все стало постепенно сокращаться и ликвидироваться. Конечно, Ломоносов не хотел, чтобы работы миссии прекратились совсем. Нужно было создать хотя бы видимость ее необходимости, и Ломоносов организовал научные группы для изучения разных промышленных отраслей в Америке.

Мне было поручено холодильное дело и рессорное

производство. Работа интересная. Но тут опять вышел небольшой конфликт. Дело в том, что инспекцию трех тысяч вагонов поручили канадской компании, которая вдруг стала требовать совсем ей не полагающихся доплат в размере шести тысяч долларов. Обратились ко мне, я разъяснил, что данное требование неосновательно и канадской компании платить не надо. Ломоносов был противоположного мнения. Видимо, ему хотелось уплатить эту сумму, и мои разъяснения ему, естественно, не понравились. Произошел неприятный разговор. По своим привычкам, характеру и склонности все делать с маху, вообще нетерпимый к чужим мнениям, Ломоносов решил мне отомстить и через несколько дней отдал приказ: «Инженер К.В. Озолс откомандировывается в Россию».

Мы знали, что он не останавливается ни перед чем и готов переступить не только через отдельных лиц, их интересы, судьбу и права, но и через веления закона. Тем не менее такого странного и неожиданного приказа ни я, ни кто из моих сослуживцев предвидеть не мог. Ломоносову хотелось меня унизить, заставить меня принести ему извинения, но его надежды оказались напрасны. В ответ на его приказ я через секретариат послал ему следующее письмо:

«События, переживаемые Россией, потрясающи. Всеми ясно сознается, что свободная счастливая Россия, о которой так мечтали лучшие русские люди, погибает, а народ постепенно погружается в хаос, приготовленный его собственными и чужими руками. Но погибающим подают корабли, тонущие хватаются за соломинку, и долг каждого из нас бросить хотя бы эту соломинку, если мы не можем подать корабли.

Когда миссия существовала как орган Временного правительства, мы осознавали, что делаем работу нужную, первой важности. Однако несколько месяцев, как эта работа кончилась, начался период изучений, точнее, период некоторого безделья, когда часто делалось то, что совсем не нужно. Писались отчеты, иногда прерываемые неожиданными отчислениями, сдавались на хранение с полной уверенностью, что никто и никогда их не будет читать. Я, как и другие, понимал и чувствовал неловкость такого положения и все яснее и определеннее сознавал – так продолжаться не может. Я доказывал сослуживцам бесполезность нашей работы в том виде, как она ведется теперь, в Вашем присутствии говорил, что нужна определенная система и люди, проникнутые желанием вернуться в Россию для настоящих дел, а не только изучать и прочно устраиваться в Америке. Когда убедился, что мои доводы напрасны и вызывают лишь недовольство, я заявил о своем желании покинуть группу.

Во время последней беседы перед уходом со службы Вы сказали, что довольны моей работой. Сегодня случайно от служащих конторы я узнал, что отчисляюсь от миссии и лишаюсь, таким образом, возможности закончить отчет о рессорах, который, едва ли ошибусь, является пока единственным ценным, если не считать моего же отчета «О производстве винтовых стяжек», составленного на основании действительных заводских опытов и продолжительных наблюдений.

Подводя итог сказанному, не могу не чувствовать себя в глубокой степени оскорбленным. Вы поступили со мной не как начальник, радеющий за суть дела, не как джентльмен, каким должны были себя показать хотя бы потому, что живете в стране джентльменов, а как дореформенный царский чиновник.

Не хотелось бы говорить о моих заслугах как работника, но, покидая миссию при таких тяжелых обстоятельствах, я невольно вспоминаю слова фабриканта Mr. Ch. Ottis из Кливленда, которые он мне сказал на прощание: «Мистер Озолс, нам было тяжело исполнять ваши требования, но вы были справедливы. Желаю вам счастья».

Эти слова для меня будут лучшим воспоминанием о работе в Америке».

Прочтя мое письмо, Ломоносов немедленно попросил меня к себе.

– Почему вы меня выругали? – спросил он.

Так у него всегда. Несдержанный, бросался вслепую, очертя голову, не считаясь ни с какими препятствиями, забывая меру и границу дозволенного. Правда, получив отпор, смирялся и притихал.

– Было бы неправильно, Юрий Владимирович, и даже нечестно с моей стороны уйти после столь долгой совместной работы с вами, не сказав правды.

Это подействовало. Мои слова произвели на него должное впечатление, он тут же высказал сожаление о произошедшем и просил взять письмо обратно, что я и сделал. Несколько дней спустя мы обедали вместе. Ломоносов был весьма не прочь выпить бутылку-другую вина и в такие минуты становился откровенным, а откровенность его была нескрываемо циничной. Философствуя за стаканом вина, он поведал мне мораль и мудрость своей жизни:

– Никогда не надо считаться с хорошим человеком. Считаться надо с негодяем, ибо хороший человек никогда вам не напортит.

Вести из России поступали все более грозные и безнадежные. Власть перешла к большевикам, и Ломоносов, верный своей морали, становился задумчивым и скрытным. 11 июня 1918 года

он неожиданно вызвал меня к себе.

– Вы хотели меня видеть?

– Всегда рад вас видеть, собственно, дела к вам у меня никакого нет. Знаете, скоро мы опять начнем строить вагоны и паровозы. И вот тут вы очень и очень понадобитесь.

Поговорив еще немного на эту тему, мы расстались. Я ушел. Хорошо его зная и понимая новую политическую обстановку, я почувствовал, что беседовал уже не с главноуполномоченным, а с агентом большевиков, который пробует завербовать меня в их стан. Мои предположения оправдались раньше, чем я думал. В тот же вечер перед многолюдным собранием в 10 тысяч человек, проходившем в Madison Square Garden, Ломоносов выступил с широковещательной митинговой речью. Говорил о признании новой власти, ее заслугах, будущем, необходимости ее поддержать. Толпа всегда толпа. Встретили его и провожали громкими аплодисментами, но, надо сказать, столь же громкими криками: «Иуда, предатель!» Я вспоминаю об этом и передаю эти подробности о Ломоносове только потому, что всем известно, какую важную роль он играл в Советской России, стал в ней первым комиссаром путей сообщения.

Конечно, на железнодорожную миссию это выступление произвело самое тяжелое, удручающее впечатление. Члены миссии А. Липец, М. Гротен, М. Брониковский, Р. Балков, Е. Волькенау, Горбунов, В. Левин, я и другие постановили выразить решительный и энергичный протест, который и опубликовали в нью-йоркских газетах. Не остался равнодушен к этому выступлению и посол Бахметьев. Личность Ломоносова была установлена. На основании письма Бахметьева Государственный секретарь Лансинг сообщил всем учреждениям, что с этих пор Ломоносов больше не глава русской миссии путей сообщения в Америке. Его карьера и деятельность были кончены. На его место назначили инженера Альфонса Ильича Липеца, моего друга, руководителя профессорской кафедры паровозостроения в Америке.

План Ломоносова был неплох. В честолюбивых мечтах он видел себя советским послом в Вашингтоне или, по крайней мере, комиссаром путей сообщения в России. Ему важно было добиться признания большевиков со стороны Америки. Если это случится, все остальное пойдет как по маслу. Он мог надеяться на успех. Умелый и ловкий в личных делах, карьерист, Ломоносов успел установить связи с Троцким, когда тот находился в Америке. В то время это была надежная опора. Покидая Нью-Йорк, Троцкий сказал провожавшим его, что скоро он станет первым лицом в Советской России. Ломоносову оставалось ждать своего счастья. А

пока у него немедленно отобрали все государственные деньги, за исключением 20 тысяч долларов. Эта сумма, сколько помню, осталась при нем, ее больше никто не видел. Ему пришлось покинуть и миссию путей сообщения, откуда его выселили при помощи полиции.

Борьба в Америке против большевиков и немцев

Для иностранцев Россия всегда была окутана туманом. За небольшим исключением, ее представляли неверно или смутно. Все было преувеличено и искажено. Меньше всего понимали крестьянство, его душу, положение, склонности и требования. Так же и русская революция предстала взору иностранцев в неверном освещении, породила разноречивые мнения, раскол особенно увеличился, когда власть захватили большевики. Скоро все стало ясно, положение России безнадежно.

Победа Ленина враждебно настроила американцев не только против большевиков, но также против всех сочувствующих им в Америке. Довольно значительная часть прессы с какой-то особенной энергией взялась за обработку латышей. Газеты выставляли их в очень неприглядном виде, как наемных убийц, сродни китайцам. Было много оснований полагать, что эти сообщения о латышах поступали от немецких агентов. Им было важно подготовить американское общественное мнение и в дальнейшем оправдать свои цели и стремления, они с полной ясностью раскрылись всего через год.

Германия готовила «поход на восток». Со своей точки зрения немцы рассуждали совершенно логично, чем больше на этом пути будет всякой грязи, тем больше у них прав стать расчистителями этого пути. Поскольку латыши – наемные убийцы и сторонники большевиков, мы, немцы, захватив Прибалтийский край, явимся защитниками культуры, усмирителями, подрывающими большевиков и их сторонников.

В этом смысле пропаганда была так сильна, что более малодушные латыши в Америке стали стыдиться своего же народа. Надо было что-то делать, любыми средствами немедленно взяться за борьбу с этой ложью. За мной были безукоризненно проведенные в работе годы в Америке, обширные знакомства, связи, все это само собой подталкивало к разрушению злой легенды и отпору сознательным и несознательным нападкам на латвийский народ.

Никогда не забуду одной беседы. Из России только что приехал доктор философии, еврей. Как-то при встрече я решил с ним посоветоваться. Он высказал замечательную мысль о роли латышей в большевизме:

«Несчастье латвийского народа в том, что он и негодяю служит за совесть, то есть вполне порядочно».

Нельзя было терять время. И я взялся за новую работу, борьбу за честь моего народа. С искренним подъемом, веря каждому моему слову, опираясь на опыт всей моей жизни, написал статью и послал ее в New York Times. Вот выдержки из этой статьи, появившейся 30 июня 1918 года.

«Давно уже Америка знает русского эмигранта, давно американцы слышали правду и неправду о России, как о стране несчастья, произвола и варварства. Но не так давно узнали они русского интеллигента, представителя старого и нового правительства, некоторых общественных деятелей и русских талантов-художников.

Мнение американцев значительно изменилось, и теперь уже с большим интересом Америка следит за борьбой, которая ведется во имя счастья русского народа, исход которой не может не отразиться на счастье всех народов, на истории всего мира.

Большевики говорят, что русская интеллигенция, русский социалист, в лучшем смысле этого слова, тот же буржуй и враг русского народа, крестьянина и не способен к созидательной работе, а вот они – друзья народа, и с ними весь русский народ, русский крестьянин. Во время постоянных путешествий по Америке меня десятки раз спрашивали, кто такой русский крестьянин, за кого он в этой борьбе, за большевиков, как утверждают последние, или же за идеи, положенные в основу правительства Керенского.

Разрешите же мне теперь, когда этот вопрос принял наиболее острую форму, чем когда-либо, сказать правду о русском, в частности о прибалтийском крестьянстве, истинным представителем которого я являюсь.

Прибалтийский крестьянин – символ горя – больше всех страдал от гнета самодержавного и немецких баронов. Тот, кого русский барин, купец и чиновник держали в кабале, над которым производил разные эксперименты социалист-большевик, сам вовремя удирая за границу и оставляя крестьянина на расправу царским жандармам.

Я родился в крестьянской семье, детство и юность провел в деревне, вставал с восходом солнца, с заходом ложился спать, проводя день на поле. До двадцати одного года я был простым рабочим, разделяя чисто крестьянские горе и радость. На заработанные таким образом деньги покупал книги и самоучкой сдавал экзамены, пока не поступил в институт.

Крестьяне были и остаются моими друзьями. До конца 1915 года, когда приехал в Америку, я каждое лето недели две – месяц проводил в деревне у крестьян. Каждое Рождество был желанным гостем и всегда состоял, и состою, членом их просветительских,

земледельческих и общественных организаций. Меня знают широкие слои крестьянства, тесную связь с которыми, даже будучи в Америке, я поддерживал, пока немцы не забрали Прибалтийский край.

Я знаю прибалтийского крестьянина-латыша, мне дороги его идеалы, как и судьба всей России, верными подданными которой были латыши Прибалтийского края.

Теперь, когда большевики утверждают, что крестьянские массы с ними, и на основании этого часть десятитысячного собрания в Нью-Йорке требует признания их правительства, скажу в ответ им: это ложь и клевета. Эхо моего голоса раздается по окровавленным долинам Прибалтийского края и доходит до каждой крестьянской хижины, почти двухмиллионного населения крестьян-латы-шей края, политическая зрелость и культура которых известна всей Европе. Их рот зажат немецким кулаком, и я слышу, как народ повторяет со мной: «Ложь, клевета, тысячу раз клевета!»

Ни в темные дни реакции, ни в светлые дни революции крестьянские массы не были большевистскими и не будут ими никогда. В последнем письме, полученном мной от старика крестьянина, говорится: «Если ты вернешься, найдешь свой народ несчастным. Нет счастливых лиц, радости, я часто думаю и гадаю, что это за страшная болезнь сделала нас такими несчастными».

Еще не так давно все прибалтийское крестьянство объединилось в день торжества, когда был воздвигнут грандиозный памятник крестьянскому борцу за свободу, против немецкого влияния, с надписью: «Отечество и свобода – драгоценнейшие сокровища на свете».

За эти идеалы, а не идеалы большевиков, которые бесстыдно продали латышей их вековым врагам немцам, прибалтийское крестьянство боролось и будет бороться.

Душа моя, душа русского крестьянина, исстрадалась, я не могу больше молчать. Хочу бросить хотя бы соломинку погибающему народу, авось другие подадут корабли».

Признаться, я не надеялся на то, что голос мой будет услышан массами, статья окажет какое-нибудь влияние. Мне важно было, чтобы кто-нибудь, все равно кто, где, в каком органе, сказал бы правду, попробовал рассеять хоть немного эти тяжкие тучи лжи. Результат оказался совсем непредвиденным. Со всех концов Америки я стал получать письма, больше всего, конечно, от латышей. Какая-то женщина, Марголик из Детройта, написала, как со слезами читает и перечитывает мою статью, чуть ли не молится на нее. Рассказывает о себе, о том, как приехала в Америку после ранения в ногу, а на войне сражалась простым

солдатом, желая разделить участь своих четырех братьев, из которых двое остались без рук, а двое других пропали без вести. Письмо произвело на меня глубокое впечатление. При всей выдержке и крепких нервах я заплакал. Эти признания, растроганность женщины, сердечный тон письма как-то невольно и неожиданно даже для меня самого разбудили воспоминания о собственной семье, а от нее я давно уже не получал никаких известий.

Я не опускал рук. Взявшись за борьбу, должен был ее продолжать. После первой статьи я отправил вторую, тоже о большевиках, в ней, между прочим, написал:

«Государство Российское делилось на «мы» и «они». Мы царствующие, они подчиненные, мы барствующие, они, крестьяне, рабствующие. Вот источник всех ужасов и несчастий. Однако вековая страшная туча рассеялась, ярко засияло солнце, пробудились творческие силы страны, и всем будто стало тепло и хорошо. Увы! Ненадолго.

Снова начали собираться грозные тучи, снова Россия погрузилась во мрак, снова стали «мы» и «они». «Мы» с дьявольским наслаждением уничтожающие все лучшее, созданное веками, «они» ограбленные, истерзанные, изнасилованные. «Мы» большевики, царствующие и живущие во дворцах, «они», лучшие силы народа, снова в тюрьмах, в изгнании.

И тогда нужно было доказывать, что крестьянин – царский верноподданный, и теперь повторяется ложь, теперь уже не царскими приверженцами, а большевиками. Крестьянин их верноподданный.

Всех крестьян России, по культурному и материальному состоянию, можно разделить на две категории: крестьяне-хуторяне и крестьяне-общинники.

Кто знаком с Россией и наблюдал за этими видами хозяйства, не мог не заметить резкой разницы между хуторянином и общинником. Первый энергичный, зажиточный, более культурный, второй менее энергичный, в большинстве случаев бедный, часто голодный, словом, несчастное существо. Я знаю вдоль и поперек Балтийский край, где крестьяне только хуторяне, я знаю хутора латышских и малороссийских колонистов в разных частях страны, знаю также хозяйство крестьянина-общин-ника.

Я межевал крестьянские земли на Урале, в Самарской губернии и делил их общины на хутора. Наблюдал за жизнью хуторянина и общинника, живущих рядом, с равным количеством земли одинакового качества и вынес глубокое убеждение, что несчастье России – страдания русского крестьянина в большей

мере зависели от формы хозяйства. Россию губила община.

Крестьяне Балтийского края, латыши и эсты, несравненно раньше были освобождены от крепостничества, нежели крестьяне остальной части России. И те и другие были общинники. Но балтийские крестьяне скоро убедились, что постоянное несогласие в общине, вечные споры и прочее губят энергию и предприимчивость, нищета здесь вечный спутник, и уже около 60-х годов начали делиться между собой, покупать новые земельные участки у помещиков не общиной, а отдельными единицами. Балтийский край достиг такого высокого культурного уровня благодаря хуторскому хозяйству. Старики крестьяне с любовью теперь вспоминают тех мудрых пионеров, которые положили основу хуторскому хозяйству. Действительно, трудно найти во всей России такие цветущие, хотя и бедные по природе поля и луга, как в Балтийском крае. Частная инициатива и предприимчивость, не связанная с общиной, сотворили чудо. Теперь у балтийского крестьянина одно желание, одна мечта, которая звучит как молитва: «Мой уголок, мой кусочек земли, здесь я стою и отсюда я начну строить мое и моего потомка будущее».

В остальной России дело обстояло по-другому. Обширны были девственные поля, мало населена страна. Сколько земли хотел крестьянин, столько и брал. Границы определялись по полету птиц или «куда соха, коса и топор ходили». И воспел он в своих песнях землю-кормилицу, как мать родную, как Божий дар. Это была религия старого крестьянина. Община, образовавшаяся хотя и под различными видами, уже в раннюю эпоху истории России, не в результате экономического прогресса, а совершенно по другим причинам, продолжала свое существование, но постепенно поработила крестьянина и отняла у него землю. Земля Божья, народа, общества, но только не его, в этом весь трагизм крестьянина. «Сход», которым часто управляла водка, решал все дела, уничтожал энергию и предприимчивость крестьянина. Полагаясь на Бога и капризную мать-природу, «мучился» русский крестьянин на земле.

Наконец старое правительство осознало, что надо улучшить материальное положение крестьян, и в результате этого была проведена большая реформа в крестьянском землеустройстве.

Большевики обрушились на правительство, ибо видели в этой реформе опасность для их безжизненных теорий, опасались, что крестьянину привьется правильное понятие о собственности и он скорее увидит результаты своей работы и, таким образом, почувствует некоторую самостоятельность и перестанет быть слепым орудием в их руках. Устраивались крестьянские

восстания, чтобы провалить эту реформу, писалось и доказывалось, что правительство сознательно разрушает крестьян и т. д.

Во многом большевики оказались правы, кое-где на местах руководители землеустроительных работ были людьми с чисто чиновническими взглядами, без знаний и опыта. Не реформа виновата, а ее бездарные руководители. Но, как ни старались они прививать крестьянам свои голодные теории, с годами они все больше и больше осознавали, что надо стать более неприкосновенными и уверенными в завтрашнем дне. Крестьянство стало делиться на отдельные хутора и перед войной целыми деревнями обращалось в правительственные учреждения с просьбой их размежевать.

Началась война, пришли и неурожайные годы, прекратились все землеустроительные работы, изголодался и устал крестьянин. Временные вожди народа ограничились обещаниями крутых земельных реформ. Большевики говорили: «Все, что ты видишь вокруг себя, бери, это твое». Велик соблазн дьявола, были преданы огню и разрушению организованные хозяйства, дома, земля поделена на правах сильного между деревнями.

Вот земельная реформа большевиков, которая даст плоды полного оскудения, ибо разграбленные имения находятся в колоссальном неравновесии. Есть уезды, где вся земля находится в руках общин, и тут же рядом другой уезд изобилует частными владениями. Стало быть, первому из них не придется воспользоваться разделенной землей в соседнем уезде, этим большевики положили начало бесконечному насилию и несправедливости среди крестьян. Уже приходят сообщения о вооруженных столкновениях между деревнями.

Главари большевизма утешаются тем, что революция не приходит в бальном платье, и во всех ужасах видят акт возмездия. Но они забывают, что революция возвещает зарю новой жизни в стране, пробуждение ее творческих сил на началах равенства и братства свободных граждан. Вместо этого они стараются насильно привить русскому крестьянину принцип социальной коммуны в то время, когда обширные поля уже пустуют и страшный призрак, голод и порабощение немцами, встал на горизонте и грозит накрыть своей тенью молодую свободу России.

Ни один сознательный крестьянин не может примкнуть к большевикам, ибо хочет, чтобы ему дали землю, но так, чтобы ее не отнимал сосед и он знал, что земля его навсегда. Только тогда он успокоится, а вместе с ним и Россия».

Союз русских инженеров

События шли своим чередом.

Распадались прежние русские учреждения, созданные в Америке, появлялись и исчезали новые лица. У русских в душе возникали сомнения, их угнетала полная неясность завтрашнего дня. Жить в атмосфере такого распада становилось все труднее. В таких условиях создавался Союз русских инженеров в Америке, и я был избран его первым председателем. В союзе состояло около ста инженеров, в том числе министр А. Бубликов, граф С. Шуленбург, Нарушевич, впоследствии ставший литовским посланником в Лондоне, Степанов, известный инженер колчугинских заводов, и многие другие инженеры с именем и стажем. Общество сразу заняло совершенно определенную позицию и стало проводить ясную и прямую линию. Свои задачи формулировало точно и кратко, борьба не только против большевиков, но и всех неурядиц, господствовавших в русских миссиях, посольстве и других русских организациях.

За моей подписью было послано официальное письмо чрезвычайному российскому послу в Америке:

«Общее собрание Союза русских инженеров и техников поручило мне, как председателю, довести до Вашего сведения о том ненормальном состоянии наших заготовительных учреждений, которое не может остаться без внимания тех, кому еще дорога Родина.

В январе текущего года русское посольство и представитель государственного контроля, учитывая, с одной стороны, размеры текущих заготовительных работ, с другой – размеры кредитов, которыми располагало посольство, поставили на очередь срочное рассмотрение вопроса о сокращении штатов наших заготовительных учреждений, равно как и рассмотрение размеров окладов, получаемых отдельными лицами. Как следствие этого, кое-что было проведено в жизнь и сделаны кое-какие сокращения. С тех пор прошло девять месяцев.

За этот срок положение России не только не улучшилось или осталось хотя бы в прежнем состоянии, но приняло оборот в худшую сторону. Тем не менее штат служащих заготовительных учреждений и размеры окладов отдельных лиц не только не согласуются с ответственностью исполняемой работы, но и явно ложатся тяжелым бременем на ограниченные остатки русских народных кредитов в Америке. Находя подобное явление ненормальным, Союз русских инженеров и техников обращается к Вам, господин посол, с просьбой, на основании «Положения об

отделе по снабжению при российском посольстве», пересмотреть вновь упомянутые штаты служащих.

В начале войны, когда Россия была еще могучей страной и разрешала финансовые вопросы с неизмеримо большей легкостью, чем они решаются нашим посольством, наши представители довольствовались половиной, порой одной третью того, что получают теперь, в период бездействия. Все мы настолько ознакомились с условиями и требованиями местной жизни, что без труда можем определить размер нормального оклада и для начальника, и для инженера, и для студента, и для низшего служащего. Устраивать же свое личное благосостояние в такое для России время, то есть за счет разоренной страны, несовместимо со званием русского гражданина.

Сейчас наша страна представляет собой сплошное море сражения, и нам, находящимся здесь, нельзя далее оставаться безучастными к напряженной борьбе. Наш нравственный долг спасать то, что можно. Несмотря ни на что, жизнь в заготовительных учреждениях все еще течет по-старому. Предоставляются отпуска «для отдыха» с сохранением содержания, несмотря на высокие оклады, выдаются пособия, доходящие порой до двухмесячного содержания.

Когда Ваш первый призыв к сокращению штатов и кредитов на их содержание стал проводиться в жизнь, получилось странное, быть может случайное, явление, одними из первых увольнялись в Россию командированные лица и почему-то прочно оставались на своих местах нанятые здесь.

Когда в России назрел вопрос о посылке в Америку приемочных партий, общественные организации, в которых состояли и Вы, господин посол, поддерживали мнение о желательности посылки в качестве чинов этих приемочных комиссий, молодых инженеров и студентов старших курсов, на которых одновременно возлагалась надежда за время пребывания в Америке познакомиться с высокоразвитой американской промышленностью. К сожалению, их работа протекала в условиях, не позволивших оправдать возложенные на них надежды.

Впоследствии эти лица стали пропагандировать идею образования отдельных групп по изучению тех или других вопросов техники.

Эта идея была подхвачена бывшим главноуполномо-ченным миссии П. С. и проведена в жизнь, но, к глубокому сожалению, на чисто чиновничьих началах новейшей формации. В образовавшиеся группы брали первых попавшихся людей, без всякого критического к ним отношения, не обращалось достаточно внимания, соответствует ли данное лицо по своей

технической подготовке тому делу, которое ему поручается изучить, будет ли заниматься этим впоследствии, поедет ли в ту самую Россию, которая выделила средства для его обучения.

Подобное ненормальное явление не могло не отразиться на результатах, в которых и сами они начинали сомневаться. Между тем при должном отношении к делу со стороны высших руководителей результаты могли быть несравненно большие при меньших затратах, поскольку труд лица изучающего, понятно, не может оплачиваться в том же размере, что и труд лица, передающего знания, опыт и ответственного за свои действия перед законом.

Когда догорают последние остатки нашей родины и дикая, необузданная, грубая сила разрушает плоды вековой работы культуры, пировать нельзя. Только больной ум может находить себе оправдание и превращать в эти кровавые дни русской истории действительность в праздник.

Заканчивая обращение, Союз русских инженеров и техников глубоко верит и надеется на то, что и Вы, господин посол, следуя демократическим стремлениям русского народа и чувству справедливости, вместе с представителем государственного контроля не откажете в благосклонном внимании и примете все зависящие от Вас меры по вышеизложенным вопросам».

Как видит читатель, это письмо не могло понравиться послу, хотя, по существу, не заключало в себе никаких резкостей. Его тон был решительным, поскольку необходимо было открыть глаза послу на действительное положение вещей, совершенно ненормальное. Посол не возмутился, хотя и упрекнул меня. Это мало огорчило, я был вполне удовлетворен тем, что правда наконец достигла ушей посла.

Когда я покинул Союз инженеров, его председателем избрали графа Шуленбурга. Все русские организации кончались, их жизнь обрывалась. Лучшую участь имел наш союз. Он вошел в контакт с Союзом американских инженеров, тот принял его под свое покровительство. Так при всемирно известном Союзе инженеров в знаменитом Карнеги-доме появился русский отдел.

Президенту Вильсону Союз русских инженеров отправил следующую телеграмму:

«Союз русских инженеров, состоящий из людей с установившимися взглядами, не преследующих политических целей и посланных в Соединенные Штаты русскими учреждениями и обществами с целью приобретения знаний на пользу России, обсудив ужасные условия в России, единогласно постановил обратиться к Вам не только как к главе великой

свободной страны, принявшей нас как друзей, но и как к вождю истинной демократии, стороннику мира и международного правосудия.

Мы чувствуем, что русский народ, истощенный голодом, лишениями и непосильной борьбой с врагами истинной свободы, пришел в отчаяние и Россия находится на пути бедствий, которые могут отразиться на поколениях, если для ее спасения не явится быстрая помощь.

Мы убеждены, что русский народ, обманываемый в течение долгого времени теориями, обещаниями и неудачами бессильных преобразователей, нуждается в материальной помощи для спасения от гибельного немецкого засилья.

Поэтому мы просим Вас, господин президент, использовать Ваше влияние на пользу России в деле организации американским правительством гражданской экспедиции в

Россию для помощи русскому народу, необходимой для успешной борьбы с немецким засильем.

Мы уверены, члены нашего союза могут многим помочь в осуществлении этой задачи, освещая русскому народу американские нравы и обычаи, идеалы, бескорыстность и искренность.

Мы уверены, в совместной работе с такой экспедицией появится возможность изменить чувство недоверия по отношению к союзникам, внушенное, без сомнения, значительной части русского народа немецкими пропагандистами, и организация подобной экспедиции отметит начало новой эры для России, станет основой взаимной дружбы между обеими странами и явится базисом объединения русского народа в борьбе с немецким засильем.

Не личные выгоды, но долг и осознание угрожающей гибели понуждают нас к этому выступлению, и мы надеемся, что Вы не оставите его без внимания».

Таким образом, поле борьбы с большевиками, в которой я решил принять самое деятельное участие, все расширялось и расширялось. Но самое большое удовлетворение давали результаты моих статей. Скажу без преувеличения, они восстановили против большевиков почти всех американских латышей. В самый короткий срок была основана Латышская национальная лига с отделами в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Филадельфии, Кливленде. Разумеется, цель этих организаций была одна и та же, борьба с большевиками и немцами. В своем первом воззвании Латышская национальная лига говорила:

«Ужасная борьба на поле брани во имя демократии и свободы

народов отняла у нашей родины лучших сыновей и имущество всего народа. Ни один из населяющих Россию народов не боролся столь мужественно и самоотверженно против немцев, как латыши, ни один из народов теперь так не «обрабатывается» при помощи враждебной пропаганды, как латыши.

Недалеко то время, когда германская военная сила будет сломлена и, подобно вешнему снегу, растает. Вместо кровавого света, который годами освещает нашу родину, «серебристое солнышко взойдет», как поется в нашей народной песне».

«Русский день» в Нью-Йорке

Наша пропаганда не прошла бесследно. Зов врагов большевизма был услышан. В единодушном протесте объединились многие русские организации. Это был уже не союз тех или иных профессионалов, всякий, кто понимал характер, планы и будущее большевистской власти, присоединил свой голос к общему протесту. Апофеозом единения, символом и знаменем общего русского протеста против большевиков стал «Русский день» в Нью-Йорке. 16 октября 1918 года состоялось грандиозное шествие по Пятой авеню до Центрального парка, где должен был состояться большой митинг протеста. Первым с речью выступил представитель американского правительства господин Фогель, помощник государственного контролера.

«Мы приветствуем Россию, – сказал он, – как нашу союзницу. Брест-Литовский мир никем не признан и никого не обязывает. Россия, русский народ не хотели этого мира и не хотят. У нас имеется бесчисленное количество доказательств, что ни одна группа, ни один класс в России не желал и не желает подобного мира. Мы никогда не забываем и не забудем того, что сделала Россия для обеспечения победы союзников. Весь мир в долгу у России, ибо не брось она свои войска с самого начала войны на сторону союзников, Германия прошлась бы победоносно по всей Франции».

Затем Фогель указал на огромные жертвы России в этой войне и отметил, что в тот день, когда представители всех народов соберутся на мирную конференцию, Россия вкусит плоды всеобщей победы наравне со всеми союзными нациями.

Долгие аплодисменты стали лучшим показателем того, что русские граждане поняли смысл речи официального представителя Соединенных Штатов. Затем выступил российский посол Б.А. Бахметьев.

«Доблестные армии союзников сокрушают германские укрепления во Франции и Бельгии. Перед беспримерным героизмом наших молодцов рушатся не только твердыни Гинденбурга, но и гнусные мечты автократии, ее стремление поработить и подчинить мир военным властелинам Германии.

Теперь мы уже видим зарю конечного триумфа в величайшей из всех войн, в которую пятьдесят один месяц тому назад вступила Россия, чтобы защитить свою сестру Сербию. Это народная война, поскольку ведется в защиту высочайших прав человечества, свободы и справедливости. И если эти идеалы требуют жертв, Россия первой принесла в жертву величайшее из

своих сокровищ – жизнь многих своих сынов.

Это усилие в первые дни войны дало возможность нашим союзникам собраться с силами и продолжать борьбу с беспримерной отвагой и упорством. Самопожертвование России, с плохим оружием оказывавшей сопротивление большей военной мощи, через неслыханные страдания и нужды, довело страну до истощения, а затем и полного изнеможения.

Но это временно. Великая страна, великий народ не могут пасть. До нас доносятся голоса из России, свидетельствующие о том, что наступает оздоровление страны, русские собираются под знаменами действительной свободы, снова стремясь к объединению своих с усилиями союзников.

Вся надежда России на торжество союзных целей. Мы прибыли сюда, чтобы поднять наше национальное знамя как символ жертв прошлого и надежды на будущее.

Наш долг, как русских, сегодня вдвое увеличить суммы, подписанные другими нациями на заем свободы, это наш долг перед изнасилованным народом России».

После речи российского посла полковником Николаевым был поднят русский национальный флаг. Этот момент особенно трогательный. Все обнажили головы, американские войска отдали честь русскому знамени, американский военный оркестр исполнил гимн России при долго не смолкавшем «ура!» многотысячной толпы.

Затем говорил я. Конечно, моя речь, как и мои помыслы, в эти минуты посвящалась моей родине.

– Граждане свободной Америки, я рад, что могу говорить вам от имени малого народа, латышей, который так самоотверженно боролся, жертвуя всем лучшим, что имел. Я счастлив, что временно подавленный немцами дух моего народа начинает возрождаться среди американских латышей, и я имею честь говорить от их имени. Латвия, как и другие балтийские страны, всегда была яблоком раздора. Об этом свидетельствуют многочисленные могилы русских и немцев, разбросанные по полям и пригоркам моей родины. Но никогда еще желание победить нас не было так велико, как теперь. Германия делает все, чтобы недоброжелательно настроить союзников против латышей и таким образом воспрепятствовать нашему самоопределению и независимости. Но наш народ всегда геройски сражался за свои права и справедливость, мы уверены в победе. Символ нашего народа – дубовый венок. Наше знамя – зеленые луга, желтеющие нивы и голубое небо, спутники и благословение нашей работы. Наш гимн начинается словами: «Боже, благослови Латвию, нашу дорогую родину». Сегодня эта

молитва должна зазвучать иначе, внушительнее и благодатнее: «Боже, благослови свободную Латвию, дай народу свободу».

Так в те дни я и единомыслящие латыши в Америке боролись мыслью, словом и делом за честь, славу и свободу Латвии, пламенно протестовали и восставали, по мере наших сил, против клеветников, наших врагов и поработителей. И мы верим, эти усилия и протесты возымели действие, ибо в ходе истории не пропадает даром ни один вклад, не проходит бесследно ни один призыв, голос, мольба, обращенная к богу правды и справедливости.

Работа среди американским латышей

Немецкий агент-шпион

Раз поставив себе ясную цель, я никогда не считал возможным забыть о ней, охладеть иди опустить руки. Начав газетную кампанию в защиту чести моих соотечественников, я продолжал печатать статьи о большевиках и латышах. В этом отношении американская пресса шла мне навстречу. В газетах появлялись мои статьи.

7 октября 1918 года было опубликовано письмо латышей Нью-Йорка к президенту Вильсону. В нем говорилось о незаслуженных нападках на них, как нацию. Протестующий голос был услышан в Белом доме, из Вашингтона пришел вполне удовлетворяющий нас ответ. Только с этого момента я мог считать свою работу успешно завершенной. Президента Вильсона заинтересовал балтийский вопрос. По его поручению ко мне прибыл профессор Бостонского университета мистер Сидней Фай, которому было поручено заняться изучением новой проблемы. Одновременно среди американских латышей началась организационная работа по устройству первого латышского конгресса в Соединенных Штатах. Этот конгресс избрал меня представителем на мирную конференцию, где мне предстояло защищать интересы моего народа, территория которого была оккупирована немцами.

Моя работа не особенно нравилась послу Бахметьеву. В ней он видел начало раздробления России. Мне же представлялась не гибель, а спасение России. Я настоятельно рекомендовал оставить шаблонные и отпугивающие лозунги, с которыми шли Колчак в Сибири, Деникин на юге, Юденич на северо-западе. Вместо клича о «единой неделимой» России следовало, по моему глубокому убеждению, объявить автономию народов, населявших русские окраины. Только так можно было поднять их против большевиков. Это сделано не было, и этого не хотел понять Бахметьев. Более подробно этот вопрос я обсуждал с советником посольства бароном Корфом, профессором юридических наук и бывшим финляндским вице-губернатором. К сожалению, и он был настроен оптимистически, по его мнению, все должно наладиться само собой. Напрасно я его предупреждал, доказывал, что и посол, и он, и все русские антибольшевистские деятели совершают непоправимую, роковую ошибку, и от нее больше всего пострадают они же сами, иллюзия «единой неделимой» пленяла умы, затмила здравый смысл и наконец привела Россию к самым мрачным дням.

Кто занимается практической политикой, должен всегда

ждать открытых или потаенных нападений, подвохов и соглядатайства. Так случилось и в нашем деле. Как только мои статьи начали появляться в американской прессе, ко мне явился очень приличный с виду господин мистер А. Савйн и представился латышом, желающим принять участие в нашей общей работе. Довольно быстро он сумел втереться в латышские организации Нью-Йорка, и даже был избран председателем местного латышского комитета, в обязанности которого входила пропаганда «Займа свободы». Прошло немного времени, и этот господин был «разъяснен». Несколько дам, энергичных и самоотверженных участниц этого комитета, явились ко мне и с понятной осторожностью, даже боязнью, стали рассказывать о работе Савйна. Им она казалась загадочной и непонятной. По их наблюдениям, Савйн все делает будто для того, чтобы подкосить и даже провалить кампанию «Займа Свободы». Естественно, это меня очень взволновало.

Я всегда считал своим долгом лично проверять чужие наблюдения и выводы и стал внимательнее приглядывать за работой Савина. Дамы не ошиблись. Я пришел к тем же выводам. Но одновременно с этим меня информировал о Савине еще и представитель американского правительства. Мне не оставалось ничего другого, как сделать об этом доклад центральному комитету «Займа свободы», и Савйн был отстранен от нашей работы. Вскоре мы о нем забыли и, вероятно, никогда бы не вспомнили, если бы через несколько недель ко мне не пришли два секретных агента американской полиции и не рассказали, что Савйн арестован. Они точно установили, что он приблизительно год назад приехал в Америку секретным образом из Германии и учредил небольшую контору, которая совсем не имела дел. Его жена открыла, тоже для виду, дамскую мастерскую. Агенты прибавили, что у четы Савйн в банках нет вкладов, денег они ниоткуда не получают, по крайней мере официально, но живут вместе с тем широко. По мнению полицейских агентов, Савйн был германским шпионом и его задача – компрометировать работу лояльных американских латышей в глазах правительства. Мне предложили дать какие-нибудь дополнительные сведения, проливающие свет на деятельность Савйна, и, если у меня окажутся факты, Савйн будет немедленно расстрелян. Меня это взволновало и обеспокоило. Конечно, я отказался от этого предложения, потому что никогда не хотел быть причастным к гибели другого, хотя бы и злейшего врага.

Малые народы

Война взволновала не только латышей, она разбудила и другие народы. В Вашингтоне был основан Mid European Democratic Union, в Нью-Йорке League of small nations. Руководителем вашингтонского объединения стал маститый чехословацкий профессор Масарик, впоследствии президент республики. Славянин, большой друг России, не склонный к пессимистическим обобщениям, он не хотел верить в окончательную гибель старой России и потому не сочувствовал освободительным стремлениям ее отдельных народов. Конечно, в душе он был против их отделения от России.

Мы работали совершенно самостоятельно. Это сообщало деятельности комитета полную независимость. Не могли мы примкнуть и к Лиге малых народов, ибо туда входили, например, представители Индии, мечтавшие об ее отделении от Британской империи. Общая работа с ними могла нам многое испортить. Особенно ясно это стало, когда на одном собрании-митинге выступил индус Лайпат Рай, высланный Англией из Индии за вредную антиправительственную работу. Но когда он с другими своими соотечественниками пригласил меня провести у них вечер, я был очарован гостеприимством этих людей. Все же мне казалось, что Индия может быть довольна своим положением. Она свободная страна, может процветать, жить в мире под защитой величайшего союза государств Британской империи.

Тогда же через Японию было получено воззвание к народам Европы о международном положении Латвии. Его составили латышские беженцы, видные политические деятели. Интересно и знаменательно, что в воззвании нет ни одного слова об окончательном отделении от России. Напротив, проглядывало желание быть с ней в союзе. Эта частность очень характерна для того времени, для политических настроений тех лет.

Зато в очень резкой форме воззвание обрушивалось на Германию. Это был действительно протест, обращенный к народам мира.

«Аннексируя балтийские провинции, Латвию, Литву и Эстонию, Германия становится единственной владычицей Балтийского моря, что не может не препятствовать международным мирным отношениям, в чем заинтересован весь мир. Это грозит новыми международными осложнениями уже в близком будущем. Долг всех европейских наций, ради их собственных жизненных интересов, прервать действия Германии в Балтийском крае».

Уже тогда латыши рассматривали этот вопрос серьезно, совершенно правильно понимали замыслы Германии. К сожалению, и сейчас Германия не отказалась от прежних планов, и в области мировой политики этот вопрос остается чрезвычайно актуальным. Волей истории и политической судьбы захватническая рука была отведена, сейчас она вновь тянется к балтийским землям.

Интриги против Балтики

Дифференциация и интеграция

Я уже говорил, что Прибалтийские государства, Эстония, Латвия и Литва, с незапамятных времен являлись источником раздора соседей. За эти земли боролись Россия, Скандинавия, Польша, Германия. Об этом свидетельствует история: разбросанные по всему краю могилы чужестранцев. Возможно, именно поэтому латыши, эстонцы и литовцы, наученные жизненным опытом поколений, всегда стремились и продолжают стремиться к тому, чтобы занимать нейтральное положение.

В самом деле, спросите любого гражданина Балтики, какой должна быть политика этих стран, услышите один и тот же ответ: «Жить дружно со всеми соседями и не вмешиваться в их дела». Принцип прекрасен, возразить нечего. Но практика всегда далека от идеала, и политику нейтралитета осуществить трудно. Тут же должен сказать, «нейтралитет» я понимаю в чисто местном значении. С широкой точки зрения Лиги Наций ни одно государство, входящее в ее состав, не может и не смеет отгораживаться нейтралитетом. Здесь все одинаковы и ответственны, в том и сила Лиги. Если одно из колес механизма остановится и тем самым остановит соседнее колесо, что станет со всем механизмом? Как бы высоко ни ценили наши страны нейтралитет, они не могут устранить рассеянных вокруг них интриг. Цель этих интриг всегда одна и та же: нарушить нейтралитет ради собственных личных, хотя бы и воображаемых выгод. Примеры были и будут.

Не успела закончиться мировая война, как в Америке стали появляться книги, изданные литовцами. В них упорно и откровенно распространялась мысль о том, что граница Литвы должна пройти до самой Риги. К ним прилагались соответствующие карты. Мало того, профессор Фриборского университета, литовец Жюсайтис поместил статью в N. Y. Times, доказывающую, что литовскому государству должна принадлежать не только вся Курляндия, но и половина Лифляндии и часть Витебской губернии. Другими словами, литовская пропаганда объявляла своей всю Латвию, за исключением северной, пограничной с Эстонией части. Это возмутило многих, в том числе и меня. Я выступил с ответной статьей в «N. Y. Times» и «N. Y. Evening Sun». Статьи явились резким протестом. Ни для кого не составляло тайны, говорил я, что все эти тенденции литовцев подготовлялись и подыгрывались другими народами.

К моему протесту всецело присоединилась газета Evening

Sun. Ссылаясь на мое письмо, поместила передовую статью под заглавием «Латвия». В этой статье Evening Sun осудила ни на чем не основанные литовские домогательства. Это подействовало, ибо в то время литовцы весьма внимательно прислушивались к голосу американской печати. Ко мне явилась литовская делегация. Велико было мое изумление, но и удовлетворение, она весьма странно выразила мне благодарность за вмешательство в этот вопрос. Совершенно откровенно они рассказали мне, что агитация ведется не настоящими литовцами, в ней заинтересованы литовцы-поляки, точнее, ополячившиеся литовцы. Доказывая права Литвы на латвийские земли, они имели в виду свои особые интересы в будущем.

Существовали и другие соображения. Мечтая о владычестве на востоке, немцы хотели создать литовское государство во главе с германским принцем Иоахимом. В этом случае чем больше была бы Литва, тем лучше для будущего завоевателя. Для успешного осуществления данной цели нужно было вести пропаганду о латышах как о большевиках. Все это, разумеется, оказывало известное влияние на более близоруких соседей. Они не особенно дружелюбно относились к стремлениям латышей, хотя, казалось бы, простой здравый смысл должен был подсказать неоспоримую истину: «Будет Латвия, будет Эстония и Литва. Не станет одной, не будет и другой»[1]. Латыши, эстонцы и литовцы, как нации, думали и думают так и теперь, исключая политических интриганов.

Так обстоял балтийский вопрос в послевоенные дни, так его освещали в Америке. С тех пор прошло двадцать лет, а истина о том, что история повторяется, по-прежнему актуальна. По-прежнему Германия предпринимает огромные усилия в экономическом и политическом направлениях, чтобы получить господствующее положение в Балтике и одновременно стать лицом к лицу с Советской Россией. Бермонт был, почему бы не явиться новому Бермонту, под тем или иным именем? (Бермонт – германский завоеватель Прибалтики сразу по окончании войны.)

Не следует думать, что и Советская Россия заснула, махнув рукой на Балтику и успокоившись в осознании своей полной лояльности и высокой верности договорам. В 1920 году она заключила мирный договор с Латвией, но и после этого большевики не перестали мечтать о ее присоединении, как они присоединили Кавказ. Теперь они временно отказались от этой мысли, но лишь потому, что возникла германская опасность. То же самое произошло и с Польшей. Все эти годы она находилась в неизменно враждебных отношениях с Литвой по поводу Вильно. Вопрос этот будто нарочно поддерживался.

Для поверхностного наблюдателя данная картина может показаться загадочной, и действительно, многие занимаются гаданиями. Они особенно популяризировались после неожиданного польско-германского договора, заключенного несколько лет назад. Гадают о польском коридоре, который мог быть передан Германии с компенсацией Польши за счет Литвы и Латвии[2]. Эти комбинации существуют пока в скрытом виде, однако давно не составляют секрета для балтийских политиков. На какой же гибельный парадокс толкают ее интриганы! Эстония в составе Балтики должна делать вид, будто все это ее не касается.

О, конечно, если бы народы и государства в своих взаимоотношениях руководствовались только правом и прислушивались к голосу чести и справедливости, трем балтийским странам можно было не задумываться над вопросом о своей самостоятельности в будущем. К сожалению, это не так. Понятия «право», «справедливость», «честь» утратили свое значение, превратившись в красивые формулы, вследствие чего, главным образом, существуют две политики, открытая и тайная, в которой самую ничтожную роль играют великие понятия о чести и праве.

Войны ожесточают, растаптывают самые высокие лозунги, но их окончание неизменно пробуждает лучшие чувства народов, жажду мира и справедливости, вызывая возмущение против всякой тайной политики государств. На этом фундаменте только и могла образоваться Лига Наций.

Тут же надо сказать, что открытую политику обыкновенно ведут малые народы, у которых не может быть сокровенных и потаенных планов по отношению к соседу. Если же малые государства иногда идут не по этому пути, решаются на политику тайн и недоговоренностей, в таких случаях надо всегда искать за их спиной кого-нибудь другого, суфлера или подстрекателя, которому безразлично, что в результате такой тактики государства неизбежно теряют свою действительную самостоятельность.

Только поэтому, искренне желая независимости Балтийских стран, я столь открыто поднимаю вопросы, которые должны одинаково волновать всех нас. Тайная политика губительна для Балтийских стран. Чем больше и дольше в своей политической практике они будут скрытными, тем хуже станут наши международные отношения. Балтийские государства должны понять, их собственные жизненные интересы ясно подсказывают открытую, искреннюю и лояльную политику в отношении со всеми соседями, враждебную по отношению к разным

интриганам. Она не должна давать повода к недоразумениям, давать особенные преимущества кому бы то ни было. По всем вопросам, везде и всюду наши государства должны занимать определенную позицию, держаться вместе, действовать единодушно, составлять единое целое.

Мало того. Надо помнить, что будущее балтийских народов не может базироваться на политических конъюнктурах больших государств, обманчивых и ненадежных временных притяжениях и пристрастиях. Основой политики малых государств должна стать крепкая приверженность праву, сознательное подчинение велениям чести и справедливости. Это большая моральная сила, равной ей нет. Она одна может быть нашим компасом, поскольку приведет к цели. Это должны понять и наши соседи, и они это неизбежно поймут.

Если большие государства действительно хотят всеобщего мира, они тоже, в свою очередь, должны оценить силу и значение этих великих принципов. Обо всем этом мы обязаны говорить откровенно и во всеуслышание. Балтийские народы из простого инстинкта самосохранения должны запомнить неопровержимую истину, пропадет одно из их государств, наступит крах и для остальных. Более дальновидным людям это всегда было ясно, против этого могут возражать только люди, абсолютно не ориентирующиеся в международных отношениях или преследующие собственные интересы, ничего общего не имеющие с интересами Прибалтийских стран.

Балтика находится в неспокойном окружении, не может и не смеет предаться мирному и спокойному забытью. Интриг много, они плетутся разными путями и средствами.

И среди нас, и за границей находятся люди, готовые не считаться с тем, кого еще недавно видели своими надежными друзьями и верной опорой. Говорят, Англия не может, да и не хочет оказать помощь Балтийским странам. Англия если и не разлагается, то переживает критический момент. Ей не до нас. На тех, кто плохо разбирается в современной политике, подобное мнение, естественно и неизбежно, оказывает действие.

Но так ли это? Неужели так легко приговорить Англию?

В природе, во всей Вселенной мы можем наблюдать два процесса, разложение и соединение. Часто они идут параллельно друг с другом. В математике, химии, всех точных науках мы раскрываем сложные формулы, сначала дифференцируя их, потом интегрируя. Так же надо оценивать жизнь народов. И она, как все в мире, регулируется этими двумя процессами. Действительно, мировая война закончилась дифференциацией всей Средней Европы с образованием шести новых государств,

Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Чехословакии. Но не успел этот процесс завершиться, как уже энергично включился обратный процесс интеграции. Государства стали объединяться, вошли, наряду с другими, в универсальный союз Лигу Наций. Это естественно и логично. Надо было почувствовать себя сильнее, строить свою жизнь надежнее.

Стремление и порыв к такому единению, более уверенная жизнь в большом прочном союзе известны задолго до возникновения Лиги Наций. Канада, Южная Африка, Австралия самостоятельны, пребывают в сфере большого равновесия мирно живущих доминионов Британии, во главе которых английский король как символ объединения и общей дружной силы. Никто из доминионов не мечтает об автономии. То же самое нужно сказать и об Индии. Там все здравомыслящие люди адекватно понимают политические выгоды, полагая, что порядок, преуспевание и будущее страны гарантированы в составе Британии. Фантасты, интриганы, политиканы не в счет, народ понимает, если Индия захочет отделиться, ощутит все ужасы страшного хаоса. Вот почему, пока Англия остается империей и объединяет народы и государства на основе права, чести и справедливости, ее мощь непоколебима. Потому я и многие со мной были бы удовлетворены, если бы, поскольку в силу интриг Средняя Европа не способна к объединению в надежный союз, эти государства объединились бы более прочно с Британией и Францией. Это ни в коей мере не умаляет самостоятельности, все остались бы независимыми, однако таким образом создается некая политическая прочность, и нет нужды тревожно задумываться о неверном завтрашнем дне. Уверенность в себе – великое дело, ощущать под ногами твердую почву, жить за крепкой оградой и не тревожиться – великое достояние и необходимое условие для труда и строительства.

Обратно в Европу

В Америке все работы завершены. Собираюсь в Европу, но мои соотечественники не так легко готовы со мной расстаться и устраивают проводы. Навсегда в памяти останется прощальный вечер, устроенный латышами-баптистами. Песни, патриотические речи, даже слезы, как жемчужины человеческой души, придали этому вечеру особенную задушевность и перенесли в далекую многострадальную родину. Я получил много писем, в них были благословения и выражения признательности за мою работу. Профессор библейского института Дж. Бокмелдер, между прочим, написал: «Да поможет Вам Бог работать, дабы наш народ приобрел утраченную свободу». Те же слова прозвучали и в напутствии священника Дж. Кветина: «Да будет Богом увенчана Ваша работа». Представитель рабочей организации и национальной Лиги Е. Пилсум выразил свои чувства в стихах. Не могу привести их в подлиннике, но смысл таков: «Не бойся, если земля бы разверзлась и захотела тебя поглотить, если бы на тебя надвигалась гора и хотела бы тебя похоронить, если бы моря вышли из берегов и поднялись все камни на тебя, всегда оставайся верным своему народу».

Наконец, 25 января 1919 года мой пароход «Лапланд» оставил Нью-Йорк. Последней со мной простилась миссис Невман, самоотверженная общественная работница. Она подарила мне розы, они всю дорогу украшали мою каюту. Велико было огорчение, когда я получил письмо, в котором сообщалось, что ровно через неделю, час в час, минута в минуту, после моего отъезда она умерла. Как понять, разгадать, изведать законы природы и тайну человеческой жизни? В эти минуты я испытываю горячее желание послать или лично отвезти на могилу этой женщины не цветы, а горсточку родной земли. Это совсем не сентиментальность. Родная земля – источник жизни и вечности, она, как ничто больше в мире, рождает в людях единодушие, добро и мир.

Пароход «Лапланд» переполнен пассажирами. Среди них бывший американский посол Оскар Штраусс, неофициальный советник президента Вильсона, известный финансист Ванд ер лип, австралийский министр труда Биби, представитель американских литовцев Нарусевич с и представительница американских поляков графиня Туркевич. Со всеми этими людьми я познакомился. На пароходе царило оживление, переезд мог быть беспечальным, и стал бы таковым, если бы со мной путешествовали три моих прекрасных малыша, а не их

фотокарточки. О моих детях я уже давно не получал никаких известий, ничего не знал и о жене, это меня удручало. Мистер и миссис Вандерлип мне искренне сочувствовали, рассказывали, что у них пятеро детей, приглашали посетить созданную ими школу в 120 километрах от Нью-Йорка, тле 100 учеников обучают 20 учителей. «Лучшее, что я могу дать своим детям, – говорил мистер Вандерлип, – воспитание и образование». Эти слова я занес в дневник, настолько они показались мне характерными для американцев с их большой любовью к детям.

Пассажиры 1-го класса устроили небольшое собрание. Мистер Вандерлип прочел лекцию о будущих экономических отношениях между Америкой и Европой, точнее, о помощи разоренной Европе, которая, по его убеждению, могла быть троякой. Торговля на базе золота, товарообмен и кредит. Однако торговля с помощью золота, которого в Европе нет, невозможна, даже нежелательна, ибо 2 300 000 000 долларов, иначе говоря, треть золота, находится в американских банках. Невозможен и товарообмен ввиду отсутствия товаров в Европе. Таким образом, остается торговля в кредит.

Вторым выступил австралийский министр Биби. Он говорил о регулировании взаимоотношений между рабочими и работодателями, ратовал за договорные начала и привел в пример Австралию, где господствует данный принцип. Хорошее впечатление произвела на всех графиня Туркевич, украшенная польским орденом, образцовая польская патриотка, интересная женщина.

Стояла прекрасная погода. 2 февраля я записал в дневнике: «Какое ясное небо! Столько ярко блистающих, мерцающих звезд я еще никогда не видел. Какая удивительная красота! Как много ее подарено миру». Я и сейчас вижу эти звезды и задумчивых пассажиров на палубе, которые часами любуются звездным небом, вечным символом мира и единения земли, моря и человеческого духа.

По Европе в 1919 году

Лондон

Медленно приближаемся к берегам Англии. Во время сильной бури наш пароход получил пробоину, частично наполнился водой, немного накренился и потому не может идти с нормальной скоростью. 4 февраля с большим опозданием мы достигли Ливерпуля. Я немедленно уехал в Лондон.

Здесь я впервые. Погода сырая, туманная, идет дождь. Тот самый Лондон, каким я его знаю по описаниям. Неудивительно, что при таком климате англичане много путешествуют. Значит, нет худа без добра, и это худо способствовало тому, что они стали народом мирового значения. Англичанин странствует в поисках солнца, путешествуя, учится управлять пространством, где солнце никогда не заходит. «Путешествия и образование управляют миром», – утверждают англичане.

Лондон переполнен, трудно найти свободную комнату в отеле. День заканчиваю в холодном номере, сидя у камина, и сержусь за это на англичан. Настоящая египетская казнь, особенно после теплых американских отелей, начинается тогда, когда ложишься спать. Печи не топятся, в комнате всего 3–5 градусов тепла. Почему? Экономия или ограничения топлива? Война все истощила.

Беженцы-латыши

Мой приезд отметила английская печать. Daily Telegraph интервьюировала меня и напечатала декларацию конгресса американских латышей. Прежде всего я познакомился со своими сородичами-беженцами. Они покинули Ригу, гонимые большевиками. В Лондон их доставил английский военный корабль. Среди них были известные общественные деятели, Берг, Замуель, Зеберг, обер-пастор Берг с семьей и другие. Они меня подробно информировали об ужасном положении нашей родины, о большевистских ужасах. Я немедленно взялся за работу и отправил президенту Вильсону длинное обстоятельное письмо. Составить его помог Берг. В ярких красках мы обрисовали положение в Латвии и просили немедленной помощи.

Путешествуя по делам, я почти целый год провел в Париже и Лондоне. Эта работа была интересна и важна только для Латвии, поэтому я буду приводить в хронологическом порядке только те записи дневника, которые могут иметь общий интерес.

24 февраля. В Лондоне уже много сделано. Пора бы ехать в Париж. Французское посольство задерживает с выдачей визы. Франции будто не нравится наша работа. Она все еще надеется на спасение России и ко всем сепаратным устремлениям балтийских народов относится выжидательно. В таком же положении и представитель Литвы. К счастью, американское посольство оказывает мне всяческое содействие.

26 февраля. Из Парижа прибыл представитель временного латвийского правительства З. Мейеровиц, первый латвийский министр иностранных дел[3]. По своим способностям он выдающийся дипломат и умеет очаровывать людей. Ему удалось добиться от Бальфура признания независимости Латвии.

5 марта. Похороны жены обер-пастора Берга. Похоронили жену обер-пастора Берга, сожгли в Golden Green крематории. Какое большое горе! Надгробное слово говорил сам пастор. Будто забальзамированная мумия, он неподвижно произносил слова, которые трогали до слез других, сам он не плакал. «Розы я протянул тебе, когда ты отдала мне свою руку и подарила свою любовь. Розами хотел я осыпать твой жизненный путь, розы кладу теперь у твоих ног. Воля Божья. Благодарю Тебя, Господи, за временное счастье, которое Ты мне дал. Я прошу силы себе, детям, друзьям, молю ниспослать мне веру, которая дается Твоим промыслом везде, на неизъяснимых и непонятных путях жизни, прошу о мире, душевной тишине, которая возносит нас над заботами и печалями мира, и хочу стать ближе к Тебе, моему

Богу». Меня глубоко тронула эта речь своей редкой искренностью, она задевала еще и струны моей души, находила отклик в моих печальных настроениях.

9 марта. Воскресенье. День прошел не без приключений. Американские солдаты, отправляющиеся обратно на родину, устроили основательную драку с лондонской полицией. Есть убитые, много раненых. Моральная сила способствовала победе, теперь она деморализует.

16–20 марта. Миссис Кларк, очень симпатичная, интересная англичанка. Она хочет мне помочь во всем и сама стала патриоткой Латвии. Отправляюсь с ней в театр «Колизеум» смотреть русский балет Дягилева. Весь театр в восторге от русских танцев. В этом искусстве у них нет соперников. «Красота спасет мир», – сказал Достоевский. Ничто не сближает народы так, как искусство, оно несет ему мир.

Последний вечер в Лондоне. Мистер и миссис Кларк устроили ужин. Настал час моего отъезда. Чувствую, для них я желанный гость, приятный собеседник, и радуюсь, что приобрел новых друзей. Англичане своеобразны. Под внешним покровом равнодушия и безразличия в них таится искренняя сердечность. Я уважаю англичан. Их чувство собственного достоинства и воспитанность могут служить примером для многих.

По дороге в Париж. 21 марта. Выехал в Париж. Погода чудесная. Для Англии это редкость. В Лондоне я пробыл полтора месяца. Светит солнце. В вагоне удобно. Каждое сиденье имеет приставной стол. Пью чай и через окно наблюдаю поля, сады, дома. Обыкновенно думают, что много чая пьют только в России, не меньше его пьют и в Англии. Английский чай вкусен, доставляется с островов, из Китая, эти сорта комбинируют, и смесь приобретает особый приятный вкус и аромат.

Как мало времени мы уделяем размышлениям!

Современная жизнь не дает нам для этого досуг, жаль! В дороге я не люблю читать. Хочется наблюдать и думать. Это гораздо ценнее. Путешествуя, находишься как бы в другом мире, все, что было, осталось позади, а впереди неизвестное будущее. Дорога наш наставник. Кажется, она не имеет ни начала, ни конца, есть только остановки, и, погружаясь все больше в неторопливые дорожные раздумья, лишний раз понимаешь: вся наша жизнь один остановочный пункт. Поэтому будем жить для народа, для человечества, которое существует вечно.

Едем по каналу La Manche. Неприятный канал! Ветер, буря, трудно стоять. Всем хочется прилечь. Пароход как больница. Но это испытание недолгое. Вот уже видны берега Франции. Родину больше не отделяет море-океан, при желании можно и пешком

пройти. Сколько раз в военные годы произносились слова: «Vive la France». Они произносятся и сейчас.

Снова сижу в вагоне, но уже французском. Проносятся печальные картины, пустынные поля Северной Франции, торчат башни и стены разрушенных фабрик, свалены в кучу каркасы, крыши, сгоревшие машины. То там, то тут возвышаются бесчисленные белые кресты, безмолвные свидетели мировой трагедии. Никогда, никогда не должно быть больше войны, долой этот ужас, да сгинет это чудовище! 11 ноября победа человечества и цивилизации.

Париж. Весь мир смотрит на Париж, как на мировой центр, куда съехались со всех стран и концов света правительственные делегации, специальные миссии, выдающиеся генералы, прославленные фельдмаршалы, президенты, политики-дипломаты, ученые, художники, вершители судеб мира. Военные части разных народов маршируют по улицам Парижа. Здесь они последний раз, завтра уйдут по домам, отправятся на родину, в Англию, Канаду, Северо-Американские Соединенные Штаты, Африку и Азию. И воины-латыши тоже стремятся домой.

Блестящие мундиры, фраки, смокинги, элегантные туалеты дам смешиваются с экзотическими костюмами Востока и Юга, переполненные рестораны, отели и ночные заведения кажутся волшебным маскарадом. Радость победы, манящее будущее, свобода народов, как общий легкий вздох после пережитых страданий. Все это придало Парижу торжественный вид[4].

23 марта. Версаль. Воскресенье. Председатель нашей делегации Чаксте, теперь покойный, первый президент Латвийской республики, устроил поездку в Версаль.

Участвовали Мейеровиц, теперешний латвийский посланник в Париже Гросвальд, посланник в Лондоне Зарин, нынешний помощник министра президента, Скуенек, я и другие. Чаксте рассказывал о французской придворной жизни времен Людовиков и Наполеона. Передает он картины и нравы той эпохи так, будто сам жил в ту пору, близко видел всех этих людей, обстановку их жизни, говорил с ними, наблюдал непосредственно, вблизи. Я восхищался рассказами Чаксте и восхищался Версалем. Какая красота, какое величие! Мадам Помпадур, мадам Дюбарри, вероятно, были крупными личностями, своеобразными гениями, если сумели внушить сооружения и памятники, которыми теперь восхищается мир. Они создают ореол Франции, делают ее навсегда исторически славной. Что взбудораженные массы народа когда-то осудили, то сейчас, в исторической перспективе, в отдалении веков, выдвигается как что-то неподражаемое, недостижимое, предстает гордым символом человеческого

творчества, возвышается как создание не только Франции, но и целого мира.

26 марта. Латвийская делегация устроила обед. Среди гостей американские профессора Лорд Морисон и английский профессор Симеон. Все они специалисты по международным вопросам[5].

2 апреля. Грузинская делегация во главе с Чхеидзе и Церетели (оба известные ораторы и члены русской Государственной думы) устраивает собрание из представителей народов бывшей России. Чхеидзе обращается ко мне с вопросом:

– Чем и как объяснить, что латышские стрелки поддерживают большевиков и дерутся на их стороне?

Вопрос не без укора.

– Это все сделали ваши речи в Государственной думе, – ответил я.

В самом деле все возвращались на родину, могли как-нибудь устроиться, только латышским стрелкам некуда было деться, их родина была оккупирована немцами. Другого исхода не было, пришлось остаться там, где застигла злая судьба, у большевиков. Но уж так повелось издавна, латыш, что бы он ни делал, делает не за страх, а за совесть, как сказал мне в Нью-Йорке еврей-философ: «Даже негодяю честно служите».

4—22 апреля. Представитель американского Красного Креста полковник Олдс просит к себе и сообщает, что его организация решила оказать помощь латвийской армии, сражающейся с большевиками. На другой день 5 апреля мистер Тафт по поручению Гувера сообщает, что мое послание к президенту Вильсону оказало хорошую услугу. Пароходу, шедшему в Финляндию с грузом муки, дан приказ изменить курс, пройти в Либаву и сдать груз латвийскому правительству, население, бежавшее от большевиков, уже голодало. Это стало началом американской и союзнической помощи. Я был чрезвычайно рад, а председатель делегации Чаксте даже прослезился, так все это важно и отрадно. Полковник Карлсо, Педен, капитан Пэйн, полковник Этвуд и многие другие американские и английские представители АРА и высшего экономического совета стали оказывать нам всяческое содействие. Работа кипит.

Латвийская делегация решила послать меня в Либаву для ознакомления на месте с положением дел. Я должен был объединить в экономический союз оставшиеся хозяйственные организации, получить от них и правительств общую доверенность и вернуться с ней в Париж.

Через Лондон и Гуль выезжаю в Либаву.

На вокзале меня провожают две дамы, жены латвийских генералов Дамбита и Рушкевица. Пенелопа оставалась дома и ждала возвращения мужа, жены латвийских генералов покинули дом, чтобы их мужья могли свободно защищать родину. Такова современная легенда.

В Северном море. Море туманно. Опасно ехать, много мин. На одну пароход едва не наскочил. Это вызвало большое волнение. На пароходе большая компания молодых девушек-танцовщиц. Они едут в Копенгаген и Стокгольм. Скандинавские страны наполнены золотом, и его надо выкачивать. Сама жизнь требует, чтобы оно не застаивалось и не лежало втуне. Сотрудничество людей и народов не может и не смеет останавливаться. Движение – общий закон, оно управляет миром.

Наступает вечер. Темно. Ехать еще опаснее. Сколько людей погибло в Северном море во время войны! Свою жизнь здесь закончил и лорд Китченер. Немцы ему словно отомстили за неожиданный результат потопления «Лузитании». После этой катастрофы Китченер якобы сказал: «Немцы знают все, но не понимают ничего». Да, они не предвидели, что гибель «Лузитании» вызовет целую бурю негодования в Америке и ускорит ее выступление против Германии. Много матерей-англичанок едет по Северному морю, будто разыскивая своих погибших сыновей, и, мысленно с ними общаясь, посылают молитвы о том, чтобы никогда больше не повторилась эта ужасающая война.

Копенгаген. Сюда мы приехали после полуночи, но стали покидать пароход только утром. Это было в первый день Пасхи. Город в праздничном настроении. Обычная для всех скандинавских городов воскресная тишина. Торжественный звон церковных колоколов, но и он переносит меня на многострадальную родину, в Россию, в Московский Кремль, где веками тысячи колоколов благовестили: «Христос воскресе». Сегодня там кладбищенское молчание. Какой ужас! От латвийских представителей Дуцмана (позднее посланника в Скандинавии и Чехословакии, представителя при Лиге Наций и международного судьи в Сааре) и Лепа я узнал, что латвийское правительство, бежавшее от большевиков из

Риги в Либаву, во главе с президентом Ульманисом, находится в опасности. Немцы совершили политический переворот, заняли все учреждения Либавы и захватили власть в свои руки. Тем не менее надо добраться до Либавы, хотя ввиду произошедшего переворота мне не советуют рисковать. Переворот взволновал и союзников. В самом деле, немцы побеждены, но на востоке Балтики снова начинают орудовать. Узнаю, что в Либаву

срочно отправляется на английском военном корабле See point полковник Х. Уэйд и американский военный атташе в Лондоне полковник О. Солберг. Они любезно принимают меня на корабль. С большой скоростью мы проезжаем Балтийское море и входим в либавскую торговую гавань.

Либава

Что происходит в Либаве, никто из нас не знает. У входа стоит английский крейсер, мы представляемся адмиралу сэру Уолтеру Коуэну и по каналу въезжаем в либавскую торговую гавань. Как выразить словами мои чувства, как передать волнение. Прошло три с половиной года, как я не видел родины, столь безжалостно измученной за это время! Ее терзали все эти годы и теперь снова начинают терзать! Тяжкое душевное состояние. Сколько сил потрачено, сколько работы проведено во имя нее, и вот никто меня не встречает, я не слышу ни единого привета. Улицы Либавы тихи, безмолвствуют мертвые фабричные трубы. Весенний день сер, будто сама природа сочувствует общему горю. Город как кладбище, и только немецкие офицеры гуляют с поднятыми головами. Обращаюсь на улице к первому попавшемуся прохожему, спрашиваю, не знает ли он местопребывание известного латвийского писателя Скальбе, члена Учредительного собрания. Незнакомец смотрит странно, но адрес все-таки дает. Когда я прихожу, Скальбе уже нет. Оказалось, незнакомец, сообщив адрес, побежал предупредить Скальбе, что сейчас его арестуют. Ирония судьбы, он принял меня за германского агента!

Таково было настроение масс, все насторожены, напуганы, всюду видят шпионов и немецких агентов. Действительно, ими переполнена вся Латвия. Английский полковник советовал мне быть осторожным и ночевать на военном судне. Я же решил остановиться в гостинице и снял номер в «Риме». Не верилось, что немецкие власти меня, представителя американских латышей, решатся арестовать. Впрочем, такой шаг мог бы сослужить хорошую службу делу латышей в борьбе с немцами. В предположениях я не ошибся, немцы меня не трогали. Вечером, войдя в ресторан гостиницы, где было много немцев, я громко сказал по-латышски: «Здравствуйте!» Потом об этом говорили, как о моей какой-то особой смелости, риске. Правда, в накаленной атмосфере тех дней мое приветствие на латышском могло легко вызвать со стороны немцев соответствующие репрессии.

В Англии латыши-моряки принесли мне довольно много денег с просьбой передать эти суммы в Либаве их семьям. Тогда моряки зарабатывали много, хотя и с опасностью для жизни. Чрезвычайно трогательна была сцена, когда я передал деньги некой госпоже Эглит. Она ничего не знала о муже и давно считала его погибшим. От неожиданного известия она сначала

разрыдалась до истерики, потом успокоилась и так обрадовалась, что в эту минуту и я, растроганный, был счастлив чужим счастьем. Так оно и есть, высшее счастье – делать счастливыми других. «Где трудно дышится, где горе слышится, там первым будь», – говорит русский поэт Некрасов.

2 мая. Начальник американской миссии полковник Гран – энергичный и симпатичный человек, но ему трудно понять местные дела и условия нашей жизни. Он готов все виденное сравнивать непременно с Филиппинскими островами, где он находился в качестве американского представителя и урегулировал немало сложных вопросов. Но нам ссылки на Филиппинские острова, разумеется, казались не основательными. Он усиленно советовал правительству Ульманиса войти в контакт с немцами и совместно составить правительство. Конечно, ни Ульманис, ни один из членов кабинета, как и все члены Учредительного собрания, на это не соглашались. Война продолжается, Ульманис в полной уверенности, что все уладится благополучно, хотя временно и укрылся в доме английской миссии и нигде не появлялся. Другие члены правительства на пароходе «Саратов» отправились в открытое море. Ульманис действовал весьма ловко. Уже при первой встрече с ним каждый чувствовал его большую внутреннюю силу, не признающую компромиссов, благодаря которой он сделался теперь единственным вождем всего народа.

Прибыл майор Брукинг, представитель АРА и личный друг Гувера. Он остановился в той же гостинице, где жил я, и занялся организацией питания детей, я ему помог организовать соответствующий комитет. Майор советовал мне как можно скорее ехать обратно в Париж с полномочиями правительства и кооперативов. Воспользоваться ликвидируемыми во Франции американскими военными материалами, продуктами питания и т. д. Правительство предоставило мне доверенность заключать договоры на сумму до пятнадцати миллионов долларов. Майор Брукинг вручил личное письмо к Гуверу, весьма лестно рекомендовавшее меня. Собираюсь к немедленному отъезду.

20 мая. Французское военное судно «Риволи» отвозит меня до Копенгагена. Французы весьма любезны, латыши им платят той же монетой. Об этом говорит все, даже название только что открытой в Либаве кофейни: Pour moi. Из Копенгагена в Лондон, там задерживаюсь несколько дней и, наконец, уезжаю в Париж.

Герберт Гувер

30 мая. Гувер меня любезно принимает, знакомит со своими помощниками полковником Логаном и профессором Шерианом и объясняет, что я стою на праведном пути в смысле получения американских товаров и кредитов. Конечно, это меня очень радует.

Гувер – выдающаяся личность, человек определенного, строго выдержанного характера. Репутация его, как и всех его помощников, безупречна. Всякое дело у него идет по заранее продуманному точному плану, по строго выработанной системе. У него отличное чутье на людей, он как-то быстро умеет находить себе уважаемых и способных сотрудников, это делает его еще более авторитетным, еще больше вселяет доверие. Послевоенное время не может гордиться слишком высоким моральным уровнем. По профессии инженер-администратор, Гувер всюду умеет внести гармонию, соблюсти и поддержать ритм. Этим большим человеком восхищаются даже враги.

5 июня. Неожиданно ко мне явился некий Макс Рабинов. Это тип послевоенного дельца, сразу после войны в Париже таких людей было много. Он бывший дирижер Бостонской оперы. Рабинов попробовал нарисовать мне положение дел в Париже, указал на предстоящие трудности и довольно откровенно дал понять, что я ничего не добьюсь, если буду работать самостоятельно, то есть без его участия. За свои труды попросил 3 процента с общей суммы договора, который будет заключен с американским правительством. Чтобы доказать всю солидность своего предложения, он показал договоры, заключенные с литовской и эстонской делегациями. Кроме того, считал, что в этом деле должен быть заинтересован и я, и предложил мне один из трех процентов, которые получит он сам. Это, по его словам, простое вознаграждение за мой труд.

У меня же была одна мысль, одна забота, не допустить промах, всеми силами, любой ценой, во что бы то ни стало получить то, что нужно, и потому я попросил Рабинова подождать ответ до следующего дня. Конечно, я знал, что моральный уровень всяких ликвидаторов, вроде него, невысок. И он, и все, с кем он работает, одного поля ягоды. Я решил положиться во всем на Гувера, веря, что он мне поможет больше, шире, искреннее и совершенно бескорыстно. И я не ошибся. Три раза мое дело останавливалось и казалось безнадежным, но всегда Гувер, лично или через помощников, давал мне нужные указания и импульсы, действовал авторитетно и открыто, и Рабинов решил отступить и

больше не чинил мне препятствий через своих людей. Дело стало на верный и прямой путь.

22 июня. Сегодня провожали члена балтийского комитета американца Морисона. Он уезжает в Америку, недовольный работами мирной конференции по вопросам Балтийских стран и отношением конференции к адмиралу Колчаку. В его честь латышская и эстонская делегации устроили прощальный обед в ресторане Pre-Catelan (в Булонском лесу). На обеде присутствовал только что приехавший в Париж с докладом полковник Грин, глава американской военной миссии в Прибалтике. Он уже успел более основательно ознакомиться с положением дел в Балтике и не сравнивает ее с Филиппинами. Он всячески содействует работе балтийских делегатов[6]. На этом обеде со стороны эстонцев присутствовали Поска, Пуста, Пийп и латыши Мейеровиц, Гросвальд и я. Речи всех были полны бодрости и надежды.

Мир подписан

23 июня. Мир подписан. Удивительный день! Какими священно-блаженными чувствами наполнен весь Париж! Сегодня, кстати, канун Иванова дня. Наши предки в этот день покидали свои дома, оставляли двери незапертыми, столы были накрыты для всех путников. Все шли на Синюю гору, символ мира в эти дни объединял всех. Приносились жертвы богам, забывалась вражда, начиналась общая трапеза, потом танцы. Первыми выступали старики и старухи, затем взрослые и, наконец, молодежь. Так гласит легенда о жизни древних латышей. Сегодня везде звонят колокола мира. Действительно, нет более прекрасного слова, чем это слово «мир». Ежегодно в рождественские праздники его повторяют миллионы людей. Пожелаем, чтобы больше никогда колокола не звонили о торжественном наступлении мира, провозглашая конец войны и кровопролития. Конечно, именно так понимают этот звон Париж, Лондон, Нью-Йорк и весь цивилизованный мир.

24 июня. Договор подписан. Я получаю разных товаров приблизительно на пять миллионов долларов, продукты, автомобили, военное снаряжение и т. и. Работа в полном разгаре. Едва ли не самый важный вопрос теперь, как отправить все это в Латвию, куда их собрать и в какую гавань направить? В разрешении этих вопросов мне помогают полковник Этвуд, полковник Колман, майор Нобль, капитан Боэн и лейтенант Бери. Много денег уже потрачено, еще больше нужно, чтобы все это доставить на место. Решаю ехать в Ливерпуль. Там много латышей, капитанов и владельцев пароходов, у которых во время войны накопилось много денег. Из них немало погибло, но кто уцелел, тот богат.

27–30 июня. В продолжение двух месяцев я уже четвертый раз еду по Северной Франции, картина все та же, голые поля, общее разрушение. Это действует крайне удручающе, временами кажется, души погибших окружают наш поезд и говорят: «Здесь пролилась наша кровь, разрывалось наше тело, ломались наши кости. Послушайте, какие вопли страдания проносятся по этим пустынным полям! Ради чего эти жертвы, ваши слезы, столько горя? Ответьте нам, ушедшим в вечность, скажите, чего достигли вы, прервав нашу кратковременную жизнь, чудесное мгновение вечности?»

И вдруг неожиданный удар дверью по большому пальцу руки. Ноготь оторван. Это я забылся и падаю в легкое обморочное состояние. Сосед-англичанин при помощи эфира приводит меня в

чувство, помогает перевязать разбитый палец. Ощущаю сильную боль и какое-то внутреннее удовлетворение, вот и я ранен на этих полях. Приезжаю в Лондон, оперирую палец, хожу с подвешенной на перевязи рукой. Это доставляет немалые затруднения.

Выезжаю в Ливерпуль.

Президент Вильсон. По той же дороге шесть месяцев назад ехал президент Вильсон, отправляясь в Манчестер, где произнес блестящую убедительную речь. Он хотел найти поддержку у английского народа, у рабочих, американцы его не поняли или, может быть, не хотели понять. Его речь в моем портфеле. Вынимаю и читаю: «Человек, который не хочет вам услужить, не ваш друг, и вы ему тоже не друг, если не хотите ему услужить. Только от осознания общих интересов, этих импульсов, желания служить другим рождается высшее самоудовлетворение и уверенность в себе и других, которые называются дружбой».

В Ливерпуле я достиг своей цели, достал деньги. Теперь еду обратно и вновь перечитываю речь президента Вильсона. Должно быть, очень нелегко было ему, если он принужден был искать поддержку в Манчестере, чтобы противодействовать оппозиции в собственной стране. Более дальновидные и мыслящие американцы справедливо говорят: «Президенту Вильсону надо было родиться на сто лет позже». Но тогда он не был бы пророком, каким стал сегодня, пророком, подарившим миру великие мысли о новых основаниях для мирного сотрудничества народов. «С самого начала истории, с тех пор, как люди произнесли это слово «свобода», все говорили и говорят о своих правах. Но должны были пройти столетия, чтобы люди поняли и оценили основные принципы права и значение наших обязанностей, осознали, что пока не исполняются обязанности, не может быть и прав». Так говорил представитель великой демократической страны двадцать лет назад, когда искал новые способы сотрудничества народов и закладывал фундамент Лиги Наций.

3 июля. Латвийская делегация снова выпустила воззвание.

День победы

14 июля. Сегодня день победы. Париж и вся Франция в ликующем праздничном настроении. Гордо идут эскадроны. Медленно двигаются танки, орудия, военные повозки. Над всем развеваются знамена, а выше над Парижем реют аэропланы. Слышны ликующие возгласы: «Да здравствует Франция!», «Да здравствуют союзники, вожди их армий, короли и президенты!». Пенится шампанское, звучат песни, люди обнимаются, льются слезы. Каждый приветствует друг друга с победой»[7].

2 сентября. Уже больше месяца я в Бордо. Все товары сконцентрированы здесь. Первый пароход Euphemia уходит в Латвию. С большим трудом удалось найти капитана, решившегося ехать. Все боятся немцев и еще больше большевиков. Боится большевиков и команда парохода. Ее предчувствия оправдываются, как только Euphemia прибыл в Ригу, его стал обстреливать известный авантюрист Вермонт, поддерживаемый немцами. Не разгружаясь, пароход уходит в Ревель, где должен был оставаться до изгнания Вермонта.

Неожиданно в Бордо встречаю американского капитана Деверо, члена военной миссии в Балтийских странах, возглавлявшейся полковником Грином. Капитан возвращается в Америку к семье и счастлив, что может покинуть

Европу. Но переживания в Европе так глубоки и необычайны, что на душе у него, помимо радости, еще большая грусть и жалость. Особенно памятны ему месяцы, проведенные в Прибалтике, где он хорошо познакомился с хозяевами этих земель, латышами, эстонцами, частично с литовцами и немецкими баронами, особо привилегированной здесь кастой. По-человечески он сожалел о разорении баронов. Но тут же делился неприятными впечатлениями, американцам не могло понравиться, что немецкие бароны настойчиво и упорно старались представить латышей и эстонцев большевиками. Удивительно, они не могли или не хотели в своем эгоистическом затмении понять, что жизнь и факты говорили совсем о другом, исключительное трудолюбие балтийских крестьян, борьба с большевиками – все свидетельствовало против них и компрометировало в глазах американцев. Беспристрастный рассказ капитана Devereux показался мне весьма поучительным, нельзя добиваться правды неправедными средствами, ложь укутать и спрятать в одежды полуправды. Рано или поздно всякая неправда должна уступить место истине, это справедливо и для отдельного человека, и для целых народов, какие бы цели они

себе ни ставили. Только это убеждение дает надежду, право и радость жить и работать даже в самые мрачные дни и самые тяжкие времена. К сожалению, «правда» и «неправда» иногда понимаются различно, тем энергичнее надо трудиться над разработкой самой великой, важнейшей из всех наук, «наукой мирного сосуществования народов и государств». Да, это целая наука. Ею не занимались, ее еще нет, но она одна может приблизить человечество к тому идеалу, когда слова «мир на земле» станут живой и счастливой реальностью.

13 ноября. Все дела закончены. Могу оставить Париж и ехать в Ригу. Приятный сюрприз, получил письмо от американского сенатора Генри Холлиса. Он благодарит за совместную образцовую работу и шлет наилучшие пожелания в дальнейшем. Но особенно мне была дорога благодарственная телеграмма от латвийского министра-президента Ульманиса за пароход Euphemia, результат моей работы.

Я еду через Лондон, Стокгольм и Гельсингфорс. В Лондоне случайно знакомлюсь с англичанкой, приехавшей из Петрограда, где она прожила много лет в качестве хозяйки-экономки. Эта женщина рассказывала чудеснейшие неожиданные вещи о том, как она получила разрешение на отъезд благодаря Петерсу, известному чекисту-латышу, впавшему теперь в немилость и, быть может, расстрелянному. За разрешение уехать Петерс взял с нее слово, что она в Лондоне навестит его гражданскую жену, тоже англичанку, с которой он познакомился и сошелся в Лондоне. Моя новая знакомая свое обещание исполнила.

Пароход от Копенгагена переполнен. Меня поражают ожиревшие за годы войны датчане и шведы. В самом деле, война принесла им только прибыли. Все время они, оставаясь нейтральными, помогали обеим сторонам. Вникнем глубже в этот абсурд. Какая нелепость, двум обезумевшим в драке подают орудия уничтожения, вместо того чтобы их отнимать! Что можно сказать в защиту такого нейтралитета? Вот почему разрешение международных вопросов должно быть коллективным.

После Стокгольма осталось совсем немного пассажиров. Между ними новоназначенный в Финляндию английский посланник. Он держался обособленно. Зато представитель американской АРА, дипломатический курьер, направлявшийся в Ригу, и я откровенно разговаривали обо всем. Дипломатический курьер, бывший владелец мыловаренного завода в Петрограде, теперь все потерявший, почему-то оправдывал большевиков, их «социализацию имущества», с чем ни я, ни американец, конечно, не соглашались. Недели через две я его встретил в Риге, он рассказал интересную историю, как его сразу по прибытии в

Гельсингфорс задержали по подозрению в сочувствии к большевикам. Он же, в свою очередь, заподозрил в доносе английского дипломата, который слышал наши разговоры и потому обратил внимание финляндских властей на этого дипломатического курьера.

Почему-то едем очень медленно. Приближаемся к берегам. Ботнический залив как зеркало. Удивительны шхеры, какие причудливые формы! Не полюбоваться этой картиной, этими красками, перспективами, божественной мудростью природы. Рукой Создателя написаны самые интересные, захватывающие романы. Эти волшебные произведения рассыпаны по всему миру и Вселенной, их можно найти и в Ботническом заливе, и у нас, и везде, нужно только уметь читать, черпать эту высочайшую мудрость, проникаться этой красотой, родниться с блаженной и бесконечной вечностью.

В гельсингфорсском отеле встречаю двух американских военных представителей, только что прибывших из Латвии, где все время наблюдали за прекратившимися теперь военными действиями и борьбой латышей с немцами. Они с восторгом описывают военный и организационный талант главнокомандующего латвийской армией полковника Балодиса, беспримерную выдержку генерала Радзина и полковника Беркиса, которые непрерывно, днями и ночами, без сна, успешно руководили военными операциями.

Они рассказали и о железном характере и выдержке президента Ульманиса. Впервые я почувствовал особенную гордость за мой народ. У этих американцев не было оснований для неискренности. Их объективный рассказ осветил и подчеркнул особое значение борьбы латышей. Именно здесь разрешался вопрос, быть или не быть Латвии, истории и существования Европы. Если бы немцы тогда укрепились в Прибалтике, они начали бы поход на Россию, а она, ослабленная, могла легко превратиться в немецкую колонию. Об этом мечтали многие. Этот вклад латышей в девятнадцатом году в дело всеобщего мира Европа не должна забывать.

После Вермонта

Шпионка Л. разрушенное училище в Пебалге. Командир уланского полка Орлов

Через пять лет я вновь в Риге. Какая разница! Теперешнюю столицу новой республики Латвии нельзя сравнить с Ригой в самом начале войны. Тогда это был театр военных действий, шла мировая война, латыши бежали от своих вековых врагов немцев, Рига представляла картину страданий и народного горя. Теперь, после победы над Вермонтом Рига и вся наша земля наполнились и задышали радостью, священным блаженством, надеждами. Сердце гордилось. Кто боролся с Вермонтом и большевиками, тот герой, кто пал в этой борьбе, тот свят. Народ вечно будет поминать их, молиться над их могилами, черпая силу, как у неиссякаемого жизненного источника. Что же это за сила победила немцев, так самоуверенно и неожиданно предпринявших новый поход на восток? Это сила духа латышского народа, осознание своих прав, победа справедливости. Так впоследствии ответил главнокомандующий латвийской молодой армией генерал Балодис, и был, безусловно, прав. Пусть же ни один из начинающих войну помнит эти слова, не пренебрегает этими великими истинами!

Но, победив немцев, надо было немедленно готовиться к тяжкой своеобразной и серьезной борьбе с большевиками, мобилизовавшими силы против Запада. Огромным числом агентов и шпионов была переполнена тогда вся Латвия, только что получившая возможность свободно дышать. Наивным и доверчивым людям очень трудно разобраться в сложной сети, явлениях и фактах политической жизни, особенно во время готовящихся или происходящих катастроф. В такие минуты необходима особенная зоркость, большая настороженность, обостренное недоверие, критическое отношение ко всем и каждому, ибо возможность ошибки и пагубной доверчивости подстерегает чуть ли не на каждом шагу. Справедливость этой тактики я мог проверить на собственном опыте. Известная в Риге дама случайно познакомила меня с очень интересной молодой женщиной, Л. Эту Л. рекомендовали как сестру милосердия, гонимую судьбой, преследуемую большевиками. Она страдалица, одинокая, на нее один за другим падают безжалостные удары судьбы. Однако уже при первой встрече у меня возникли сомнения. Ужиная с обеими дамами в известном ресторане «Отто Шварц», я вынес определенное впечатление, что молодая интересная Л. ни больше ни меньше, как большевистский агент.

Нет такой загадки, которая бы не была разгадана, нет такого замка, который бы не отпирался. Как ни странно, Л. провалила себя в моих глазах, казалось бы, пустячной мелочью. Я заметил в ее ушах удивительной красоты бриллиантовые серьги. Такая роскошь была по карману лишь очень богатым людям, такие серьги могли носить только богачки, но никак не простая сестра милосердия. И, глядя на эти бриллианты, я без труда, будто в открытой книге, легко представил похождения этой дамы. Затем у нас произошла еще одна встреча, и Л. исчезла. Я забыл о ней, но прошло восемь лет, и судьба снова нас столкнула. Я был уже латвийским посланником в Москве, когда бриллиантовая сестра милосердия явилась ко мне с просьбой дать ей разрешение на проезд в Латвию с остановкой в Риге на самый короткий срок.

– Вы можете дать мне честное слово, что ничего там творить не будете? – спросил я.

Дама нисколько не обиделась, вопрос, видимо, показался ей вполне естественным. Несомненно, она понимала, что я ее раскусил уже давно, с первых же дней знакомства. Она ответила твердо, без смущения:

– Даю честное слово.

В тот же день она получила транзитную визу с правом остановиться в Риге на три дня. Тем не менее я не поверил честному слову и на всякий случай дал соответствующие распоряжения латвийской полиции. Через несколько дней мне сообщили, что моя «знакомая» в первый же вечер в Риге выступила на митинге и была арестована.

Сколько таких агентов было разослано и разбросано большевиками по Европе и всему миру! Они путешествовали и работали под различными именами и масками, клялись, «честное слово», уверяли и убеждали, меняли паспорт, готовы на все, лишь бы выполнить задания.

Приближалось Рождество. Быстрее начинал бить пульс жизни. Столичный город устремлялся в поля, на праздники, в крестьянские усадьбы. И меня там тоже ждут мои старики, я так долго их не видел. Еду мимо школы в Пебалге, где учился юношей. Во всей Латвии не было более образцовой школы, чем эта, более выдающихся педагогов. Теперь всем им воздвигнут памятник, но школы уже нет, осталась только громадная куча развалин. Кто разрушил этот прекрасный очаг культуры, здорового национализма Латвии?

Для ответа перенесемся в 1905 год, к эпохе карательных отрядов. Тогда левые элементы, наиболее смелые латыши восстали против господства баронской власти. Это движение распространилось по всей Балтике. Восставших стали

преследовать и расстреливать. Этой казни подвергались одинаково виновные и невинные люди, как бы по принципу, повелевающему при разгроме дома не считать разбитых стекол. Тогда-то было взорвано и Пебалгское училище. Такая судьба его постигла за то, что незадолго до приезда карательного отряда во главе с полковником Орловым в школу забежали три революционера. В училище усмирители ничего не нашли, но «преступление» школы показалось достаточным, и ее разрушили.

Баронам было важно истребить самую образцовую школу именно за то, что она давала отличное образование латышам. Бароны фактически руководили карательным отрядом уланского полка под командой Орлова. Петербуржец, он, естественно, не знал местных условий, очагов восстаний и действительных виновников и главарей, и должен был в этом отношении всецело полагаться на местных помещиков, тех же немецких баронов. Орлов и другие, не обладавшие знанием края и духа народа, являлись только исполнителями чужой воли, обреченные идти вслепую, рубить с плеча. Им не дано было понять, что, разрушая образцовую, ни в чем не повинную школу, они тем самым подрубают и разваливают основу своей собственной жизни. Да, именно они и привели великую Россию к такому же развалу, какой постиг несчастную Пебалгскую школу. В этом таилась трагедия всех Орловых, усмирителей, горе в том, что это не только их трагедия. Недавно мне удалось узнать из достоверных источников о судьбе блестящего командира уланского полка, усмирителя Орлова.

Печальный рассказ.

После 1905 года вся Россия была взбудоражена, взвихрена, потрясена, власть не могла довериться надежным полкам, в том числе даже Преображенскому. Руководить карательным отрядом поручили любимцу императрицы полковнику Орлову и его уланскому полку. Свою миссию он выполнил, после усмирения Балтийского края императрица стала оказывать ему особое внимание. Это не особенно понравилось другим придворным. Государыня стала встречаться с Орловым секретно на квартире фрейлины Вырубовой, ставшей впоследствии знаменитой сообщницей и подругой Распутина. Свидания государыни с Орловым держали в секрете от лейтенанта Вырубова, и когда он однажды неожиданно вернулся домой и встретил Орлова, потеряв самообладание, поколотил командира уланского полка, заподозрив в интимных отношениях со своей женой. Разумеется, придворный скандал стал достоянием всего Петербурга. Поползли слухи и сплетни,

Орлов был принужден покинуть столицу. Он уехал в Египет,

якобы на лечение. Прошло немного времени, и официально было сообщено, что Орлов умер в Египте от скоротечной чахотки. На самом деле он, тоскуя в изгнании и зная, что карьера подорвана навсегда, застрелился. После него остался сын, которого государь милостиво взял под свою опеку и назначил на его воспитание 600 рублей в месяц.

Несомненно, его ждала прекрасная карьера, безбедное беззаботное существование, царская протекция, словом, все, о чем только мог мечтать сын заслуженного продвинувшегося гвардейца. Но не все кончается так хорошо, как предполагается и начинается. Теперь юноша Орлов уже совсем пожилой человек, испытавший гонения большевиков, перенесший много жизненных невзгод и лишений, служит швейцаром в парижском отеле Ritz. Судьба бывает безжалостна. Отец был любимцем последней русской государыни, сын стал слугой в гостинице.

Государыня Александра Федоровна имела на императора Николая II огромное влияние, отдавала предпочтение прибалтийским немцам, а те, конечно, ради собственных выгод, неверно, односторонне и просто лживо информировали ее через своих представителей при русском дворе. Однобокость в том, что информаторы царицы, тоже балтийские бароны, рисовали латышей как недовольную нацию, готовую всячески защищать и отвоевывать свои права на землю.

Конечно, латыши были «недовольной» нацией, но как же она, культура которой была выше всех народов, населявших огромную Россию, могла быть счастливой и довольной тем, что больше половины земли всего края находилось в руках сотни немецких баронов? Кроме того, они имели особые завидные привилегии, никогда и нигде не существовавшие в Европе, а они, в свою очередь, шли в ущерб не только латышскому народу, но и всему русскому государству.

Только впоследствии у Николая II открылись глаза. Хотя и с опозданием, но свою ошибку он понял. Это случилось, когда на рижском фронте латыши остановили немецкое продвижение и геройски участвовали в боях. Николай стал искренно сожалеть о действиях его карательных отрядов. Посетив во время войны наш фронт, он сказал легендарному герою боев за самостоятельность латышу полковнику Бредису, впоследствии убитому большевиками, буквально следующие слова: «Я жалею, что в 1905 году имел неправильное представление о латышах». Запоздалое признание, ничего поправить уже было нельзя, и не все ошибки искупаются раскаянием.

Грустно проходило Рождество. И меня, и родителей чрезвычайно угнетала мысль о моей семье, жене и трех

маленьких детях. Мы о них ничего не знали. Нет ничего выше долга и любви, связывающих меня с ними, никто и ничто не могли заменить их в родном доме, где столько радости и счастья. Я поспешил в Ригу, там легче. Почему-то мне особенно приятно было слушать тогда меланхолический вальс известного латышского композитора Дарзиня, трагически погибшего под колесами паровоза. Из-за этого вальса я стал бывать в ресторане «Отто Шварц».

Неожиданно я получил предложение от министра иностранных дел Мейеровица отправиться с делегацией в Москву для мирных переговоров с большевиками.

Январь и февраль 1920 года в Советской России

По дороге в Москву

2 января 1920 года латвийская делегация выехала в Москву для ведения мирных переговоров с большевиками, с ней отправился и я. Главной целью было найти семью. Это мое личное дело, делегация же, ехавшая под флагом Красного Креста, должна была заключить перемирие с большевиками. Они уже изъявили готовность признать независимость Латвии, а значит, война с ними закончена. Надо было проехать почти тысячу километров, в ту пору это длинное путешествие, ибо обслуживание полуразрушенных дорог было ужасным.

Подъехали к полосе военных действий, где, с обоюдного согласия, стрельба была прекращена для проезда делегации мира. Садимся на приготовленные крестьянские подводы и в сопровождении красноармейцев переезжаем военную полосу, но с принятыми большевиками предосторожностями, чтобы никто из нас ничего не мог увидеть. Невольно охватывает какой-то непонятный страх, а что, если в этой стране вдруг, по чьей-то капризной, неведомой воле придется остаться нам? Одна мысль об этом кажется страшнее страшного.

Нас приветствует красноармеец-комиссар в черной кожаной куртке. Нашим пристанищем теперь служит товарный вагон-теплушка, украшенный всевозможными красными надписями, общеизвестными революционными лозунгами. Здесь мы должны будем ехать довольно долго, пока нас не пересадят в пассажирский вагон 2-го класса. Но до самой Москвы мы путешествуем уже без пересадки.

День пасмурный. Вся земля покрыта глубоким слоем снега. Все: кровли домов, крыши железнодорожных станций – стало белым. Но люди, их внешность, шапки, одежды грязны, черны, оборваны, полное несоответствие с божественной обстановкой природы, ее девственной белизной. А мысли этих людей еще чернее, у многих красные, о крови, смерти, уничтожении. Повсюду красные, тоже грязные, слинявшие тряпки. Красные знамена повсюду, словно символ союза грязи и крови, которой тогда была залита обширная Россия. «Да здравствует мировая революция», «Смерть буржуям», «Смерть врагам рабочих» и т. д. Подобные лозунги дополняли скорбную картину и подчеркивали бесконечную унылую пустоту, бедность и нищету. Сразу чувствовалось, что мы приехали не в обновленную страну, не к возрожденному народу, а попали в стадо голодных, страшных, зверски настроенных людей и они вот-вот набросятся на нас и растерзают.

Конечно, наши чемоданы полны всевозможных продуктов. Но я избегаю есть перед этими несчастными, полуголодными людьми, которые нас или жадно и недобро осматривают, или совсем не замечают.

Особняк Терещенко

С вокзала нас отвезли на Софийскую набережную и поместили в правом флигеле особняка бывшего известного в России сахарозаводчика Терещенко. В главном корпусе особняка жили Литвинов и Карахан, в левом флигеле помещались дипломатические курьеры и, по-видимому, чекисты. За нами они зорко следили, а Литвинова, Карахана и других, живущих с ними, охраняли. Тогдашний комиссар иностранных дел Чичерин жил в самом комиссариате, покидая его, как говорили, в исключительных случаях, уходя на какое-нибудь кремлевское заседание. Особняк Терещенко впоследствии стал центром всех советских дипломатических приемов. По-царски сервировались столы, и дипломатические представители разных стран, в том числе и я, ели серебряными, золотыми и позолоченными царскими ложками, вилками, ножами, царская роскошь продолжала обитать и у комиссаров рабоче-крестьянской власти.

Наша делегация успешно исполняла данные ей правительством поручения. Требования и права латышей были неоспоримы, да большевики и не упрямились, для них в эту пору важнее всего было собрать силы против Деникина, надвигающегося с юга. Конечно, не будь этой угрозы, Деникина и других антибольшевистских сил, советская власть едва ли согласилась бы признать независимость Балтийских стран. Военное положение на фронтах Гражданской войны сложилось так напряженно и угрожающе, что у большевиков не было другого выхода. Они искренне были уверены, что признание независимости балтийских народов временное явление, очень скоро все обернется в их пользу. Тогда большевики еще возлагали надежды на торжество мировой революции. Но даже в этих условиях, в затрудненном положении не сразу пошли на уступки. Пришлось долго и упорно торговаться не только о границах, но и основных принципах договора. В конце концов пункты договора были приняты почти полностью. Согласие достигнуто. Делегация уехала, официальная миссия завершилась. Я остался один, не хотелось уезжать, надо было сделать все от меня зависящее, чтобы найти наконец жену с детьми.

Ленин, Ломоносов, Цюрупа

Я отправился к Ломоносову. В это время он уже состоял комиссаром путей сообщения. Узнав его адрес, я поехал к нему без предупреждения. Он жил в Комиссариате путей сообщения. На мой звонок вышла женщина, впустила меня, я попросил доложить Ломоносову, что инженер Озолс из Америки хочет с ним беседовать по важному делу. Ломоносов вышел. Мы поздоровались. Прежде всего я попросил его принять от меня небольшой пакет, в котором были шоколад, масло, консервы и многое другое.

– Стыдно брать, – сказал он, но пакет взял.

– Нечего стыдиться, Юрий Владимирович, у вас сейчас почти ничего нет, туго с продовольствием.

Я сказал, что он может мне верить, и сейчас я приехал не как политический противник, а как несчастный человек, который хочет найти свою семью. И попросил его содействия. Ломоносов на этот раз трогательно ответил:

– Можете и мне верить, сделаю для вас все, что могу.

Потом я позвонил комиссару Цюрупе с просьбой принять. Просьба была удовлетворена немедленно. Его я знал еще до войны, и знал хорошо. В течение двадцати пяти лет он служил главным управляющим в уфимском имении князя В.А. Кугушева, члена Государственного совета по выборам, родного дяди моей жены. За свой либерализм князь Кугушев был сослан на север, но оттуда бежал за границу и оставался там до 1905 года, когда получил разрешение вернуться в Россию. Вернувшись, был немедленно избран в Государственный совет, как представитель нескольких приуральских губерний. В ссылке он и познакомился с Цюрупой, тоже отбывавшим наказание. Ссылка Цюрупы продолжалась недолго, и по освобождении он стал управлять имениями Кугушева, управлял так образцово, что составил себе репутацию честнейшего и порядочнейшего человека. Имение считалось неприкосновенным, поэтому летом там часто гостили, а иногда и скрывались неблагонадежные с правительственной точки зрения лица. В частности, там останавливались и личная секретарша Ленина Фотиева, и бывший полпред в Швейцарии Берзин, полпред Юренев и, если не ошибаюсь, сам Ленин.

Вот почему и после советского переворота Цюрупе предложили пост комиссара снабжения, государственного контролера. Впоследствии он стал заместителем председателя Совета народных комиссаров.

Я отправился к нему в Кремль. Стража была уже

предупреждена. Когда я подошел к кремлевским воротам и предъявил паспорт, караульный красноармеец взял под козырек, то же самое повторилось и у внутренних ворот. Наконец попадаю в комендантскую, где должен еще раз предъявить документы. Было странно слышать, как в цитадели русских царей комиссар отдает распоряжения на латышском языке. Взглянув на мой паспорт, почувствовал явное смущение. Должно было, удивило и показалось странным то обстоятельство, что какой-то другой латыш, явно не из их лагеря, имеет свободный пропуск к Цюрупе, а возможно, и к другим власть имущим лицам, которых они, советские латыши, так тщательно охраняют с винтовками и револьверами.

Принял меня Цюрупа очень сердечно и чрезвычайно огорчился, узнав, что я потерял семью. В тот момент я в нем увидел и почувствовал действительно хорошего человека большой души, способного понимать и принимать близко к сердцу чужое горе и страдание. Я тогда решил ехать в Сибирь, где моя семья скрылась у Колчака.

Семья Колчака частенько летом гостила у матери моей жены в Уфимской губернии. Узнав о моем намерении ехать в Сибирь, Цюрупа удивился.

– Люди тысячами погибают по дороге от тифа и других болезней, на станциях не успевают убирать их трупы. Куда вы поедете? А есть ли у вас деньги за границей?

– Все мои деньги в Америке.

– В таком случае советую скорее уезжать и из Латвии, тогда быстрее найдете семью.

В совете, данном в минуту откровенности Цюрупой, большим человеком, в его намеке я уловил еще более серьезное предупреждение. Его можно было сформулировать так: «Латвия снова может быть оккупирована советскими войсками, и вы скорее найдете семью, если уедете оттуда».

Ломоносов прислал мне бумагу, разрешающую свободный проезд по всей России и Сибири, за подписью самого Ленина. Поручились за меня Ломоносов и Цюрупа.

Я заколебался. Все-таки здравый смысл поборол чувство. Я понял, ехать в Сибирь не только бессмысленно, но и опасно. По моей просьбе Карахан и Цюрупа, каждый в отдельности, послали телеграммы своим ведомственным подчиненным относительно моей семьи. Мне оставалось только ждать результатов.

Лев Михайлович Карахан и Татьяна Семеновна

Мне прислуживала молодая женщина, которую звали Татьяной. Я ее подкармливал продуктами, вывезенными из Латвии, мало-помалу она стала разговорчивее. Заговорили мы как-то о Карахане, который производил впечатление интеллигентного человека и был молодым и красивым.

– А вы разве не видите, как перед обедом к особняку каждый день подъезжает шикарный лимузин и увозит молодую красавицу, артистку, одетую в прекрасные меха? Вечером ее привозят обратно. Это возлюбленная Карахана. Семью он бросил где-то в другой стране, забыл и про детей.

Через пять лет Карахан опять женился, у него была прекрасная жена и дети. Моя собеседница Татьяна Семеновна была очень толковым человеком, спокойной женщиной, происходила из вполне порядочной крестьянской семьи из той же местности, что и Чичерин. Поэтому и была принята на службу. Вот ее рассказ:

«В деревне мы хорошо жили. Отец не пьянствовал, как многие другие крестьяне, и кое-что скопил, сделал сбережения, был у нас хороший дом, необходимый живой и недвижимый инвентарь. Но что поделаешь, большевики объявили отца кулаком и стали преследовать. Как-то в воскресенье пришли к нам из соседней деревни полупьяные парни, ворвались, стали издеваться над отцом, избили его, потом раздели догола и в лютый мороз стали гонять по всей деревне. Когда отец совершенно изнемог, заперли его в какой-то сарай и сами ушли. Через несколько дней он скончался. От отчаяния бежала, попала в Москву и обо всем рассказала Чичерину. Он принял меня на службу и потребовал, чтобы дело о разгроме нашего дома было рассмотрено и виновники наказаны».

Рассказала она и о других подобных нападениях, всей душой горячо ненавидя большевиков.

Все время за мной следили двое приставленных агентов. Один из них теперь занимает должность консула в пограничном с Советской Россией государстве. Но тогда он был небольшим агентом-чекистом. По национальности латыш. Почему-то ему было очень неприятно признаться, что служит в ЧК, и уверял поэтому, что состоит при Комиссариате иностранных дел.

С этим лицом я ближе познакомился при следующих обстоятельствах. Жил он подо мной. Как-то прихожу к нему,

стучу в дверь, никто не отворяет. Стучу снова, безрезультатно. Тогда уже я сам отворяю дверь и вижу, как на кровати, будто в предсмертных судорогах, мучается, весь скорчившись, мой «охранитель» Клявин, теперешний советский консул в Эстонии. Мне стало его жалко, я принялся расспрашивать, что с ним, он рассказал, как страдает от свирепого острейшего катара желудка.

– От недоедания, – объяснил он, – от отсутствия жиров.

Я тотчас поднялся к себе, принес ему сала и ветчины и просил принять это. Он решился, взял, но как-то неохотно, будто внутренне преодолевая себя. Должно быть, было неловко брать это приношение от меня. Мы стали встречаться чаще. Он рассказал, как трудно получать от крестьян продукты, поведал многое из своей жизни, о переживаниях и обстоятельствах, сделавших его революционером. Должен сказать, этот человек, пусть и озлобленный, произвел на меня довольно хорошее впечатление. Казалось, у него есть благие задатки, отзывчивое сердце, неплохой душевный настрой. Узнал я и его коллегу Б., человека совсем другого склада, злого, проклинавшего все и вся, капиталистов, буржуев. Особенно горячо он ненавидел члена нашей отбывшей делегации присяжного поверенного Фриденберга.

В своих наблюдениях я никогда не хотел допустить односторонности или предвзятости и старался объективно оценивать человека, хотя бы он состоял на службе даже в самом страшном застенке. В свои темные и мрачные углы жизнь иногда загоняет людей слепо и несправедливо, не стоит выносить приговоров огульно, судить людей скопом, окрашивать их душу и лица одной краской.

Английский рабочий, представитель Лендсбери и лошадиное блюдо

Для иностранцев Россия всегда была загадкой. Настоящим образом никто в Западной Европе ее не знал. В понимании европейцев она была смесью противоречий, феноменом, готовым чуть не каждую минуту поразить ошеломляющей неожиданностью, казалась то рабски покорной, то грозно бурлящей, то олицетворением загадочной славянской души. Революция, а затем Октябрьский переворот поразили всех размахом, формами, неистовством. Теперь, за годы Гражданской войны в Испании, мир кое-чему научился, обрел некий опыт, но тогда ужасы и потрясения гражданской войны освещали Россию зловещим светом. Загадочной была она прежде, теперь же стала еще и страшной.

И в самой России все было тоже страшно. Война шла на всех фронтах, по всей стране шагал смертоносный голод, перестали дымиться печи, замерли фабричные трубы. Замерзая в погребном холоде, люди работали в давно неотопленных помещениях, там замерзали даже чернила, чиновники и чиновницы не снимали перчаток. Дико и приговоренно голодали целые области, ослабленные организмы поедала повсеместная всероссийская вошь, людей в необычайном количестве косил сыпняк.

Все связи с внешним миром были прерваны. Особенно страстно их хотели возобновить русские беженцы, покинувшие Родину и проживавшие в изгнании. Поэтому и ко мне обращались с горячими мольбами бросить по приезде в Москву письмо в почтовый ящик, навести ту или другую справку, узнать, жив ли тот иди иной родственник. Конечно, такие обращения делались очень секретно, время было тяжелое, угрозы подстерегали на каждом шагу.

Из терещенского особняка хорошо были видны Москва-река и обе набережные. На улице лежала только что издохшая лошадь. Я решил посмотреть, что с ней будет. Через самое короткое время с нее сняли шкуру и вороны целыми стаями слетелись на падаль. Потом в наступивших потемках я увидел человека в лохмотьях, старавшегося отделить кусок мяса от туши, и мне стало невыносимо жутко. Долго еще лежала падаль на том месте, пока от нее не остались одни кости.

Тогда же в Москву приехал некий знаменитый англичанин. Его поместили в тот же особняк, где жил я. Дня через два он исчез. Трудно сказать, по каким соображениям, но со мной он

был чрезвычайно скуп на слова, мы почти не разговаривали, даже за обедом, когда нам подавали суп с лошадиным мясом. Сейчас не помню, обедал ли он, но я не мог даже смотреть на это блюдо. Англичанину было лет пятьдесят, высокий, молчаливый. Вероятно, ему показалось подозрительным мое пребывание в том же особняке, ибо он не мог не знать, что за каждым иностранцем установлено наблюдение. Возможно, он и меня принимал за советского агента.

Тогда в России я дневника не вел и сейчас не решусь категорически утверждать, что он представлял английских рабочих. Мистер Лендсбери. Думаю, однако, я не ошибаюсь. В январе 1920 года в московском особняке мы с ним получали на обед незабываемое лошадиное меню.

Приезжали в Москву и журналисты. По крайней мере, эти люди так рекомендовались. Троих таких журналистов я встречал случайно и также случайно узнал от одного из них, что большевики подарили ему шубу-доху из прекрасного меха, кажется енотовую, которую он и увез из Москвы. Он рассказал, как его подвели на каком-то складе к громадной куче сложенных шуб и предложили выбрать любую. Конечно, это были шубы несчастных русских «буржуев», конфискованные, то есть «национализированные» в пользу государства. Возможно, он этого не знал, но такие подарки были довольно верным способом задобрить журналистов и настроить их благожелательно к советской власти. Могу с полной уверенностью утверждать, что многие попадались на эту удочку, так просто иногда вербовались сторонники большевистской власти. Но люди бывают близорукими от природы, иногда сами хотят быть близорукими. Не всегда подкуп должен облекаться в грубую форму денежной взятки, существует много других методов задобрить, склонить, завоевать симпатию, и многие готовы отказаться от своего отрицательного отношения к большевикам, закрыть глаза на многое из простого и естественного чувства благодарности за предупредительность и любезность. Стойкость не частая добродетель среди людей. Среди стойких журналистов, помню, был мистер Артур Корринг (от The Daily Chronicle).

Иоффе, договор с Эстонией и «кулаки

Из Уфы приехала сестра комиссара Цюрупы. Остановилась в Кремле. Мы побеседовали по телефону, к сожалению, она о моей семье ничего не знала. Однако мне удалось найти человека, которому я оставил несколько тысяч франков и доллары для моей жены в случае ее обнаружения.

Еще раз побывал в Кремле у Цюрупы. Прохожу по коридору и вижу двери в квартиры других комиссаров. Частная жизнь в Кремле текла спокойно. Сестра Цюрупы рассказывала, что брат, комиссар снабжения, ничем не пользовался, недоедал, как и другие, и физически настолько ослабел, что с ним случались припадки.

Цюрупа действительно идейный человек, меньше всего думал о себе и личном благе.

Помню, как во время нашей беседы он встал и извинился за то, что должен идти на важное заседание

Совнаркома, где предстоял доклад товарища Иоффе о советско-эстонском договоре. Без всякой надежды на утвердительный ответ я полушутя спросил:

– А мне нельзя?

– Что ж, идемте, – говорит Цюрупа, – я проведу вас без пропуска.

Как просто! Это меня удивило. Вместе с Цюрупой отправляюсь в Колонный зал Кремля. Только мы подошли к подъезду, как подъехал прекрасный лимузин, из которого вышел довольно толстый мужчина среднего роста, отлично одетый, тогда в Москве это было большой редкостью.

– Кто это? – спросил я Цюрупу.

– А это Зиновьев. Замечательный человек!

Совсем недавно этого «замечательного человека» расстреляли.

Колонный зал весь был испещрен лозунгами, надписями на разных языках, в том числе и на языках всех народностей Советской России. Тогда власть не скупилась на лозунги, их сочиняли во всех отделах агитации и пропаганды, в столицах, губернских городах, уездных захолустьях. Грозные лозунги, предупреждавшие, что против Российской Советской Республики плетется мировой заговор, что царство пролетариата окружено блокадой. «Смерть буржуям», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Кто не работает, тот не ест» и т. п.

Никому не ведомый, не обращая на себя ничьего внимания, я просидел около часа в этой исключительной обстановке,

наблюдая новых вершителей судеб России и слушая, что говорилось на этом важном заседании.

Иоффе словно оправдывался, дескать, не было никакой другой возможности заключить договор с эстонцами, пришлось удовлетворить их требования, дать сверх всего еще 15 миллионов золотых рублей.

– Вы должны понять, товарищи, это народ кулацкий. Эстонское правительство тоже кулацкое, – заключил Иоффе.

Слово «кулацкий» было магическим, доклад Иоффе приняли без возражений и выразили благодарность.

Прошло несколько лет, и этот Иоффе покончил с собой. Он был интеллигентным, культурным человеком, не мог примириться с укоренившейся общей грубостью, произволом ЧК, а главное, был близок с Троцким. Считался специалистом по заключению мирных договоров с отделившимися от России новыми самостоятельными республиками, был председателем советской делегации и при заключении советско-латвийского договора.

Председатель латвийской делегации и первый латвийский посланник в Москве Ян Весман, работавший с Иоффе довольно долгое время, сказал про него:

«Иоффе был интеллигентным и культурным большевиком, от природы одаренным большими дипломатическими и диалектическими способностями.

Каждое неосторожно произнесенное слово, каждую неточность он чрезвычайно ловко умел использовать, чтобы опутать противника. Более чем кто-либо другой из тогдашних большевиков был создан для заключения мирных договоров с отделившимися от России республиками, одухотворенный идеями Маркса.

Когда впоследствии он увидел практические результаты воображаемого им «нового» мира, жизнь для него должна была показаться страшнейшим кошмаром.

Если так, то, естественно, самоубийство стало логическим результатом прекращения этого кошмара, что он и сделал».

В Москве Иоффе жил в особняке, принадлежавшем прежде обрусевшему французу Готье, в Машновом переулке, номер 3. Впоследствии этот особняк заняло латвийское посольство. Его ни за что не хотела покидать жена Иоффе и продолжала жить там даже тогда, когда туда переехало посольство. Действительно, особняк хорош. Между прочим, известен тем, что Готье его ломал три раза и перестраивал, пока наконец не остался доволен. Уже посланником в Москве я узнал от оставшегося слуги Готье, как происходила перестройка, вновь воздвигались стены по капризу

Готье.

Уже был выстроен почти весь первый этаж, как приехал барин, осмотрел и грозно сказал: «Сломать!» Инженер запротестовал, но Готье повторил «сломать», и его воля была исполнена. Так особняк ломали три раза подряд.

В Москве такие капризы были неудивительны. Богатые купцы и обрусевшие иностранцы, заразившиеся московскими причудами, привыкли показывать свой характер. Кто не читал Островского, не помнит его типов замоскворецкого купечества! Как часто взбалмошные приказания слышались в первоклассных московских ресторанах: «Иван Иванович, пополам?» – «Пополам». Это означало, что сейчас начнется битье посуды, стекла, зеркал и всего, что попадалось под пьяную руку. На другой день без возражений счета за разбитые предметы оплачивались полностью, причем суммы достигали иногда внушительных размеров.

Янтарь из коллекции Рябушинского – подарок президенту Северо-Американских Соединенных Штатов

По просьбе нашей делегации известный виолончелист Фогельман и одна молодая женщина получили разрешение на выезд в Латвию. Что-то их задержало, они не успели собраться к отъезду делегации и остались в Москве, чтобы потом ехать вместе со мной, под моим, так сказать, покровительством. Фогельман хорошо знал богатую Москву, в том числе и богачей Рябушинских. Меня он просил купить у них ценную коллекцию янтаря. Рябушинские тогда нуждались в деньгах. К сожалению, это меня мало интересовало. Тем не менее я решил откликнуться на просьбу и купил из всей коллекции только одну вещь, сигарный мундштук, сработанный из янтаря замечательной красоты. До сих пор жалею, что не купил всю коллекцию.

Мне пришла мысль подарить этот мундштук Гуверу, хотелось как-нибудь отблагодарить его за оказанную мне в Париже помощь. Так я и сделал. Через три месяца я снова оказался в Нью-Йорке и, украсив мундштук золотым кольцом с надписью, поднес его как подарок будущему американскому президенту. В сопроводительном письме говорилось, что этот малый кусок янтаря ему подносится от янтарной земли Латвии, которой он оказал столько услуг в дни ее страданий. В наших народных песнях часто поется о земле янтарей. На восточных берегах Балтийского моря его находили издавна. Я был рад, что мой подарок пришелся по сердцу Гуверу. Принимая от меня янтарный мундштук, он сказал, что никогда не забудет об этом подарке.

Гувер исполнил свое обещание. Когда в 1921 году я приехал в Америку, он был министром коммерции, принял меня немедленно и сделал все, что от него зависело. Когда я покинул пост посланника в Москве и на меня с особенным остервенением набросилась советская печать (об этом я еще буду говорить), Гувер, будучи президентом, присылал мне дважды свой привет. Один раз через Дубина, депутата латвийского сейма (парламента), когда тот был у него в качестве представителя еврейской организации. Другой раз через доктора Бильмана, представителя латвийских журналистов. Кстати, доктор Бильман теперь состоит латвийским посланником в Вашингтоне. Тогда, в 1929 году, наши журналисты отправились в Америку вместе с представителями всей европейской прессы и были приняты Гувером. Не скрою, я был тронут и горд таким отношением ко

мне президента. Еще раньше в Москве я получил от него письмо в ответ на мое поздравление с избранием его президентом, а об этом в Комиссариате иностранных дел тотчас узнали. Письмо было в именном конверте, и шеф протокола, известный Флоринский (теперь сосланный в Сибирь), задал недоуменный вопрос, что мне пишет президент Америки Гувер? Полушутливо я ответил:

– Президент Гувер пишет, что это его первое и последнее письмо, которое он послал в Москву.

Царский подарок и полпред Гуковский

Ни Карахан, ни Цюрупа, ни другие ничем не могли мне помочь в личном деле. Я решил послушаться их доброго совета и уехать. Но это легко сказать. Сообщения между Москвой и Ригой не существовало, следовало ждать оказии. Неожиданно я узнал, что снаряжается целый поезд для Гуковского, первого советского чрезвычайного посланника-полпреда в Эстонии, с которой Иоффе только что заключил мирный договор. Мне предложили ехать с его миссией через Петроград. Конечно, я согласился, и мы отправились в путь.

Гуковский бывший маклер Петербургской биржи. У большевиков он сумел устроиться на ответственнейшем посту. В Эстонии, однако, он и его многочисленная свита возобновили операции Петербургской биржи и натворили таких дел, что, вызванный в Москву, он исчез с горизонта. Так печально закончилась жизнь первого чрезвычайного посланника РСФСР.

Меня поместили в отдаленном купе. Не любитель сидеть в одиночестве, я стал прохаживаться по вагонам, желая увидеть, каковы новоиспеченные советские дипломаты. Не хочу скрывать, они произвели на меня плохое впечатление. Это было совсем не то, что в Москве. Там Карахан, Чичерин и Флоринский держались прекрасно, этого я не мог бы сказать о моих спутниках. Случайно я встретил в вагоне знакомого инженера Е. О. Он зашел ко мне в купе. Я его стал угощать оставшимися запасами продуктов, он охотно и жадно ел. Уверенный в том, что я уже на другой день буду в Эстонии, где можно достать все, я предложил Е. О. принять в подарок всю остальную снедь, ее оставалось немного. Мой инженер воскликнул в полном восторге: «Да ведь это царский подарок!» Действительно, он выглядел счастливым, как ребенок.

Как иногда помогают мелочи! Моей любезности Е. О. не забыл. Спустя год я вернулся в Москву уже как председатель латвийской реэвакуационной комиссии, и Е. О. оказал мне большую услугу. Он, разумеется совершенно секретно, поведал, что в одном важном советском учреждении случайно увидел бумагу, документ о лице, которому я и мои сотрудники всецело доверяли. Этот человек оказался агентом ГПУ. Рассказ Е. О. оказался справедливым, наведенные справки и наблюдения это подтвердили. Сам Е. О. не был большевиком. Он считался спецом, работал на советскую власть, но ненавидел большевистские порядки всей душой, как, впрочем, большинство тех, кто, служа у них, страдали от голода и холода. Даже извозчики были озлоблены. Как-то я спросил лихача, очень ли ему нравится

советская власть, извозчик сердито ответил: «Не только я, но даже лошадь моя и та против большевиков». Да, с голоду помирали и лошади.

Поезд Гуковского сделал в Петрограде остановку на три часа. Я тотчас решил узнать, что стало с родственницей моей жены, ее теткой и крестной матерью Марией Николаевной Ремер, старой придворной фрейлиной Марии Федоровны, которая, как всем известно, в молодости имела личное влияние на императора Александра II. Я поехал на Фонтанку, где она раньше жила, но там ее не нашел, вызвал дворника и узнал горькую весть: от недоедания и голода Мария Николаевна заболела и умерла.

В тот же вечер, уже в темноте, мы добрались до эстонской границы. От железнодорожной пограничной станции Ямбург нас повезли на лошадях. Эстонцы тщательно проверяли все паспорта. Дошла очередь до меня и двух моих спутников. Эстонцы заявили, что пропустить нас не могут, потому что относительно нас нет никакого распоряжения от эстонского Министерства иностранных дел. Мы остались ночью на открытом воздухе в поле, в четырех верстах от ближайшей деревни. Положение было ужасное. Все же нам удалось добраться до деревни и на полу на соломе переночевать в крестьянской избе.

На другой день прошу соответствующие власти послать от моего имени телеграмму эстонскому министру иностранных дел. Телеграмму посылают, ответа нет. Пришлось вернуться в Царское Село, и уже оттуда ехать до латвийской границы через Псков, через полосу военных действий. Правда, после заключения перемирия они прекратились. Но и в этих условиях катания вперед и назад не доставляли удовольствия и отнимали время.

Обед у коммунистов в Царском Селе

К вечеру мы оказались в Царском Селе. Нас поместили в общежитии для приезжающих коммунистов. Это было большое здание с совершенно запущенными помещениями и нелепыми порядками. Стояли железные полусломанные кровати, на них лежали загрязненные матрасы, не было ни одеял, ни белья. Стало голодно, несведенные продукты, «царский подарок», остались в Петрограде. Но вот сообщают, что обед приготовлен в другом здании, и предупреждают, что столовые приборы надо взять с собой. Собственной ложки у меня не было. Я хотел взять ложку, лежавшую на моем столе в этом помещении. Однако заведующая испуганно закричала, что этого никак нельзя сделать, потому что ложка, мягко выражаясь, взята кем-то из столовой, и если там меня увидят с ней, у нее, как у заведующей, могут быть большие неприятности. Я понял так, что вначале ложки были и в общей столовой, но их просто растащили «товарищи», так же как и все остальное. Все-таки спасибо ей, она выдала деревянную ложку, и я отправился в коммунистическую столовую. Как и все остальные, я был голоден. Рядом со мной сидел пожилой человек с большой бородой и жадно глотал суп. Со стороны могло показаться, что он ест какое-то очень вкусное блюдо, и я с нетерпением ждал, когда подадут и мне. Увы, как только я сделал первый глоток, пришлось бросить ложку и с негодованием отодвинуть тарелку, такой суп есть совсем невозможно. Это просто сваренная мерзлая картошка. Сосед, увидев мою отодвинутую тарелку, обратился ко мне с просьбой: «А может быть, вы разрешите мне взять этот суп?» – «Пожалуйста». И подвигаю ему свою тарелку, не без брезгливости глядя, как мой сосед жадно набрасывается на эту отвратительную еду. Потом подают с виду будто приличные котлеты. Пробую, и снова с отвращением и негодованием отодвигаю и это блюдо. Опять мерзлая картошка, только с мукой. Опять слышу голос соседа: «Можно взять вашу котлету?» – «Берите», – отвечаю и с досадой встаю. Мельком бросаю взгляд на человека с большой бородой и вижу, как он с аппетитом пожирает мою котлету. «Голод не тетка», и натерпевшиеся люди готовы есть все, что дают, мириться и с этим отвратительным обедом.

Недовольный и голодный, я возвращаюсь из коммунистической столовой. Ко мне подходит какой-то комиссаришка и довольно ехидно спрашивает: «Ну, что же, пообедали?» – «Как вы смеете подобную гадость называть обедом?! – воскликнул я. – Вы над нами издеваетесь и морите нас голодом. В Москве со мной обращались иначе. Я протестую

против подобного обращения и питания». Комиссаришка опешил, растерялся, стал извиняться, и через два часа я получил прекрасно приготовленную мясную солянку, чай, к нему сахар, и я успокоился. Невольно с улыбкой вспомнил один из революционных лозунгов: «В борьбе обретешь ты право свое».

На другой день после полудня поезд отходил на Псков. Времени было много, и я решил осмотреть находящийся поблизости великолепный дворец. Часть помещения была закрыта, или, может быть, туда не хотели пустить меня, и я ограничился частичным осмотром. Ничего особенно интересного я не нашел. Было ясно, все ценное оттуда уже вывезено, остались лишь громоздкие предметы. На первый взгляд они могли представлять интерес, но на самом деле все эти вещи были попросту хламом.

Я отправился на вокзал, где меня уже ждали с вещами два моих спутника, товарищи по несчастью. Мы поместились в вагон и, о ужас, попали к тифозным солдатам. Вши ползали по их шинелям, вселяя ужас. Мы хорошо знали, что значит укус тифозных вшей, через четырнадцать дней после этого неизбежно должно обнаружиться тифозное заболевание. Я вышел на платформу, снял шубу, подробно ее осмотрел в поисках этих ужасных тварей и так простоял на холодной платформе до самого Пскова. Здесь у военных властей надо было получить разрешение на проход через пограничную линию. Только поздно вечером я попал в латвийское село. Тамошние военные приняли меня радушно, угостили хорошим ужином, появилась даже музыка, играл какой-то оркестр. Наконец-то мы дома, какое счастье!

Снова в Америке

В Риге меня ждало новое горе. Брат сообщил, что, пока я находился в России, умер мой отец. Многое хотел бы сказать я об этой потере, но пусть это горе останется со мной. Впрочем, можно и не рассказывать о таких потрясениях, их смысл и боль понятны каждому без слов и объяснений.

Два месяца провожу в Латвии и снова уезжаю в Америку, теперь уже как представитель латвийского правительства. Официально Америка еще не признала новые Балтийские республики, но неофициально оказывала им всяческое содействие.

Американские послевоенные дельцы

Коммерция, этот обмен продуктами, результатами и плодами человеческих трудов – величайший двигатель народов и государств. Молодая Латвия должна была прежде всего наладить отношения с другими государствами и, конечно, с Америкой, оказавшей нам столько помощи. К сожалению, это быстро и ловко учли самые различные «дельцы» и много напортили. Все, что они проделали, ни в каком случае нельзя назвать нормальными экономическими отношениями. Об этом полезно вспомнить и в наши дни, потому что и сейчас подобные ловкачи немало портят и, как прежде, продолжают свою разрушительную деятельность.

Перед самым моим отъездом в Латвии появились представители американской Internationale Corporation.

Каким-то чудесным образом они вошли в контакт с правительством, и оно, вопреки моим указаниям и предупреждениям, заключило с ними договор о поставке 10 тысяч тонн железнодорожных рельсов, нескольких тысяч товарных вагонов и нескольких сот паровозов. Велико было мое изумление, когда, приехав в Нью-Йорк, я узнал, в National City Bank, что Internationale Corporation успела получить авансом от этого банка в счет латвийского правительства 450 тысяч долларов. По наведенным мной справкам оказалось, что эти дельцы сумели ловко обставить дело. Прежде всего хитро назвали свое учреждение USA Internationale Corporation. Внушительная вывеска. Всякий должен был понимать, что учреждение работает как солидная фирма. Всем известна богатейшая American Internationale Corporation с основным капиталом 50 миллионов долларов, между тем как основной капитал USA Internationale Corporation составлял всего 20 тысяч долларов. На первый взгляд, особенно неопытного человека, эти вывески должны были казаться совершенно одинаковыми. USA и American казались равнозначными. Но эта буквенная мистификация стоила молодому правительству Латвии, новичку в международных делах, ровным счетом 450 тысяч долларов. Эти деньги так и пропали, за них не было получено ни одного вагона, ни одного паровоза или рельса. История вышла весьма неприятной и скандальной, она же стала отчасти и причиной, почему я спустя четыре месяца сложил свои полномочия в Америке и уехал в Латвию.

Русская проблема

Около 20 мая я приехал в Нью-Йорк и сразу же энергично принялся за работу, между прочим помещая статьи в американские журналы. В American Industries появилась моя статья Reconstruction in Republic of Latvia, а журнал The Annalist напечатал статью Latvia plans Wholesale Water power developement. Были и другие публикации.

Америка очень интересовалась русским вопросом, тогда он был наиболее актуальным. На приеме у Государственного секретаря Колби я рассказал о России и старался нарисовать общую картину добросовестно, объективно, она представлялась моим глазам так, как я знал Россию и понимал происходящие в ней события. Министр Колби был заинтересован и просил меня описать все более подробно. Так появилась The russian problem[8], как я назвал свое послание министру иностранных дел Колби.

Копию этой докладной записки я дал прочесть моему другу американцу, и он, ознакомившись с ней, огорчился. Сказал, что не надо было писать так откровенно. Ему казалось, что министр может истолковать мой доклад в пользу большевиков. Это меня рассердило. «Если надо писать, подделываясь и применяясь, мне безразлично, что станут думать обо мне и как истолкуют мое мнение». Конечно, это был ответ только моему другу, самому министерству иностранных дел я не стал ничего писать, не сделал никаких пояснений и комментариев, предоставив толковать мой искренний и объективный доклад как будет угодно. В своей правоте и беспристрастии я был убежден и потому верил, что и министерство не может и не должно изменить мнение обо мне. Если каждое наше показание и разъяснение станет диктоваться посторонними, хитроумными или политическими соображениями, истина окажется скрыта от всех, придется потратить много труда, времени и доказательств, чтобы развеять ложь и устранить односторонний, хотя и выгодный для того или иного автора взгляд. Вообще, следует признать незыблемым правилом то, что во всех случаях и обстоятельствах надо говорить правду, не выслуживаться, не давать воли общим словам, не смазывать и не подкрашивать. Так я поступил и в данном случае, и в этом не раскаиваюсь. Вот краткое содержание моего доклада и моих соображений. Я старался быть кратким и ясным, ставил вопросы и тут же отвечал.

Вопрос: «Возможно ли возобновление русской монархии?»

Ответ: «Несмотря на страдания русского народа, к которым он привык, несмотря на то, что в России сейчас ничего нет и всего

не хватает, несмотря на страшнейшие болезни (согласно официальным советским органам, во многих районах, на Волге, в Сибири, люди массами погибают), несмотря ни на что, говорить сейчас о возобновлении монархии совершенно невозможно. Правда, вся русская аристократия видит свое спасение только в реставрации монархии. Правда и то, что русский крестьянин любил царя, царицу, царскую семью, но эта любовь продиктована почтительностью и страхом, прошел страх, прошла и любовь. При помощи пропаганды, усиленной и настойчивой агитации, путем всякого рода внушений, большевики стали внедрять в душу крестьян, а их в России 80 процентов, что цари жили не так, как им следовало жить, и никогда не пылали любовью к крестьянству. Теперь русский мужик к монархии и образу царя, когда-то обожествлявшемуся, стал совершенно безразличен».

Вопрос: «Возможно ли объединить прежние русские территории, то есть отделившиеся части, возможно ли объединить с Россией новые краевые республики?»

Ответ: «Безуспешные войны и лозунги Деникина, Колчака, Юденича показывают, что Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Кавказ не хотят оставаться российскими краями и их нельзя заставить объединиться с Россией.

Связи Финляндии с Россией никогда не были прочными ни в экономическом, ни в политическом отношении, и для России потеря Финляндии не имеет большого значения. Эту потерю можно считать почти безболезненной. Что же касается Латвии, Эстонии и Литвы, они никак не должны тревожить Россию, потому что согласны были бы остаться с ней в наилучших отношениях и полной гармонии, но только тогда, когда Россия будет к этому готова.

Польша, рассматриваемая сейчас как главный барьер против большевизма, может стать дружески настроенным соседом России, конечно при условии существенной эволюции последней.

Кавказ – конгломерат самых различных национальностей и стремлений. Россия там в первую очередь заинтересована в нефтяных богатствах Баку, и соответствующие концессии русские там могут получить. Затем Сибирь. Вследствие действий Колчака, происходивших с полного благословения союзников и Японии, она останется верной России».

Вопрос: «Что способствовало образованию советского правительства в России?»

Ответ: «С отменой крепостного права в России частично установилась коммунистическая система пользования землей, образовалась община. В сущности, рабочие артели, возникшие и укрепившиеся на местах, как и кочующие по России, могут быть

признаны типичными ячейками коммуны. Были и другие, свойственные только русскому народу, коммунистические симптомы. С другой стороны, русская интеллигенция и средний класс были освобождены от упряжной широкой работы и потому неспособны к прочному объединению, не в силах противостоять радикальным элементам и стремлениям масс. Знаю, мне могут задать вопрос, почему эти массы не восстают теперь, когда их лидеры, вожди не могут улучшить их прежнего положения? Но тут надо вспомнить, что русские народные массы привыкли к страданию, не только пассивны, но и полны веры в спасительность мученичества и страдания, и общей формулой этой психологии, символом страдальческого мировосприятия, является толстовство с его проповедью «непротивления злу».

Вопрос: «На чем держится советская власть?»

Ответ: «1. На способности быстро формулировать и осуществлять определенную программу. 2. Опорой советской власти явилась ловко организованная и дисциплинированная Красная армия, которую большевики умеют держать в бодро приподнятом настроении. Они достигают этого, опять-таки, хорошо обдуманной планомерной пропагандой. 3. Много помогает созданный план идеального жизненного стандарта, который пока неосуществим, будто бы только потому, что вокруг Советского Союза стоят враги, иностранные капиталистические силы. Если бы не это, идеальная жизнь на советской земле, по их мнению, давно бы осуществилась. В этой иллюзии они держат народ. А поскольку несчастья людям кажутся временными и все хотят верить в светлое завтра, русские покорные массы ждут, что вот-вот все установится и прояснится. Откуда-то явится всеобщее удовлетворение и счастье. 4. Правительственная машина советской власти держится еще и на специальных опытных работниках прежнего режима. 5. Несомненной поддержкой Советов является, кроме того, быстрая, хотя и неискренняя временная готовность признать независимость отделившихся народов, новых республик, признание автономии всех областей России. Стоит добавить, самостоятельность отдельных народов в последнее время очень беспокоит Сталина. 6. Поддерживает советскую власть и широкая настойчивая, хотя и бессистемная пропаганда за границей. 7. Внутри страны пропаганда обрушилась с особенной силой на Деникина, Колчака, Белую армию, советские пропагандисты разрисовали их отъявленными врагами народа, самым страшным ужасом России».

Вопрос: «Упала ли религиозность русских и мораль?»

Ответ: «Я видел много церквей, переполненных молящимися по субботам и воскресеньям. Кроме того, не слышал обычных

прежних ругательств. Русский человек словно притих, ушел в себя и, если, покорный приказам и декретам, формально стал безбожником, в глубине души остался верным завету отцов, церкви и своей религиозной настроенности».

Вопрос: «Какова лучшая помощь, которую могут оказать союзники человечеству в разрешении русской проблемы?»

Ответ: «Прежде всего исполнить свои обещания, осуществить самоопределение народов, признать независимость отделившихся республик, неважно, в силу ли исторических традиций или невозможности сожительствовать в одном государственном строе с большевиками. Затем, с помощью организованного международного капитала, поддержать экономическую жизнь отделившихся государств, реорганизовать их промышленность, дав им оправиться, твердо стать на ноги, укрепиться в экономическом и политическом отношении. Воздержаться от враждебных действий против советского правительства, поскольку большевизм пропагандирует себя и раскрывается в пределах России. Не поддерживать за границей действия тех русских (или их агентов), которые действуют против вновь отделившихся национальных республик. Следует понять, из этой пропаганды и призывов многие за границей создали себе новое дело, очередной предлог, чтобы тратить там оставшиеся государственные фонды».

Советские дипломаты

Будто после страшного урагана, везде наступила туманная неразбериха. Одни знали слишком много, другие не понимали ничего, и здесь, вообще говоря, плюс на стороне большевиков. Их действия были стремительны, производили впечатление большой определенности и уверенности. Советская власть сразу взяла решительный тон, большевики повсюду назначили своих представителей, в том числе в Америке. Их было, конечно, много, но, собственно, «официальных» только два, мой однофамилец Озолс и некий Мартенс. Первый – почтенный гражданин, жена которого работала в Библиотеке Конгресса. Озолс – бывший член 1-й Государственной думы, бежавший в Америку от преследований русского правительства. Мартенс – полуобрусевший немец. Оба давно не бывали в России, плохо разбирались в ее делах и событиях, неудивительно, что эти два советских «дипломата», коммерческий и политический, вошли в контакт со мной, чтобы получить информацию о России. Мартенс был чрезвычайно осторожен. Открыто встречаться со мной боялся, да и я сам этого не хотел, потому наши свидания происходили на частной квартире Багаева, моего знакомого русского. Мартенс, кстати, работал в Америке еще нелегально, а в таких условиях наши встречи были весьма неудобны.

И ему, и Озолсу я рисовал положение русского народа в мрачных красках, а они оба когда-то, в пору 1-й Государственной думы, идейно и «платонически» распинались за счастье народа. Но воспроизводить здесь все то, что я им говорил, на что открывал глаза, просто невозможно.

Немецкий агент в роли латвийского секретаря

Произошел курьезный и неприятный случай.

Из Риги в Нью-Йорк в качестве секретаря будущего латвийского посольства должен был отправиться некий господин Нагель. Он-то и подвел нашего министра иностранных дел Мейеровица.

История такова.

В Латвии уже успело образоваться несколько политических партий. Каждая претендовала на руководящую роль в государственной жизни молодой страны. Это обстоятельство легко могли использовать враги и компрометировать, где и как возможно. К министру Мейеровицу приставали с разных сторон, убеждая, что в Америке надо как можно скорее создать настоящее посольство, недостаточно иметь одного представителя – меня. Я со своей стороны убеждал, что все это пока излишне. Тем не менее до моего сведения довели, что в ближайшем будущем, как только будет получена американская виза, ко мне приедет секретарь будущего посольства в Вашингтоне, совершенно неизвестный мне господин Нагель. Сотрудник американского представительства в Риге мистер Йоунг запросил у Вашингтона разрешение дать Нагелю американскую визу. Ответа не последовало. Йоунг сделал новый запрос, опять ничего. Тогда он решил самостоятельно дать Нагелю визу и довести до сведения своего правительства.

Вот тут-то и началось. Мне позвонили из Вашингтона и просили немедленно приехать по важному делу. На другой день в Вашингтоне я узнал, о, времена, что, по сведениям американского правительства, Нагель был, а может быть, теперь является германским секретным агентом. Во время войны он в Скандинавии являлся «посредником» между Россией и Германией. Из этого Вашингтон сделал совершенно правильный вывод, Нагеля в Америку не пускать. Немедленно телеграфирую в Ригу, но получаю ответ, что Нагель уже выехал и находится по пути в Америку. Мне поручалось довести до его сведения по прибытии парохода, чтобы он немедленно возвращался обратно.

Наконец пароход причаливает. Американские власти задерживают Нагеля, препровождают на остров Элис и сообщают, что на материк его не пустят, он должен немедленно уехать. В свою очередь, приезжаю я, знакомлюсь с ним и его женой, красноволосой немкой, передаю распоряжение моего

правительства. Нагель оказался стреляной птицей неожиданных полетов. Ехать обратно отказался. Тотчас поднялась скандальная газетная шумиха. И что же? Запрет американских властей, приказ латвийского правительства, все оказалось напрасным. У Нагеля нашлись «свои люди» в Нью-Йорке, поверившие в совершенную невиновность молодого дипломата, и взяли его на поруки. Нагель был отпущен и остался.

Прошло четыре года. Я был уже латвийским посланником в Москве. Однажды ко мне пришел с докладом секретарь и сообщил, что некто Нагель, по его словам, латвийский гражданин, служивший в русском Аркосе сначала в Лондоне, а потом в Америке, прибыл в Москву и хочет получить новый паспорт. Секретарь просил его подождать, сказав: «Наш посланник был в Америке нашим представителем, может быть, он вас и знает». Я сказал секретарю: «Приведите ко мне Нагеля». Увы, на сей раз его так и не удалось увидеть. Нагель, видя, что паспорта не получить без меня, сбежал и уже никогда не являлся в наше посольство. Тут уже не только я мог убедиться, кто такой Нагель и каковы его цели, деятельность и моральные ценности. Иная загадка раскрывается даже без нашего участия.

Княгиня Кантакузен и ее камеристка

Были агенты и другого рода, невольные «шпионы», вершившие свое дело не из корысти, а из любви к отечеству.

Первым американским комиссионером в Балтийских странах был мистер Джон Гэйд, бывший член миссии полковника Грана, весьма культурный и интеллигентный человек. Он искренне жалел русских и прибалтийских аристократов, которых судьба карала без милости, будто наказывая за собственные грехи и преступления предков. В рижской конторе Джона Гэйда были служащие из бывших баронов, у него служила и светлейшая княгиня Дивен, правда всегда относившаяся к Латвии вполне лояльно, как и вся ее семья. Однако таким составом конторы латыши были не особенно довольны. Те же чувства испытывали эстонцы и литовцы. Когда Гэйд неожиданно приехал в Америку, ко мне явилась молодая женщина, латышка-американка, и рассказала интересные вещи.

– Я компаньонка-камеристка русской княгини Кантакузен, внучки бывшего американского президента. Княгиня играет большую роль в политике, особенно в вопросах России. У нее политический салон. Мистер Гэйд перед отъездом в Балтику был у нее, она внушала, что он прежде всего должен понять положение несчастной России, во всяком случае, меньше думать о балтийских интересах. То же самое произошло и по приезде Гэйд из Риги. Тотчас он нанес визит княгине, и она снова говорила ему о том же, что не надо поддерживать Балтийские страны, это второстепенный вопрос по сравнению с судьбой, завтрашней историей и интересами потрясенной России.

Моя собеседница, камеристка княгини Кантакузен, считала долгом предупредить меня, осветить это дело, роль княгини, ее влияние на мистера Гэйд.

– Мне, – говорила она, – как природной латышке, все это больно, и я решила рассказать вам обо всем по секрету.

Никогда больше этой женщины я не видел, разумеется, никак не могу поручиться за правду ее слов. Все же при встречах с Гэйд я осторожно намекал ему на некоторые излишние симпатии, доверчивость, недостаточную объективность. Скоро Гэйд был отозван, и на его место назначили мистера Йоунга. Свою контору он поставил на других началах, вне всяких посторонних влияний, и это должно было вселять к нему доверие латышей.

Было бы преувеличением сказать, что значение и влияние салона княгини Кантакузен были особенно значительны. Не все склонялись к ее мнению, не все и молчали об этом. Княгине

Кантакузен приходилось встречать открытых оппоненток. Однажды в обществе, на каком-то чаепитии, где меня, как представителя молодой республики Латвии, познакомили с кружком дам, я не мог не понять, что большинство присутствовавших вполне разделяли точку зрения княгини, сочувствовали России. Некоторые дамы даже стали меня слегка задевать и обвинять латышей, как пособников гибели России. Тогда одна, возможно, немного экспансивная, но очень симпатичная дама вдруг спросила:

– А как велико население Латвии?

– Неполные два миллиона.

– А как велико население России?

– Больше ста пятидесяти миллионов.

– Ну, тогда я крепко жму вашу руку, как представителю молодой нации, которая победила большую Россию.

Конечно, этот голос прозвучал в маленьком обществе, но в нем чудились отголоски многих мнений, мне показалось, что столь неожиданно и просто может быть разрешен даже самый сложный вопрос. Еще раз я подумал, что в жизни, системе наших воззрений, практике, как в больших государственных делах и решениях, все может быть просто, если подведена правильная основа, верный принцип.

Мне в работе большую помощь оказал известный нью-йоркский адвокат Чандлер, член американского конгресса. Настоящий политический делец, он сумел заключить соответствующие договоры с правительствами Балтийских стран, выговорил себе определенный доход в случае признания их независимости Соединенными Штатами. Он разъезжал по Америке, занимался пропагандой в пользу Балтики, писал в газетах, агитировал в политических кругах, считался агентом Балтики и сделал для себя хорошее дело. Для себя, потому что для наших стран эти старания, разъезды, речи и статьи были едва ли нужны.

Моими ближайшими помощниками стали мой брат, живший тогда в Америке, и латыш Неуман, американский гражданин, очень способный, разносторонний человек. Студент Московского университета, он, заподозренный в политической неблагонадежности, должен был бежать в Америку, а попав в Сан-Франциско, пережил землетрясение и остался почти голым, счастливый хотя бы тем, что спас свою жизнь. Он исколесил Америку вдоль и поперек, стал исключительно сведущим, а для меня и вовсе незаменимым человеком. Я принял его сначала на службу в русскую миссию путей сообщения. Он понравился

Ломоносову и был назначен представителем в Сиэтл, где у нас тогда находились громадные склады товаров, отправлявшихся в Сибирь через Тихий океан.

Вдруг стало известно, что разыскивается германский шпион по фамилии тоже Неуман. Наш Неуман знал много языков: английский, немецкий, французский, латышский и польский. Это сослужило ему плохую службу. Дело в том, что начальник почты в Сиэтле по долгу службы проверял содержание некоторых писем, адресованных в Европу, и ему оказывал в этом отношении дружеские услуги наш Неуман. Когда по совпадению фамилии на него пали подозрения, именно потому, что он знал много языков, ему пришлось много поволноваться и переживать, пока не удалось доказать, что он не заяц, а верблюд. Неуман, но не тот. Впоследствии он был принят на пороховой завод, а все подозрения с него сняты.

Американский Красный Крест

Большую и неоценимую услугу и помощь латвийскому правительству оказывал американский Красный Крест. И для меня лично он сделал все, что в его силах, охотно и даже по собственной инициативе рассылал телеграммы и письма в Сибирь, Японию, чтобы только найти мою семью. Вечно буду благодарен миссис Элис Фитцджеральд, тогдашней американской представительнице Красного Креста в Женеве, полковнику Роберту Олдсу, представителю американского Красного Креста в Европе, доктору Ливингстону Фэррэнду, председателю центрального комитета американского Красного Креста, его помощнику Уэллинг и многим, многим другим. Все они с исключительной заботой отнеслись ко мне, искренне сочувствовали моему горю, энергично и горячо принялись за розыски моей семьи. Наконец, я получил счастливую телеграмму из Риги: Marie et les enfants en Siberie. Atchinsk[9]. Это был незабываемый час моей жизни. Жена и дети мои были найдены. Я собрался обратно в Европу.

На пароходе «Аквитания»

21 сентября 1920 года покидаю Нью-Йорк. Еду на «Аквитании». Море прекрасно. Путешествие – настоящее наслаждение. Со мной едет Джеймс Конверс, заинтересованный в образовании Балтийско-Американской пароходной линии. Проект вполне своевременный. Прежняя Русско-Американская линия завершила свое существование. В Париже к нам должен был присоединиться О. Ричардс, владелец банкирского дома «С. Б. Ричардс Нью-Йорк», который в свое время основал Русско-Американскую линию. Затем все вместе мы должны были отправиться в Латвию. План поездки был осуществлен совершенно точно, но никакой пароходной линии до сих пор нет.

На пароходе сложилась дружная компания, мистер и мисис Бенет, известный нью-йоркский адвокат, и мы все время играли в карты. Случайно на письменном столе я забыл только что купленное в Нью-Йорке прекрасное самопишущее перо, их еще называют неверным словом «вечное». Потом искал его, но не нашел, очевидно, мое невечное перо кто-то забрал, значит, такие неожиданности могут происходить даже среди пассажиров 1-го класса. Видя мое огорчение, мистер Грэй Миллер, вице-президент Tobaco produit Export Corporation, подарил мне свое перо. Надеюсь, оно станет вечным. Я был тронут этим подарком, а еще больше вниманием Грэя Миллера.

В Париже мы провели несколько дней, затем через Берлин поехали в Ригу. Сколько раз на этом пути по Германии нам приходилось убеждаться в том, насколько отчужденно и озлобленно настроены немцы, особенно женщины, ко всем иностранцам, независимо от национальности. Результат войны, блокад, взвинченной ненависти, понесенных жертв. Германия была истощена до последней степени, страданиия народа были очевидны и чувствовались во всем.

Снова в Советской России

Как только я приехал в Ригу, кабинет министров утвердил меня в должности председателя латвийской реэвакуационной комиссии в Москве. Все заводы, банки, торговые фирмы, склады – все было во время войны увезено в Россию. Это громадное имущество надо было спасать от наступавших немцев. Эвакуация происходила по всей Прибалтике, но больше всего в этом отношении пострадала Латвия. Теперь, после заключения русско-латвийского мирного договора, все это громадное имущество подлежало возвращению. Предстояла очень важная, ответственная, кропотливая и настойчивая работа. Я торопился с отъездом и 2 ноября 1920 года вместе с первым посланником Весманом, подписавшим в качестве председателя латвийской делегации мирный договор, выехал в Москву. Нас было человек сорок, и с нами шел целый вагон всевозможных продуктов. К тому времени сообщение между Ригой и Москвой было налажено, ехали мы без пересадки, совсем не так, как десять месяцев назад, когда пришлось томиться в товарном вагоне и когда нас пересаживали на подводы.

Д.Т. Флоринский и А.Б. Сабанин

На Виндавском вокзале Москвы нас встретили представители Комиссариата иностранных дел. К моему великому удивлению, среди них был и Д.Т. Флоринский. Удивило это меня потому, что Флоринского я знал как русского вице-консула в Нью-Йорке. Это было совсем недавно. Тогда он был мне известен как типичный и привилегированный царский чиновник. Всегда щегольски одетый, с моноклем, верх аккуратности, весьма предупредительный, особенно к лицам, стоящим выше его. Таким был и остался Флоринский. Изысканный спорт, верховая езда, поскольку она придавала известный лоск, столь необходимый подобному типу людей. Прекрасные, мягкие, вкрадчивые манеры дополняли образ тщательно вышколенного дипломатического чиновника. Он ездил верхом в нью-йоркском Центральном парке, всегда сопровождая какую-нибудь интересную даму. Любил и покутить. Тогда его политическая физиономия определялась ненавистью к большевикам, расстрелявшим его отца, известного русского профессора Флоринского. И вдруг этот человек у большевиков! Здороваясь с ним, я невольно воскликнул:

– Вы-то какими судьбами здесь?

– Потом расскажу.

Вскоре он пригласил меня к себе и поведал о своих делах.

– Когда в Нью-Йорке все кончилось, надо было искать работу. Сначала я направился к Деникину, но, убедившись, что там безнадежно, приехал в Швецию. Но и тут все было шатко, и ничего не обещало в будущем. Как везде, где были русские эмигранты, здесь безрассудно тратились оставшиеся деньги, распродавались драгоценности, а кажущийся внешний патриотизм выражался лишь в пении гимна «Боже, царя храни». Я понял, в Швеции тоже нет спасения и надежд, и поехал в Копенгаген. Все деньги были уже истрачены, оставалась только драгоценная булавка к галстуку. Продал я и эту последнюю вещь, с удовольствием проел деньги и, что называется, сел. Но вдруг в Копенгаген приехал Литвинов. Я отправился к нему, искренне все рассказал и просил принять меня на службу. Таким образом очутился здесь.

В Москве он женился, успел развестись и познакомил меня со своей бывшей женой. Тогда разводы совершались весьма быстро.

Как шеф протокола, Флоринский для большевиков был просто находкой. В Комиссариате иностранных дел его ценили, он блестяще справлялся в продолжение многих лет со своими многосторонними и далеко не легкими обязанностями, но кончил

тем, чем теперь завершаются многие карьеры. Флоринского сослали в Сибирь, и сейчас он в ссылке. Мне приходилось слышать, ему ставили в вину то, что он мало стал обращать внимания на женщин, и это обстоятельство повредило, несмотря на то что большевики им были очень довольны как спецом.

Действительно, Флоринский был первым шефом протокола, который решился проводить в Наркоминделе европейские порядки. По своим прямым обязанностям он должен был встречать приезжающих в Советскую Россию «знатных иностранцев», ухаживать за ними, развлекать, снабжать билетами в театры, выдавать разрешения на присутствие на тех или иных собраниях большевиков, словом, быть всегда гостеприимным хозяином. И я в ложе Флоринского познакомился на одном балетном спектакле с женой популярного американского писателя-журналиста Джона Рида, миссис Брайант, которая тогда жила в Москве. Судя по беседам с ней, можно было подумать, что она в восторге от многого и порядки Советской России ей очень нравятся. Однако через полгода, когда она проездом была в Риге и навестила меня, от прежних восторгов не осталось и следа. С большой горечью она рассказывала об умершем муже Риде, как о неисправимом идеалисте, слепо поверившем в коммунизм, доверчивость его и погубила. Ей было особенно горько сознавать, что любимый человек так наивно попался, искренне поверил в идеализм большевиков. На память она подарила мне свою фотографию. Больше я ее уже никогда не видел, если не ошибаюсь, она потом вышла замуж за американского посла У. Буллитта, если это так, их союз оказался недолгим. Несколько лет назад я прочел в газетах о том, что она умерла в Париже в большой нужде. Мне стало ее жаль. Разочароваться в жизни – значит потерять ее. Она разочаровалась. Косвенно в этом были виноваты и большевики.

Но я уклонился от темы.

Моя работа состояла главным образом в председательствовании смешанной русско-латвийской комиссии по реэвакуации. Было много спорных вопросов. Разбираться в них Советская Россия поручила, со своей стороны, экономически-правовому отделу при Комиссариате иностранных дел, поневоле мне приходилось часто встречаться с А. Сабаниным, начальником этого отдела, и его помощниками Дашкевичем и Колчановским. Все они были людьми старой дипломатической школы, питомцами Императорского лицея и раньше служили в Министерстве иностранных дел. Несмотря на это, пользовались совершенным доверием большевиков. Сабанин рассказывал, как ему в 1917 году было поручено отвезти в Лондон исключительно

важную, секретную переписку. Эти три лицеиста работали у большевиков действительно не за страх, а за совесть. Они отлично понимали, что каждое неосторожное слово может погубить, и потому были чрезвычайно скрытны в разговорах.

Они были способными чиновниками, знатоками международного права, и не раз на совместных смешанных заседаниях я видел и чувствовал, как спорные дела решаются в пользу Советской России только благодаря опытности этих бывших лицеистов, их превосходству над моими юрисконсультами. Если кто-нибудь из них даже ошибался или с умыслом говорил нечто несуразное, все равно они все как один доказывали правильность и неоспоримость точки зрения своего коллеги. Это еще раз подтверждало мое давнее и проверенное убеждение, изложенное в моей докладной записке для американского Государственного секретаря Колби. В своих наблюдениях во время первой поездки я не допустил особых погрешностей. Да, у большевиков было все организовано хитро, везде определенный план, система, а это самое главное. И Сабанин, и Лашкевич выполняли свои обязанности в высшей степени добросовестно и удачно. Несколько позже они попали в немилость.

Я назначил своего представителя в Петроград. Уладив все необходимое в Москве, приехал туда, чтобы проверить на месте его работу. Я жил там с семьей в начале войны, там находилась моя постоянная квартира, хотелось поехать туда еще и потому, чтобы убедиться в пропаже, полном исчезновении нашего добра, мебели, обстановки, утвари, всех вещей.

Сейчас я скажу то, что может вызвать у моего читателя улыбку. В Петрограде я хотел найти моего слона.

Когда-то я выиграл его в лотерею Александрийского театра и назвал его «Мое счастье». А выиграл так. В антракте публика забавлялась стрельбой в круглый вращающийся диск, разделенный на сто частей. Каждая имела свой номер. Номера чередовались, красный, белый, красный, белый, от одного до ста. Кто попадал в красный сектор диска, получал соответствующий выигрыш, кто попадал в белый, не получал ничего. Тогда я приехал в Петроград молодым инженером после Политехникума. Хотел получить место или службу, был в хорошем настроении, шутя, начал стрелять. Делаю первый выстрел и попадаю в красный номер. Второй – снова в красный. После третьего, столь же счастливого, около меня стала собираться публика. Наконец, стреляю четвертый раз и попадаю в заманчивый номер 1. Он давал право выбрать по вкусу любую вещь. Несколько секунд недоумения: что же выбрать? Но стоявшая рядом со мной дама

вдруг закричала: «Ну конечно, слона, конечно, слона!» Я послушался. Иногда приходится верить приметам. Очень скоро я был принят на службу инженером в Министерство путей сообщения. Слона стали считать моим талисманом, и когда мне в чем-нибудь не везло, что бывает со всяким, я вопросительно смотрел на моего слона, как бы спрашивая: «В чем дело?» И мне казалось иногда, что он сконфужен.

Действительно, оказалось, почти все растащили, но слон остался.

Заговор В.Я. Линдеквиста

В Петербурге меня интересовала еще и кузина моей жены, она была замужем за гвардейским артиллерийским полковником В.Я. Линдеквистом. Впоследствии он трагически погиб, выпрыгнув из окна дома предварительного заключения, не хотел отдаваться в руки чекистов, быть расстрелянным и предпочел принять смерть по собственному решению. Известно, что В.Я. Линдеквист, когда Юденич приближался к Петрограду, организовал довольно серьезный и опасный для власти заговор. Дело восстания было предано, и всего с Линдеквистом погибло около сорока гвардейских офицеров. Большевики уже тогда имели повсюду надежных людей, ЧК работала успешно, не покладая рук. В советском штабе петроградской обороны Линдеквист занимал видное и ответственное место и находился на связи со штабом Юденича. Его жену Марию Линдеквист я разыскал в московской тюрьме, там же находилась ее подруга Нина Авенариус, тоже жена расстрелянного полковника. Обеим были предъявлены обвинения в соучастии в заговоре. Сначала обе молодые интересные женщины сидели в петроградской тюрьме, потом были переведены в московскую. Я хлопотал за них, делал все, что мог, для облегчения их участи, после их освобождения латвийский уполномоченный по эвакуации беженцев устроил по моей просьбе им обеим выезд в Латвию, как гражданкам нашего государства. Но приехала только Авенариус. Отдохнув от пережитых потрясений, она перебралась в Эстонию к родным, бежавшим из России. Линдеквист снова вышла замуж за инженера путей сообщения Т. У него тоже было свое большое горе, при трагических обстоятельствах он потерял жену, подобно тому, как Линдеквист мужа.

Конечно, все детали заговора Линдеквиста знает только ЧК, потому что заговорщики были расстреляны. Только впоследствии, и то по рассказам, получилось нарисовать некую картину. Юденич приближался к Петрограду с эстонской границы. У оставшихся гвардейских офицеров родилась мысль идти навстречу Юденичу, устроить в Петрограде восстание и таким образом облегчить наступление Белой армии. В его серьезность они верили. С этой целью гвардейские офицеры открыли кофейню, которую обслуживали их жены, одновременно зарабатывая на жизнь. Это кафе и стало местом встреч, где создавался план восстания. Нечего пояснять, что и сюда затесались предатели и тут было всевидящее око ЧК. Все конспиративные кружки проваливались один за другим. Все же

можно сделать и другой значительный вывод. Не будь Юденича, не было бы заговора Линдек-виста и расстрелов, не пролилось бы напрасно так много крови. Это особенно поучительно для нашего времени. Конечно, Юденич, Деникин, Колчак не могли ни думать, ни поступать иначе, чем им подсказывало патриотическое чувство. Положение России было критическим. Советская власть, по совершенно понятному убеждению генералов, влекла страну к гибели. Надо было вооружаться, ополчаться против «узурпаторов власти», как называли тогда большевиков. И все-таки, когда речь заходит о жизнях и судьбах людей, надо прежде всего убедиться в надежности и основательности планов борьбы, расстаться с верой в то, что цель оправдывает средства и жертвы. Не человек для субботы, а суббота для человека.

Латвийский праздник 18 ноября и рождественская елка в Москве

Наше посольство расположилось в особняке Готье в Машковом переулке, а реэвакуационная комиссия на Староконюшенной. Все особняки уже были отобраны и находились в распоряжении советской власти. Впоследствии и датское посольство переехало в особняк реэвакуационной комиссии. Особняки богатых владельцев строились на широкую ногу, в них находились громадные подвалы, обширные кладовые, где хранилось всякое добро. В это время все они были уже опустошены, загрязнены, неузнаваемы, привести их в порядок было нелегко.

По случаю двухлетней годовщины латвийской независимости наше посольство устроило 18 ноября большой праздник, на который были приглашены некоторые большевистские сановники, Чичерин, Карахан, служащие Наркоминдела и других учреждений, с которыми мы, так или иначе, имели деловые отношения. Посольств в Москве почти не было тогда, и наше латвийское стало одним из первых, прибывших в Россию. На наше приглашение откликнулись охотно, на нашем вечере все с удовольствием насыщались различными закусками, ужином, напитками. Тогда в России всего этого не было, все недоедали. Наш вечер стал для приглашенных приятным и редким пиром. На этот первый латвийский праздник явился также представитель Литвы поэт Ю. Балтрушайтис, который по сей день занимает в Москве пост литовского посланника, находясь там уже восемнадцать лет, и это действительно исключительный случай. Присутствовал также и представитель молодой независимой Грузии, к сожалению, не помню его имени. Было много и других гостей, занимавших тогда видное положение. Произносились речи. Чичерин говорил о свободе народов, о Советской России, которая сама, без принуждения, первая признала независимость Латвии и других республик. Однако он умолчал, ничего не сказав о том, что Россия при первом удобном случае, как только все будет подготовлено, уничтожит независимость Грузии, и это случилось очень и очень скоро. Не знал и грузинский представитель, что дни его сочтены, ибо и он говорил уверенно, ораторски декларировал независимость своей страны и радовался этому, оказавшемуся таким недолгим, счастью. Как всегда на таких собраниях, гости поважнее ушли раньше, многие, помельче, остались чуть не до самого утра. Хорошее угощение всегда

кстати, всегда полезно, но в ту пору недоедания и голода наш вечер представлялся чем-то исключительным. Поэтому наши подарки в виде продуктов, хороших вин сыграли не последнюю роль в деле сближения с низшими служащими советских учреждений. Давно известно, не подмажешь, не поедешь. Так гласит русская пословица. Что же, пришлось «мазать», чтобы как-нибудь, притом скорее, реализовать постановление смешанной русско-латвийской комиссии о реэвакуации наших богатств, нашего достояния.

Конечно, в этом больше всего были заинтересованы бывшие владельцы эвакуированных предприятий, и, естественно, они с особенной энергией включились в переговоры. Эвакуировались не только фабрики, заводы, машины, но и скот. Например, светлейшей княгине Дивен удалось вернуть всех своих лошадей, может быть, потому, что ее сестра была замужем за лондонским мэром, а ее имение находилось в Латвии. Впрочем, подобную уступчивость советских служащих я объяснял лояльностью княгини Дивен. Мне лично она говорила:

– Я не обвиняю только большевиков, мы тоже виноваты.

К тому же она была баптисткой, и ее религиозная настроенность склонна была видеть во всем волю Божию и в этом находить оправдание.

Приближалось Рождество. В сочельник члены реэвакуационной комиссии решили устроить елку и пригласили на нее служащих разных советских учреждений. Все было сделано «по-буржуазному». Я даже надел фрак и сделал это нарочно, чтобы подчеркнуть резкую грань между ними и нами, показать, насколько мы различны даже внешне. Когда вся эта публика, и первого, и третьего класса, достаточно разогрелась и уже держалась развязно, я почувствовал, что мой фрак начинает серьезно волновать умы. Одним он напомнил их фраки, утраченные навсегда, другим – о недостижимой форме одежды.

– Обожаю фрак. Как хорошо он сидит на вас, – говорил один.

Другой, известный артист, певец, начал, по общей просьбе, старый романс Беранже: «Мой старый фрак, товарищ мой бесценный, не покидай меня!» Рождественская горящая елка, тепло, уют, праздничные блюда, вино невольно перенесли этих полуистощенных людей с их открытыми, незалеченными ранами в другой мир, а фрак и романс разбудили воспоминания о прошлом. Прозвучали и самобичующие речи и восклицания, русскому человеку так свойственна самокритика, так утешительны укоры и покаяния, в этих словах, вздохах и раскаяниях обнажались страдающие души этих людей. Чуть ли не со слезами на глазах подвыпивший видный беспартийный спец

рассказывал мне шепотом:

– Ей-богу, был порядочным человеком, а стал вором. Ничего не поделаешь. Заставили меня товарищи воровать. Так и говорят: «Не будешь молчать, сразу потеряешь место». Вот и молчу об их делах. Все молчим, все воруем.

Да, таких воров было много.

Русский человек, может быть, больше, чем всякий другой, любит юмор и пищу для него находит везде. Юмор не покидает его даже в самые мрачные дни. Поэтому ни один народ не имеет столько анекдотов, приличных и неприличных, разных загадок, особенно об армянах, как русские. Пожалуй, только евреи в этом отношении впереди них. Несколько таких анекдотов я запомнил. Все они направлены против большевистской власти. Трое, доктор, инженер и юрист, спорят, чья профессия старше.

Доктор говорит: «Я был нужен еще тогда, когда Бог сотворил человека-женщину, ведь для этого нужно было вынуть ребро».

Инженер говорит: «А я был нужен еще раньше, когда только составлялся план сотворения мира».

Адвокат: «Я был нужен раньше всех, еще тогда, когда обсуждался план сотворения мира».

Большевик, подслушав этот спор, победил всех: «Но до всего этого был хаос и был я».

Еще анекдот.

Два советских гражданина читают надпись, советскую эмблему: «молот-серп». Один спрашивает: «А чем все это кончится?» – «Читай наоборот», – говорит другой. Тот читает: «Престолом».

Народ подбадривал себя анекдотами. Особенно забавляли нововведенные сокращения в названиях разных учреждений. Получался какой-то таинственный код. Загадочные с виду сокращения расшифровывали по-своему, находя в этом удовлетворение своему отрицательному отношению к власти. Например, РСФСР (Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика) расшифровывалась: «Редкий случай феноменального сумасшествия расы». Сокращения были распространены настолько, что многие, видя надпись «вход» на дверях, спрашивали, что это за учреждение такое «В-Х-О-Д».

В конце 1920 года из далекой Сибири наконец вернулась моя семья. Ее привез специально посланный туда человек. Семья моя приехала измученная, изболевшаяся, усталая. Жена, ее мать и дети пользовались покровительством колчаковцев, но в разгар нападения большевиков в этой всеобщей неразберихе потеряли друг друга. Много было тяжелого в драме, о которой я и теперь не

могу говорить без волнения и горечи. Вообще, о Юдениче и Колчаке могу сказать, не решись они безрассудно начать свое наступательное дело, не случилось бы этой трагедии, как, впрочем, и тысячи других, ей подобных. В дни ужасов несчастной Испании я невольно вспоминаю собственные личные переживания восемнадцатилетней давности. Вспоминаю также великого русского писателя-философа графа Л.Н. Толстого, его завет «Не противься злу» В моем мировосприятии эти слова приобрели еще более глубокое значение, чем прежде. Конечно, я понимаю, дипломаты, воины, адвокаты обязаны во что бы то ни стало противиться злу, бороться с ним, побеждать его, но всякая политическая игра должна быть продумана от начала до конца, иначе это не политика, а взбалмошность, не план, а легкомыслие.

Недовольный результатами своей работы, которую всячески тормозили советские учреждения, я решил в апреле 1921 года подать в отставку. Дела нашей реэвакуационной комиссии шли медленно, в атмосфере препирательств. Мы хотели получить назад все, что составляло наше достояние, и, разумеется, не желали довольствоваться тем, что предлагали Советы. Через два месяца моя отставка была принята, и я позволил себе отдых с семьей, находившейся в Латвии.

Мой приезд в Москву латвийским чрезвычайным посланником и полномочным министром

Время между летом 1921 года и 1923 годом я условно назвал промежуточным. Я тогда отошел от активной политической работы, но частным образом не переставал пропагандировать идею, в которую всегда верил и продолжаю верить. Необходимо оздоровлять, углублять, развивать экономические народные отношения. В наиболее распространенных органах я предсказывал, что начавшаяся экономическая международная война будет очень длительной, потребует много жертв, правда, менее кровопролитных, хотя и не менее многочисленных, чем на войне с оружием. Я настоятельно советовал не забывать, что экономика является важнейшей составной частью всеобщей политики.

Действительно, может ли государство считаться независимым, если его экономическая жизнь находится в чужих, ненадежных, а возможно, и враждебных руках? Экономически мы были отставшей нацией. Земля опустошена. Все следовало начинать сначала. Я выдвигал общеизвестный экономический, точнее, коммерческий закон, если какая-нибудь экономически отсталая страна с успехом производит ту или иную продукцию, она ни на минуту не должна забывать, что сила ее соперничества, сопротивления, конкуренции на международных рынках чрезвычайно ограниченна. Ее возможности в этом отношении весьма ничтожны. Продавать товары, производящиеся в такой стране, международный коммерсант считает делом нелегким. Вывод: прежде всего надо взяться за собственный рынок, оздоровить собственную экономическую жизнь.

Уже тогда я неразлучно носился с мыслью, что каждая страна должна производить только то, что является ее естественной продукцией, основанием экономического бытия. Наоборот, желание производить решительно все гибельно для всех. Дилетантизм вреден в духовной жизни так же, как в производстве губителен для производителя. Это, как правило, приводит к повсеместному возведению высоких оград в виде запретительных пошлин, народы и государства разделяет бессильная конкуренция, в конечном результате это приводит к международным конфликтам и войнам. Тогда я начал понимать, что сосуществование народов надо строить на других, новых

принципах общего сотрудничества, оставив в прошлом прежние отжившие стремления эксплуатировать и рвать при первой возможности. Постепенно, шаг за шагом, расширяя наблюдения, я убеждался, что корень мирового зла кроется именно в этом вопросе.

Между тем сосуществование народов должно строиться чрезвычайно просто, как все в жизни. Для этого нужно только найти верную основу, правильную предпосылку. Правда, пути к этим основам сложны, над ними надо серьезно задуматься и прочно установить. Поэтому меня сейчас больше, чем раньше, удивляет, почему при Лиге Наций существуют самые разнообразные комиссии, о белых рабынях, опиуме и т. д., но нет комиссии по изучению основных принципов экономического сотрудничества народов.

Ленин и его ближайшие единомышленники легко потрясли весь мир, это произошло потому, что его слишком мало занимали поиски этих принципов и основ. Это и дало Ленину право уверенно заявить: «Сожительство народов – это учет». В этом он, безусловно, прав. К его формуле можно добавить: «И расчет». Но для того и другого необходимы ясные и надежные принципы. Без твердых основ нельзя строить здание мирового сосуществования. До тех пор, пока эти основы не найдены, здание будет шататься и каждая отдельная комната жить отгороженной, запертой, настороженной жизнью. Сейчас в мире происходит нечто странное и бессмысленное. Чуть ли не все страны решили навесить на свои двери замки и все для себя производить собственными руками. Уединившись, отрезав себя от остального мира, эти страны сами себя посадили под арест. Какая печальная жизнь в комнате, где забиты все окна, двери и отдушины. Чем и как дышать?

В Латвии отобраны громадные имения владельцев-баронов. Прежним владельцам из их угодий оставлен только центр с 50 гектарами земли, притом лишь в каком-нибудь одном имении, а не в нескольких, составлявших прежде их собственность. Отобранные земли, перешедшие, таким образом, в государственный фонд, стали делить между безземельными крестьянами.

Многие, в том числе и я, как, впрочем, и правительство, скоро поняли, что раздроблять имения нецелесообразно, логичнее оставить часть из них неразделенными на хутора. Это соображение побудило меня и моих единомышленников обратиться к правительству с предложением отдать нам в долгосрочную аренду несколько больших имений. С этой целью

была создана целая акционерная компания. Ее цель состояла в том, чтобы эксплуатировать имения хозяйственным образом, поднять в них сельскую культуру, развить торговлю продуктами производства, снабдить хозяйства нужными машинами. Словом, мы хотели работать в этой области, считаясь только с естественными природными богатствами Латвии. План был продиктован принципиальными соображениями. Я стал генеральным руководителем нового дела, и оно стало успешно развиваться.

Годы, проведенные в Америке, не прошли для меня даром, оставив глубокий след. Я любил и люблю Америку, свободную страну, где так горячо впервые начал бороться за величайшие сокровища народов, их «права, честь и справедливость». Я снова отправился в США на короткое время, но теперь со мной была и моя жена. Наша поездка носила частный характер.

Комиссар А. Цюрупа в Риге

Однажды в темный осенний вечер к нам в Риге неожиданно пришла жена Цюрупы Мария Петровна и, извинившись за беспокойство, прямо и откровенно спросила:

– Если вы не боитесь, мой муж тоже придет к вам.

– Конечно нет, буду очень рад его видеть.

Она тут же позвонила в советское посольство, где остановился Цюрупа, и вскоре он пришел к нам. Такое предупреждение со стороны Марии Петровны было в то время далеко не лишним. Действительно, прошло некоторое время, и, когда центральные политические либеральные партии стали формировать новый кабинет, предназначая меня на пост министра иностранных дел, другие партии тут же вспомнили визит ко мне Цюрупы и задали откровенные вопросы: «Известно ли, что…» и т. д. Я немедленно ответил на них.

В тот раз комиссар Цюрупа возвращался из поездки по Германии, где он лечился и попутно ревизовал дела советского представительства. Он просидел у нас целый вечер, мы вели чрезвычайно интересные беседы. Я нападал на советский строй, он его защищал. На мою критику заграничных советских учреждений он мне ответил так:

– Если даже все, что вы говорите, правильно, сравнивая то, что было год назад, с тем, что сейчас, я могу быть доволен. Прогресс несомненный, а это самое главное.

Заговорили мы о земельном вопросе, в котором Цюрупа отлично разбирался.

– Да, все может измениться, в частности советский строй, как все меняется в жизни, но одно мне совершенно ясно, помещики свои земли обратно никогда не получат.

К сожалению, Деникин, Колчак, Юденич этого не понимали, меж тем аграрная реформа, точнее, аграрная революция стояла тогда на первом плане, была наиважнейшим и наитревожнейшим вопросом.

Вручение верительных грамот

Дела латвийского посольства в Москве шли плохо. Первый посланник Весман вынужден был покинуть Москву, как и его заместитель Фельдман, пробывший на этом посту очень короткое время. Выполнять свои обязанности в Москве посланникам было трудно. Окружающий воздух казался душным, большевики интриговали, агенты ЧК работали вовсю.

Они ухитрились обслуживать и некоторые политические партии Латвии, снабжая их соответствующей информацией. На служащих посольств возводились странные, неожиданные и, конечно, ни на чем не основанные обвинения в контрреволюционных действиях. Люди арестовывались. Все это делалось с определенной и единственной целью, во что бы то ни стало дискредитировать Латвию. В таких-то обстоятельствах была выдвинута моя кандидатура на пост посланника в Москву.

7 сентября 1923 года я отправился в СССР как латвийский посланник и полномочный министр. Мое назначение было отмечено в газетах карикатурами, не щадили даже мою жену. Газеты изощрялись в этом направлении, но за старания я им был благодарен. Карикатуры выставляли меня другом большевиков, это мне только и нужно было.

Прежде всего я основательно познакомился с вопросами внутреннего характера самой Латвии. Я считал своим долгом приехать в Москву во всеоружии знания и понимания интересов моей страны, всего того, что могло играть роль в моей дальнейшей работе посланника.

Я спешил уехать, потому что наше посольство давно уже было без главы, а дел, больше всего неприятных, накопилось много. В Москве меня встретили хорошо. Среди встречавших официальных представителей был опять тот же Флоринский. Через неделю после моего отъезда, 14 сентября, состоялось торжественное вручение верительных грамот председателю ЦИК товарищу Калинину, или «господину» Калинину, как я его называл.

Церемония происходила в Большом Кремлевском дворце, куда я прибыл в три часа дня в сопровождении заведующего протокольной частью Наркоминдела Флоринского и чинов моего посольства. На лестнице, по которой я поднимался в дворцовый зал, был выстроен почетный караул из отрядов ГПУ. При вручении грамот присутствовали секретарь ЦИК, теперь уже убитый Енукидзе, член президиума ЦИК Тер-Габриелян, теперь обитающий в неизвестности, нарком Чичерин, умерший в забвении, член коллегии НКИД Копп, оппозиционер, теперь уже

покойник, заведующий экономически-правовым отделом НКИД Сабанин, по сведениям газет теперь подвергающийся гонениям, полномочный представитель СССР в Латвии С. Аралов, по слухам погибший, и заведующий отделом Прибалтики Рубинин, впоследствии советский посланник в Дании. Присутствовали и другие. Получается так, что из всех главных участников торжественного акта в живых остались только Калинин и я. Как странно, это было всего четырнадцать лет назад!

Вручая грамоты, я произнес следующую речь:

«Господин председатель. Президенту Латвийской республики угодно было избрать меня своим полномочным представителем при Союзе Советских Социалистических Республик. Это почетное и ответственное назначение я принял с особым удовлетворением.

После мировых потрясений, в результате коих явилось освобождение от векового рабства народов, взаимоотношения между государствами в политическом и экономическом отношениях расстроились. Нет поэтому теперь более благородного труда, как работать на мирное сосуществование и взаимное сотрудничество этих народов. Латвийский народ, принесший не одну жертву на алтарь свободы и пославший меня к вам, господин председатель, хочет жить в искренней дружбе и широко развивать экономические отношения со своим великим соседом, народами Союза Советских Социалистических Республик.

Вручая вам, господин председатель, мои верительные грамоты и выражая наилучшие пожелания латвийского народа народам СССР, прошу вас, господин председатель, вашего любезного содействия в моей предстоящей чрезвычайно важной работе.

Да здравствуют народы Союза Советских Социалистических Республик и их взаимное дружеское сосуществование с народом Латвии!»

На это Калинин ответил следующее:

«Господин посланник, я имею честь принять от вас грамоты господина президента Латвийской республики, которыми вы аккредитуетесь в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра Латвии при правительстве Союза Советских Социалистических Республик. Латвийский народ и народы СССР связаны общностью важнейших хозяйственных интересов, создающей благодатную почву для широкого и активного экономического сотрудничества. Уже в настоящее время мы с глубоким удовлетворением отмечаем ряд достижений на этом пути, и это вселяет уверенность в том, что взаимоотношения между Латвийской республикой и СССР будут

всегда развиваться под знаком тесной экономической связи и совместной творческой работы на благо обоих народов.

Прошу вас, господин посланник, принять уверение, что во всех ваших стремлениях, направленных к упрочению и развитию добрососедских отношений между нашими государствами, вы встретите должное внимание и содействие со стороны всех органов СССР.

На том ответственном посту, на который угодно было назначить вас президенту Латвийской республики, и при исполнении возложенных на вас высоких обязанностей вы можете всегда рассчитывать на мое полное доверие, а равно и на доверие правительства СССР».

Подобные церемонии Калинину были явно не по духу. Этот простой человек, очевидно, никогда не мечтал о том, что ему придется фигурировать на торжественных актах, принимать послов, произносить официальные речи, играть в президента. Из первой же моей беседы с Калининым я узнал, что он был простым рабочим, между прочим, в Эстонии, служил на заводе «Двигатель» и потому немного знаком с Прибалтикой. На меня он произвел впечатление очень симпатичного прямого человека, которого судьба захотела вывести из толпы и посадить на трон, совсем чуждое и не соответствующее ему место. Такие люди, как Калинин, тяготятся всякой помпой, пышностью, внешними аксессуарами власти и представительства. Он чувствует себя хорошо в знакомой обстановке и действительным авторитетом в беседе с «делегатами» от крестьян. Прежде их называли проще, «ходоки».

Комиссар Красин

После этого официальная часть моего приезда в Москву завершилась. Вспоминаю, как комиссар торговли Красин, когда я нанес ему визит в сопровождении советского полпреда в Риге Аралова, интеллигентного симпатичного человека, вел себя совершенно независимо и свободно. В разговоре с ним я указал на трудности в экономических отношениях, вследствие различия государственного устройства СССР и Латвии, различия социлистического и буржуазного строя наших государств. Прекрасно одетый, играя золотым или позолоченным карандашом, Красин ответил:

– Да, меня самого здесь начинают обвинять в буржуазных наклонностях. Конечно, я прошел хорошую буржуазную школу торговли, финансов.

Признаюсь, подобная откровенность меня удивила. Совсем не похоже на осторожность других. Было ясно, уже тогда зарождалась оппозиция против более культурных комиссаров ленинского набора, возникло и ширилось недовольство этими комиссарами-«аристократами», как их тогда называли.

Знакомство с ГПУ

Вскоре после моего приезда в Москву произошел неприятный случай, был временно задержан наш дипломатический курьер. Надо сказать, торговля между Латвией и СССР кое-как наладилась, но была главным образом меновой. Латвийские купцы, как и другие, привозили в СССР разные товары, обменивали на золото, платину, драгоценности, даже предметы искусства. Вывозить все это из России они не имели официального права и пользовались оказиями. Советские учреждения это хорошо знали и не только не чинили препятствий, но поощряли эту практику. Через своих агентов они продавали иностранцам платину, золото и взамен получали фунты и доллары.

С виду все шло будто бы гладко. Однако видимое попустительство властей давало им право, предлог и возможности арестовать всякого, кто, с их безмолвного разрешения, занимался такой торговлей. Когда большевики хотели раздуть скандал, им ничего не стоило арестовывать того или иного иностранца за спекуляцию, запрещенную торговлю. Разумеется, аресты происходили с обдуманной заранее определенной целью. Важно было не поймать и уличить, а скомпрометировать. Например, из Риги приезжает дипломатический курьер Дулбе, под вечер куда-то уходит и больше не возвращается. К ночи узнаем, что он задержан агентами ГПУ. Об этом нам сообщают из Комиссариата иностранных дел и любезно при этом объясняют, что курьер задержан при покупке платины у какого-то советского гражданина. Я потребовал его немедленного освобождения и обещал расследовать дело. Понятно мое раздражение. Я был зол на курьера, большевиков. Заставил его рассказать совершенно откровенно обо всем, что произошло. Он был мне известен как солидный и надежный человек. Вот его рассказ:

«В Риге мне передали английские фунты с просьбой получить за них платину. Но в самый момент передачи фунтов я и советский гражданин с платиной (он оказался провокатором) были задержаны, у нас все отобрали. Потом арестовавшие меня два чекиста предложили пойти в тихий ресторан. Там они заказали вино, пили сами, угощали меня и в дружелюбной беседе стали убеждать, как легко избежать предстоящих неприятностей, если только смотреть на вещи без иллюзий и стать реальным человеком без предрассудков, в таком случае печальное происшествие будет замято и в советских учреждениях, и в

латвийском посольстве». «Реальность» же без предрассудков заключалась в том, что курьер по дороге из Москвы в Ригу и обратно должен передать, когда ночью все заснут, на полчаса небольшой чемоданчик с запечатанной там дипломатической почтой агентам ЧК.

Соблазнители из ГПУ со своей стороны гарантировали, что ничего из дипломатической почты никогда не пропадает, все печати неизменно будут в полном порядке.

Чекисты ошиблись. Выслушав и узнав все, курьер не побоялся предстоящих неприятностей, чего агенты никак не ожидали, и ответил категорическим отказом. Получился скандал, началось дело о дипломатическом курьере.

Так же откровенно я, в свою очередь, оповестил об этом заведующего отделом Прибалтики в НКИД Рубинина. Я перенес вопрос в другую плоскость, совершенно логично обвинив не курьера, а советских агентов. Рубинин, толковый работник, сразу сообразил, что попалось ГПУ, а не латвийское посольство. На этом все и кончилось, и без всякой огласки дело было ликвидировано. Уже этот ничтожный случай меня убедил, что НКИД напрасно открещивается, когда к нему обращаются с протестом, жалобами и просьбами, напрасно лукаво сваливает все на ГПУ и объявляет себя безвластным или, по крайней мере, беспомощным. Нет, НКИД имеет большую власть, почти всегда может диктовать свою волю ГПУ, было бы желание. Я никогда не верил басням работников НКИД, уверявших, что они ничего не могут сделать в том или другом случае, потому что встречают непреодолимое сопротивление ГПУ. Пора понять и сказать прямо, НКИД и ГПУ всегда работали вместе, рука об руку, и разногласий между ними не бывает. Это свои люди.

Но случай с моим курьером дал мне важный козырь и для дальнейшей игры. Курьер этот в Москву больше не возвращался, получив официальный выговор, но ему я был очень и очень благодарен за умелую и откровенную расшифровку намерений ГПУ. Впоследствии дипломатическая почта перевозилась двумя курьерами. То же самое стали делать и большевики, уже не доверяя почту одному курьеру, ее сопровождали всегда двое. Западня, которую они хотели поставить нам, стала уроком для них самих.

Вожди и комиссары СССР

Моя работа в Москве продолжалась шесть лет. Она была чрезвычайно интересна и разнообразна. Конечно, рассказать все невозможно. Я и не собираюсь это делать. Буду вполне удовлетворен, если мне удастся осветить эти годы в главных чертах, с общей точки зрения, вспомнить о наиболее важных моментах, притом таких, которые дают более или менее знаменательные выводы.

Ставя перед собой эту задачу, я не собираюсь приводить факты в хронологическом порядке. Вообще я здесь веду не летопись встреч, мне важнее объективные заключения. Это и понятно. Все эти годы я был не только наблюдателем и информатором моего правительства, мне самому хотелось вникнуть в самую суть вопросов, из теоретических предпосылок сделать практические выводы. Я и тут исходил из моего постоянного убеждения, что в каждом сложном деле нужно прежде всего найти основу. Решать задачи международного значения, как я их понимал, нужно строго и точно, когда-то я так решал математические задачи. Это меня особенно занимало. Хотелось разгадать, определить, нарисовать психологические портреты основателей большевистского строя, коммунистических вождей и деятелей. Естественно, мой интерес и внимание особенно приковывали две фигуры.

Ленин и Сталин

Никогда и нигде еще не проявлялось, не показало себя с такой силой значение личности. Ее важнейшую роль в жизни не только одного государства, но и всего человечества выдвинуло и вознесло наше время. Если бы не было Ленина, Троцкого, Сталина, этих основоположников российского большевизма, не могло быть ни Муссолини, ни Гитлера, провозвестников и вдохновителей идей ультранационал-социализма. Всякое действие вызывает противодействие. Это не только закон природы, но и политики, и сосуществования народов. Чем глубже мы вникаем в этот вопрос, тем больше и крепче убеждаемся, что так называемая «масса» никакой решающей или руководящей роли не играет. Человек – рычаг, масса – только опора.

О Ленине и Сталине написаны целые библиотеки. Они антиподы. Между ними ничего общего. Психологически противоположны и враждебны друг другу. Ленина его современники называли исключительным человеком, историческим деятелем, но самому ему нравилось, когда его величали просто, по-деревенски, как бы запанибрата, по-родственному – «Ильич». Сталина уже теперь называют великим, мудрым, гениальным, отцом народов, даже божественным. И это ему нравится. И тут между Лениным и Сталиным огромная разница. Ленин был прост, я бы сказал, нагляден. Не терпел мудрствований, теоретических разглагольствований, пышной фразеологии, театральных поз, ораторских приемов, наигранной величавости, велеречивых прорицаний. Сталина эти черты должны были удивлять. Ленину он поклонялся. В его представлении великий человек должен обладать совсем другими качествами. Вот что говорит Сталин о Ленине:

«Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 года на конференции большевиков в Таммерфорсе (Финляндия). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных.

Принято, «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: «Тише! Он идет». Эта

обрядность казалась мне нелишней, ибо импонировала, внушала уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись в угол, по-простецки вел беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, это показалось мне тогда нарушением некоторых необходимых правил. Только потом я понял, это одна из самых сильных сторон Ленина, как вождя новых масс, простых и обыкновенных, глубочайших «низов человечества».

Читая между строк, проникая в полускрытый смысл этого признания, мы без труда можем установить, каким воображал Сталин Ленина, каким рисовался ему «вождь». Эти воображаемые и обязательные для большого человека черты Сталин воспитывал в себе. Интересный вопрос: каким он был сам в ту пору? Для ответа у меня есть благодарнейший материал, характеристика Сталина, которую мне дал директор латвийского государственного банка Э. Озолинь.

Сталин в ссылке

«В 1911 году я был членом нелегальной латвийской социал-демократической партии. В 1912 году меня арестовали и вместе с другими выслали по этапу через Вологду и Пермь в Челябинск. С нами был и Сталин-Джугашвили, среднего роста, худощавый, с черными курчавыми волосами и темными выразительными глазами. Он, поздоровавшись с нами, бросил всего несколько слов. Его русский выговор отличался твердым акцентом.

До Челябинска мы ехали беспрерывно, а там комплектовались «сибирские эшелоны», которые потом препроводили дальше, в глубь Сибири. За Челябинском дорога была ужасна, вагоны переполнены до последней степени. Все арестованные чувствовали себя крайне удрученно, почти совсем не говорили друг с другом, вдобавок друг друга побаивались. Сталин принадлежал к административно-высланным. Он был сравнительно молод, на вид лет тридцать. Открыто говорил о том, как выращивается и как должен воспитываться революционер. «Мое счастье, что все силы я жертвовал на революционную партию. Если бы мне пришлось где-нибудь служить или работать в конторе, я неизбежно бы оказался под тем или иным мещанским влиянием. Потерял бы ясность мысли и революционную энергию, как это и случилось со всей революционной интеллигенцией, которая службой зарабатывает себе на хлеб, все равно какой службой, хотя бы даже в конторе либеральной буржуазии».

Внешне Сталин похож, как все кавказцы, на еврея. Иногда и происходили такие ошибки, случалось, Сталина ругали и называли «жидом», надо было видеть, как загорались его глаза. Конечно, такие ругательства ему приходилось слышать от охраны, но, как бы ни был пылок его темперамент и велик скрытый гнев, он никогда не доходил до открытой стычки с властями, даже и самыми маленькими. Несмотря на бурный характер, Сталин умел владеть собой. Не разменивался на мелочи. Вспоминаю пустой, но характерный случай. Нам выдавалось ежедневно 10 копеек, и на них мы покупали в дороге кое-какие продукты. На одной станции, когда мы особенно торопились, Сталин заплатил за какого-то медлительного товарища, разумеется, это были копейки. Но когда тот хотел вернуть деньги, Сталин пренебрежительно и наотрез отказался взять. Товарищ, однако, настаивал во что бы то ни стало отдать долг. Сталин взял деньги и тут же выбросил за окно. «Ну, теперь вы мне больше не должны, ваше самолюбие удовлетворено».

В своих оценках Сталин был груб и крут, беспощадно отзывался о людях. Откровенно признавался, что редко находил человека, который бы ему нравился и мог стать близким. Он был хорошим рассказчиком кавказских анекдотов. Передавал их остроумно и даже талантливо, во всяком случае, не банально. Актерский талант в нем отмечался и тогда.

Из Томска мы ехали по реке до Нарыма, города с 500 жителей, из которых 80—100 политические ссыльные. Встречать нас на берегу собралось много народа. Был там и Александр Петрович Смирнов, впоследствии комиссар земледелия СССР. При помощи Смирнова мы нашли небольшую квартирку из двух комнат. Я взял маленькую, Сталин побольше. Днями и ночами мы просиживали за книгами. Сталин интересовался философскими вопросами, которые тогда были очень актуальны в нашей партийной жизни. Но его неотвязно точила мысль получить фальшивый паспорт и устроить себе побег. Вопросами нашей повседневной жизни он совсем не интересовался. Должен добавить, он никогда не отличался особой практичностью. Вначале мы вели совместное «хозяйство», ежедневно, по очереди, исполняя должность «хозяина», что очень и очень не нравилось Сталину. Он стал обедать у Смирнова, поступил к нему полупансионером, но завтракать и ужинать мы продолжали вместе. Тут произошли некие осложнения, на сей раз с самоваром.

У нашего хозяина были две дочери, они и ставили нам ежедневно самовар, но, как кавалеры, мы не могли допустить, чтобы женщины носили тяжелый самовар по крутой лестнице, и, чередуясь, делали это сами. Сталину это надоело, и носить самовар стал я один. Нетерпеливого Сталина это раздражало, он не хотел принимать моих услуг. Неизменно Сталин встречал и провожал каждый пароход, толкался в гуще людей, обдумывая обстоятельства возможного побега.

Конечно, мы с ним спорили. Тем и предлогов хватало, сказывалась подлинная натура Сталина. Он говорил с увлечением, глубокой и страстной уверенностью в своей правоте, к взглядам противника относился пренебрежительно. Разумеется, много думал о партийной организации, ее членах, их пригодности, о пользе, которую мог принести каждый из них. Сталин не любил женщин-революционерок и говорил о них с иронией. По его убеждению, женщина не может отдаваться вполне делу революции, не жертвует душой, лишь флиртует. Ее интерес не в революции, а революционерах.

– Однажды я выступал на собрании, – вспоминал Сталин, – где молодая женщина, казалось, с большим интересом и

вниманием следила за моей речью. Мы познакомились, разговорились, оказалось, она следила за моими губами.

Глава большевизма Ленин тогда переехал из Парижа в Краков, поскольку считал нужным находиться как можно ближе к России. В Кракове (1912) должен был состояться съезд, на который ждали и Сталина. Единственной дорогой из Нарыма во внешний мир была река Обь. Две попытки бегства провалились. Но Сталин в конце концов достиг своей цели, сбежал из Сибири в Европейскую Россию».

Клятва Сталина

На кафедре в роли оратора я видел Ленина только раз, в 1921 году на съезде Советов. Он говорил почти два часа. Основным было требование «Меньше политики, больше инженеров и агрономов!». Я сидел в ложе НКИД. Заведующий экономически-правовым отделом этого комиссариата Сабанин, обратившись ко мне, сказал:

– Гениальная речь!

– Да.

Про себя я подумал: «А может, и сумасшедшая». Она меня ошеломила. Тут было все: и упрощение сложнейших вопросов, и заостренная, упрямая односторонность требований, и нежелание охватить перед слушателями всю широту запутанного настоящего и совсем неясного будущего. Живым Ленина я уже больше не увидел, но я его хоронил.

Когда после смерти Ленина в 1924 году Сталин на съезде Советов в Большом театре произнес траурную речь-клятву, я его услышал впервые. Эта клятва произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление. «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии». Затем он поднимает правую руку и продолжает: «Клянемся тебе, товарищ Ленин, мы с честью выполним твою заповедь… Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство партии как зеницу ока». Рука поднимается: «Клянемся тебе, товарищ Ленин, мы с честью выполним и эту твою заповедь».

И наконец, заключительная, последняя клятва: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического интернационала». Рука поднимается: «Клянемся тебе, товарищ Ленин, мы не пощадим своей жизни, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира, Коммунистический интернационал!»

В своих воспоминаниях Сталин говорит, что Ленин учил «добивать противника». «Беда, если люди, желающие стать революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции. Вера в силу масс, та особенность деятельности Ленина, позволявшая осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции». Сталин свои политические надежды вождя возлагает на среднего человека. Тут между ним и Лениным огромная разница, непроходимая пропасть. Он не ищет, как Ленин, сильных в том или ином отношении личностей,

довольствуясь самыми обыкновенными, ничем не примечательными, ничего собой не представляющими людьми. Его окружение – толпа. Как луна освещается солнцем, они должны светиться только от света Сталина, подобно тому как Х. Никербакер говорит о Геббельсе и других сподвижниках Гитлера. Он центр, он факел, горящий в ночи, фонарь в темной комнате, путеводная звезда. Светло только потому, что в его светильнике огонь. Герой данного исторического момента – он. Все остальное ничто, ноль. Но Ленина, как революционера, Сталин уважал, ставил очень высоко и писал: «В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становясь провидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони». Эти слова о восторженном отношении «наших партийных кругов» к Ильичу невольно должны были вспомниться всеми, читавшими отчеты о недавнем московском процессе, раскрывшем таинственный заговор против Ленина, заговор, созданный его ближайшими партийными единомышленниками. Сталин прав, говоря, что Ленин плавал в революции, «как рыба в воде», только не добавил, что вода бывает различной по своей чистоте и прозрачности.

Два рода диктаторов

Если ко всему, что я сейчас сказал, добавить общеизвестные сведения о Ленине, Сталине и европейских диктаторах, из последних самый характерный Гитлер, естественно и невольно мы придем к следующему выводу.

Существуют два рода диктаторов. Одни идут за массами, другие ведут массы. Есть спутники, есть вожаки. Безусловно и неоспоримо, Ленин принадлежал к первому типу, то есть к самым опасным диктаторам. Он шел за массами, плыл с ними на одной волне, несся по течению очертя голову. «Грабь награбленное, разрушай еще не разрушенное!» – вот стимул движения темных революционных масс, единственный источник успеха Ленина. Он угадывал лучше чем кто-либо другой психику разъяренной толпы, подхватывал ее крики, делал из них призывные лозунги и потому шел победоносно. Это был гений разрушения. Пусть гибнут десятки миллионов людей, лишь бы цель была достигнута! Это вера революционного фанатика, таков был Ленин, первый вождь в революционные дни СССР.

Ни Гитлер, ни Муссолини, ни другие европейские диктаторы не относились к подобному типу вождей.

Сталин занимает среднее положение, медленно, но верно приближаясь к типу европейских диктаторов. Теперь ему импонирует «помпезность», «ореол», и он этого не скрывает. Все должны подобострастным испуганным шепотом произносить: «Тише, он идет». Любовь, пристрастие к помпезности и эффекту доходят до того, что он не хочет сказать просто: «Ленин, умирая». Это слишком обыденно. Нет, не «умирая», а «уходя».

Сталин понял, что диктаторский тип Ленина – временное явление. Ленин, впрочем, начал понимать, что с одной верой в «творческие силы масс» далеко не уйдешь. Но ему не суждено было на опыте жизни убедиться в этой открывшейся ему истине. Как стихийно пришел, так же неожиданно он и ушел. Умер, и в день его похорон это почувствовали все сопровождавшие его гроб массы. Стоял совершенно необычный даже для Москвы холод, вызвавший громадное количество жертв, обмороженных было без числа и в Москве, и во всей Стране Советов. Это, конечно, не мистика, но поучительный и знаменательный символ. Ленин, обрекавший других на смерть при своей жизни, обрек их на гибель и в день своей смерти.

Похороны Ленина

В моем дневнике этот день отмечен следующей записью:

«За подписью Феликса Дзержинского я получил пропуск № 23 для прохода в Дом Союзов (бывшее московское Дворянское собрание), в ложу для иностранных дипломатов для участия в процессии на похоронах председателя Совнаркома Союза ССР и РСФСР. День выдался исключительно холодный, но ясный. От мороза трещали стены домов, хрустел под ногами снег, казалось, разламывалась земля под тяжестью тысячи, десятка и сотни тысяч закутанных с головой людей, советских граждан, двигающихся по намеченным улицам к останкам Ленина. Топот лошадей, трескотня, скрип, тихий людской говор, костры на улицах, высоко, столбом поднимающийся от них дым и топочущие в шаге на месте красноармейцы. Все это производило исключительное, незабываемое навеки впечатление. Вспоминалась далекая картина Бородинской битвы с кострами, солдатами».

А в Доме Союзов на возвышении красный гроб с Лениным, около него неподвижно стоящие комиссары и представители, прибывшие из разных краев обширной России. Тут же дипломатический корпус в полном составе. Никаких речей. Только звуки траурного марша Шопена, исполняемого усиленным для этого случая оркестром Большого театра под мастерским руководством главного дирижера чеха Сука, торжественно разносятся по огромному залу. Вот ближайшие товарищи Ленина поднимают гроб на плечи, и «он уходит», как помпезно выразился Сталин. Потом рев фабричных сирен, пронзительные гудки паровозов, и Ленина больше нет.

Дипломатический корпус участвовал в траурном шествии только вначале, всего несколько минут. Но и этого было достаточно. Когда я возвратился домой, швейцар испуганно указал на мои щеки. Он был прав, я их отморозил, пришлось долго оттирать снегом. Так и в моей судьбе, в этом нестрашном случае, Ленин запечатлел свой уход.

В тот же вечер у нас в посольстве появился неожиданный гость, известный американский кинооператор, участник экспедиции на Северный полюс по фамилии Доред и по национальности латыш, мой знакомый. Он умолял принять небольшую жестяную коробку с только что заснятыми похоронами Ленина и отправить ее в Ригу. Не сказал, что иностранцам было запрещено снимать. Об этом я узнал только через несколько дней, когда была получена весть, что Доред арестован. Его обвиняли в нарушении запрета. Да, он снял

похороны, и его фильм уже появился в Европе и Америке. Оказалось, запрет снимать похороны продиктован исключительно желанием монополизировать советский кинофильм и крупно заработать на этом. В том, что Совкино меньше заработало, был частично, хотя и неумышленно виноват и я. Думаю, эта случайность была логичной. Едва ли добродетельно продавать мертвого Ленина, вождя Коммунистического интернационала, тем же рабочим Запада и Америки. Это будто не вязалось с личностью и ореолом покойника. Впоследствии Доред был освобожден и получил разрешение на выезд из России.

Ленина, который доверял Сталину, больше не было, на его место пришел Сталин, который не доверял никому.

Троцкий

Сталин не только не доверял Троцкому, но презирал и ненавидел его и преследовал троцкистов. Поскольку Троцкий еврей, впоследствии все евреи подверглись значительным преследованиям. Со стороны Сталина это не был поход собственно против евреев как нации, хотя его политика в этом отношении истолковывалась в России именно так.

По этому поводу мне вспоминается поездка в Витебск. Меня экстренно вызывали в Ригу. Я оказался в одном вагоне с красным генералом Фабрициусом. Тогда как раз закончился съезд Советов, делегаты возвращались на места, вагоны были переполнены. Мне пришлось удовлетвориться верхним спальным местом двухместного купе. Вхожу и вижу высокого офицера с тремя орденами Красного Знамени на груди. С ним я до этого не был знаком, но сразу узнал в нем командующего Западным фронтом Красной армии Фабрициуса, теперь уже давно покойника. Представляюсь латвийским посланником, получаю ответ: «Я тоже латыш. Фабрициус».

У нас завязалась интересная беседа. Мы так и не заснули, проговорив всю дорогу. Он был прям, прост, безусловно порядочен. Это угадывалось сразу. Рассказал мне много интересного, сообщил о немецких офицерах, приезжавших в Россию, о торжественных обедах, устраивавшихся по этому поводу, и многом другом. Потом мы перешли на тему ужасов, которые творили красноармейцы и большевистские власти, занимая Ригу. Я спросил, почему в Латвии были расстреляны совершенно аполитичные пасторы, о чем теперь даже сочувствовавшие прежде большевикам вспоминают с ужасом. Какой смысл в расправах, кому это было нужно. Фабрициус молча выслушал меня и сказал буквально следующее:

– А я вам расскажу еще более безобразный случай. Когда я в 1919 году в разгар революции взял город Псков, комендантом его был назначен некий Зильберман. Вскоре до меня стали доходить слухи, что он расстреливает людей с единственной целью – отобрать драгоценности в собственную пользу. Я назначил комиссию для расследования его деятельности, и та подтвердила все обвинения против Зильбермана. Я приказал его расстрелять. Вы думаете, этим закончилось? Ничего подобного. Нашлись другие Зильберманы, которые обратились к Троцкому с жалобой уже на меня. Троцкий вызвал меня и стал допрашивать, допытываться, как я посмел расстрелять своего человека, на каком основании пошел на такую меру. Разговор закончился

бурно. Я ему ответил: «Товарищ Троцкий! За такие слова я обычно выбрасываю в окно, но, к сожалению, с вами так поступить не могу». Тотчас отправился в Москву и обо всем прямо доложил генеральному секретарю партии Сталину: «Товарищ Сталин, попомните мои слова, будут нам беды от евреев троцкистов». Это происходило двадцать шестом году. Сталин на съезде подошел ко мне и сказал: «Товарищ Фабрициус, вы оказались правы. С троцкистами у нас большая беда».

Троцкого Сталин ненавидел еще и потому, что у него было больше «помпезности», он больше походил на революционного вождя, чем кто бы ни был в тогдашней России. Орлиный взгляд, орлиный нос, Мефистофельская бородка и совсем не «детская» улыбка, как ее совершенно ошибочно охарактеризовал Джон Гюнтер в своей книге Inside Europe: «Улыбка у Троцкого была дьявольской. Вдобавок он обладал большим остроумием, находчивостью, был талантливым оратором, все это данные для очень опасного соперника, конкурента. Однако Сталин хитрый и, надо сказать, коммунистически честнее, прямолинейнее. Внешне ничем не кичился и знал одну неумолимую тактику, добивать противника до конца, до последнего вздоха. Троцкого преследовали, как затравленного зверя, он отбивался, противился, кусался, защищаясь, хватался за всякое орудие, лишь бы удержаться и спастись».

Во время торжественного открытия Шатурстройской грандиозной электростанции, куда пригласили и дипкорпус, Троцкий не смог произнести речь на открытом воздухе из-за болезни горла. Тогда его упросили говорить в помещении новооткрытой станции. Там было устроено угощение для избранных гостей, в том числе иностранных дипломатов. Троцкий говорил выразительно, ярко, образно, молодежь несколько раз прерывала его аплодисментами, бегала за ним, восторженно смотрела ему в глаза. Троцкий заговорил об Америке, Канаде, о том, сколько там приходится киловатт на каждого гражданина, и сожалел, что в Советской России нет ничего подобного. Два большевика, слушавшие его, все время строили недовольные гримасы, один наконец оборвал его: «Но зато в Америке нет ни одного киловатта социализма». Троцкий остановился, посмотрел презрительно на своего нежданного оппонента и ответил: «Да, совершенно верно, но не забудьте, товарищ, социализм мыслим только на киловатты». Это опять вызвало аплодисменты. Троцкий хотел сказать, что торжество социализма обусловливается определенной степенью цивилизации и культуры, уровнем промышленности в стране. Собственно, это было и убеждением Ленина, верного последователя Маркса. Недаром среди

ленинских всеупрощающих афоризмов есть и такой: «Социализм – это электрификация». Но то, что у Ленина выражалось краткой разжеванной формулой просторечья, у Троцкого становилось пышным, раскрашенным во все цвета радуги, расфранченным и обостренным орнаментами полемики и остроумия.

Цюрупа

Троцкого не любили и другие комиссары. Он и мне не нравился. Спокойному наблюдателю, не склонному восторгаться внешней формой, он должен был представляться коммунистом-авантюристом, готовым к самым неожиданным зигзагам мысли и фраз, ловким, но не стойким, напыщенным, но не очень надежным революционным франтом, рисующимся перед своей аудиторией. Для Балтийских стран он, с моей точки зрения, был наиопаснейшим человеком. И поэтому тогда за него, естественно, были все коммунисты-латыши.

Вспоминаю домашний концерт Цюрупы. Он жил в Кремле, где и устраивал концерты. На одном из них играл профессор Романовский. За столиком сидели Цюрупа, расстрелянный теперь Пятаков, Енукидзе, тоже расстрелянный, Кржижановский, я и другие. Кто-то произнес имя Троцкого. Желая точнее определить отношение этих видных коммунистов к Троцкому, я бросил фразу: «Троцкий у вас будет первым человеком, по крайней мере, так говорил он, покидая в начале революции Америку». Цюрупа с явной иронией ответил:

– Да, как же, будет он.

Цюрупа был исключительной личностью. Представлял собой редкий тип социалиста-идеалиста. В его руках находилось все, сам он не имел ничего. Вот его характерное письмо ко мне в ответ на мое приглашение 18 ноября 1923 года, в день празднования независимости Латвии. Цюрупа не мог прийти и откровенно объяснил почему.

«Многоуважаемый Карл Вильюмович.

Ваше приглашение застало меня врасплох и повергло в уныние. Я никак не могу быть у Вас. Поскольку это письмо частное и личное, могу попросту указать на причину, у меня нет ни костюма сколько-нибудь подходящего, ни воротника, ни манжет.

Я очень сконфужен таким пассажем и искренне прошу извинить меня. В Вашем лице приношу Вашей стране наилучшие пожелания.

Искренне уважающий Вас

А. Цюрупа».

Цюрупу я знал очень хорошо и мог бы привести много свидетельств, рисующих его порядочным человеком, идеалистом, бессребреником. Всякая насильственная мера ему была противна.

Казни, войны он считал самым ужасным злом человечества. Как заместитель председателя Совнаркома, он должен был подписывать и смертные приговоры. Этого всячески избегал. Для него это было и тяжело, и мучительно, терзало и волновало его, вызывая чувство брезгливости и негодования. Но однажды все-таки пришлось подписать. Не прошло и часа, как к нему на квартиру принесли труп его сына Димы, убитого трамваем. Цюрупу это потрясло. Чуждый всякого суеверия, спокойный, положительный, совершенно не склонный к мистике, на этот раз он невольно связал эти два случая воедино, приняв смерть сына как расплату, отмщение, посланное таинственной судьбой. Это его сильно надломило. Так говорили его близкие, а я думал и думаю, такие люди и не должны подписывать смертные приговоры.

Чичерин

К идеалистам также можно отнести и Чичерина, русского дворянина старинного рода, дипломата царского времени, принадлежащего к аристократическому обществу. Императорский Александровский лицей, где он получил образование, и его связи раскрыли перед ним двери самых недоступных домов. Он хорошо знал высшее общество, но скоро разочаровался в нем, что привело его в социалистический лагерь.

В 1920 году в дни революционного пожара он скромно ходил в простом сером костюмчике, согреваясь перекинутой через плечо шерстяной шалью, завязанной на шее, было холодно, печи не топились, Чичерин мерз. Позднее, в 1923 году, он стал появляться на вечерах в мундире красноармейца, иногда во фраке. На том же вечере, где не мог присутствовать Цюрупа, он пришел к нам впервые. Все в том же красноармейском мундире. Чичерин был гурманом. Я сидел с ним за одним столиком. Нас заботливо обслуживал внимательный лакей, служивший в Московском Кремле еще при царе, очень похожий на африканского генерала, командовавшего бурами. Он подавал французских омаров, рокфор, шампанское, все то, чего в России не было в помине. Чичерин наслаждался. Говорил мне, что давно уже не ел настоящего рокфора, который очень любил. Когда кончили ужинать и встали, лакей подошел ко мне и почтительно сказал: «Вот, господин посланник, сразу видно, Георгий Васильевич Чичерин настоящий барин, любит покушать, понимает в этом толк». Это барство заслужило ему внешнее уважение большевиков и привело на пост комиссара НКИД.

У Чичерина были татарские черты. Он происходил по отцовской линии из татар, как многие русские дворянские роды, мать же его была из семьи балтийских баронов Мейендорф. Чичерин рассказывал, как студентом он когда-то гостил в Латвии и даже немного знал по-латышски. Он обладал замечательной памятью, Александровский лицей окончил первым. Однажды он даже сказал короткую речь по-латышски. В другой раз, проездом из Женевы, посетил Литву и Латвию. В Риге в его честь был устроен великолепный прием в старинном зале дома Черноголовых. Там до сих пор висит много портретов русских императоров, шведских королей, много старинного серебра, относящегося к XV и XVI столетиям. Когда Чичерину показывали эти уникумы, старинные вещи и портреты, нужно было видеть, как детально и точно он знал ценность этих вещей, называл по именам всех великих людей, помнил многое, если не все,

касавшееся этих лиц.

Во время обедов он часто вспоминал, как ему, особенно прежде, нравилась латвийская и английская ветчина. Раз, шутя, я сказал, что он, вероятно, как многие тогдашние эмигранты, недоедал и потому все казалось вкусным, ведь удовлетворяются же люди и теперь даже мерзлой картошкой. Вероятно, доля правды в моих словах была. Чичерин вообще очень воспитан и правдив. Очень способный человек, он входил во все мелочи и частности жизни, быстро знакомился с ними, запоминал, интересовался всеми подробностями дела, знал всех. Даже в Латвии не было ни одного сколько-нибудь известного человека, который не был бы ему знаком. В то же время Чичерин жил одиноко, работал по ночам, как, впрочем, и германский посол граф Брокдорф-Ранцау. Они дружили, оба типичные представители уходящих с исторической сцены дворянских родов.

В НКИД его особенно не любили. С течением времени все больше стал выдвигаться Литвинов. В итоге Чичерина сместили. Это должно было его взволновать и растревожить. Но уже тогда, когда многие считали, что он в НКИД первое лицо, я не раз убеждался в обратном. Его подчиненные стали отзываться о нем развязно и непочтительно. Однажды по дороге в Ригу один из секретарей НКИД, теперь видный советский полпред, весьма пренебрежительно рассказывал, как Чичерин заставляет своих чиновников вставать по ночам из-за сущих пустяков, чего никогда не делает Литвинов. Я слушал и делал выводы. Чичерина начали вытеснять. Мне было его искренне жаль. Приехав к себе в усадьбу, я послал ему в Москву несколько сот роз из моей оранжереи. Благодаря за этот подарок, Чичерин прислал письмо:

«Глубокоуважаемый Карл Вильюмович!

Прошу Вас принять выражение моей глубокой благодарности за память и прелестные розы из Вашего сада, любезно присланные Вами через посредство Д.Т. Флоринского.

Зная Ваше доброе ко мне расположение, мне особенно дорого было это внимание с Вашей стороны.

От души желаю Вам приятно провести Ваш отпуск и хорошенько отдохнуть среди Вашей семьи.

В надежде Вас вскоре вновь видеть в Москве для продолжения нашей дружной совместной работы, прошу Вас принять уверение в глубоком моем почтении.

Георгий Чичерин».

Чичерин был культурным человеком, любил музыку, сам отлично играл на рояле. Однажды, по случаю концерта в Москве

известного немецкого пианиста, германский посол граф Брокдорф-Ранцау устроил званый обед. Приезжий пианист сыграл не помню какую вещь. После него за рояль сел Чичерин и, как бы шутя, повторил то, что исполнил маэстро, это вышло даже лучше, любитель Чичерин превзошел профессионала. Иногда он пропадал из комиссариата на несколько часов, и все понимали, что это значило. Чичерин обходил книжные магазины, выбирал и покупал ноты.

Его оттесняли, затирали, наконец сместили, он должен был уйти. Начались печальные дни Чичерина. Он проводил их кошмарно. Передавали, как, прибыв в Москву, первый американский посол Буллитт обратился с просьбой устроить ему свидание с Чичериным, с которым был знаком еще с первого приезда в СССР. Прошло некоторое время, Буллитт повторил свою просьбу, но она была оставлена без внимания. Тогда он отправился разыскивать квартиру Чичерина. Нашел. Стучит раз, ответа нет. Стучит вторично, ответа опять нет. Тогда он стал колотить в дверь. Слышит, что-то зашевелилось. Наконец дверь медленно отворяется, и – о, ужас! – на миг появляется человек в растерзанном виде, в нем Буллитт тотчас узнал Чичерина. Тем не менее он все-таки спросил:

– Здесь живет Чичерин?

– Чичерина нет, он умер, – последовал злобный ответ, дверь захлопнулась.

Чичерин умер, забытый всеми, давно уже «Чичерина больше нет».

«Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей», – сказал русский поэт.

Калинин

Особое положение занимал и сейчас занимает Михаил Иванович Калинин. Он знаменует собой некий переход, середину между вождями, политиками и народом. Это самый обыкновенный человек, наделенный здравым умом, крестьянин Тверской губернии. В большие дела никогда не вмешивается. Кажется, все у него ограничивается приемом той или иной крестьянской делегации, небольшой беседой с этими «ходоками» и наглядным пояснением того, что значит «темп советского строительства». Между прочим, на эту тему ходило много анекдотов.

Калинин любит театр, в частности оперу. Часто рядом с ним сидит молодая хорошенькая барышня-еврейка, поговаривают, его секретарша. Если, случалось, они оказывались вдвоем в правительственной ложе, Калинин забирался в угол, не хотел показываться, пропадал во тьме ложи. На это стараются не обращать внимания, да и как не простить эту человеческую слабость, особенно в те минуты, когда в «Евгении Онегине» звучит ария старого благородного генерала Гремина: «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны». Но и на сцене, и в жизни это производит забавное впечатление.

Анекдоты о Калинине

Они так и называются: «Калининские анекдоты». Их много, но самые характерные о «темпах строительства».

Страдая от всевозможных нехваток, мужики читают, однако, чуть ли не каждый день в газетах, что все пройдет, минет, образуется, лишь бы увеличить и ускорить «общий темп». Слово загадочно. Мужики его не понимают. К «всероссийскому старосте» Калинину отправляется крестьянская делегация. Надо же наконец получить объяснение, что такое «темп», от которого зависит решительно все. Калинин подводит делегатов к окну и спрашивает: «Что вы видите на улице?» – «Видим, как автомобили проезжают». – «Так вот, когда через год-два их будет проезжать не два, не три, а в десять раз больше, это и означает ускоренный «темп строительства». Поняли?» – «Ну, конечно поняли». И мужики возвращаются домой. Собирается сход. Делегатов спрашивают, что объяснил товарищ Калинин насчет «темпа». «Пойдемте к окну, что вы видите?» – «Да видим, как покойника везут». – «Ну вот, когда через год или два их будут возить не два, не три, а в десять раз больше, это и будет тот самый «темп». Мужички переглядываются, почесывают затылки, вздыхают и расходятся по домам. Поняли наконец магическое слово «темп».

Жизнь в Советской России была так однообразна, что люди невольно забавлялись анекдотами. Везде, где печать скована тисками власти, возникают слухи и анекдоты, если нельзя выражаться даже эзоповым языком.

Особенно богаты на анекдоты были Радек и Мануильский. Они их сочиняли без конца, но кто не рассказывал анекдотов? Например, комиссар торговли Микоян, друг и надежная опора Сталина, во время заключения русско-латвийского торгового договора рассказывал кавказские анекдоты, загадки, смешившие своим глуповатым остроумием. Комиссару Цюрупе нравились старые анекдоты, между прочим, об известном московском адвокате Плевако и кавказце-армянине. Сейчас руководящую роль в России играют кавказцы, Сталин, Микоян, Орджоникидзе, поэтому немудрено, что в особенном ходу именно кавказские анекдоты.

Из Москвы в Тифлис в одном купе едут Плевако и армянин или грузин. Плевако едет в Тифлис впервые, спрашивает соседа: «Большой ли город Тифлис?» – «Москву знаешь?» – «Знаю». – «Ну, так в десять раз больше». Плевако думает: «Ну и нахал же!» Снова спрашивает: «А река Кура большая?» – «Москву-реку знаешь? Так в десять раз больше». Плевако начинает волноваться: «А много ли

у вас в Тифлисе врут?» – «Адвоката Плевако знаешь? Ну, так в десять раз меньше». Плевако совсем выходит из себя: «А много ли у вас дураков?» – «Приедешь, один будешь».

Когда я читаю советские похвальбы о грандиозных достижениях чуть не во всех областях коммерческого строительства, вспоминается анекдот о том, что Кура «в десять раз больше» Москвы-реки.

Иностранная политика СССР

В России до войны говорили: «Хорошее начало – половина дела». В Америке говорят: «Хорошая организация – все дело».

Но создать хорошую организацию можно только при условии, если найдены и проведены верные, правильные принципы. Это одинаково и для экономики, и для политики.

– Принципиальная политика есть единственно верная политика, – неоднократно повторял Ленин.

В данном случае он совершенно прав. Поскольку принцип гласит: идите за массами, даже самыми темными, стесняться не надо, не надо останавливаться ни перед какими уничтожениями, разрушениями, истреблениями. Если массам нужно, пусть погибнет все. Конечная цель – Коммунистический интернационал. Значит, надо его создать и укреплять всеми силами. К сожалению, этой принципиальной последовательности у антикоммунистического мира не было.

Признание СССР

Маленькая Эстония де-юре признала Советский Союз 2 февраля 1920 года, заключив мирный договор. Великобритания – в начале февраля 1924 года. Голландия, Югославия и некоторые другие государства не признали СССР до сих пор. Как же этот разнобой мнений и решений отражался на положении большевиков? От этого Россия только выигрывала. Это легко доказать.

Изо дня в день советская печать твердила, что буржуазные государства ведут подкоп под страну пролетариата и крестьян всеми возможными способами, измором, бойкотом, непризнанием. Но стоило какому-нибудь государству признать СССР, как те же газеты в один голос ликующе объявляли, что вот еще и такая страна должна была склониться перед волей Советов, признать их, это новое достижение коммунизма.

Как это отразилось в душе советского гражданина, его политическом понимании?

Сначала народ, знавший только одни большевистские газеты, еще колебался, не верил их гордому ликованию, но с течением времени должен был убедиться, что Советский Союз очен силен, коль скоро такой властный по отношению к странам капиталистического мира. И когда после газетных кампаний, кричавших о все новых и новых признаниях, наконец склонились Англия, Франция и Италия, большевики стали просто издеваться: дескать, не очень-то сильна и почтенна «великая Антанта», наперегонки бегущая к СССР со своими признаниями, запоздалыми, но неизбежными.

Словом, длительность вопроса о признании СССР морально укрепила большевиков. Ленин оказался прозорливцем. Когда ему еще в самом начале советовали пойти на некоторые уступки, чтобы перекинуть мост в Европу, добиться признания, он спокойно и равнодушно отвечал: «Все придет само собой и без всяких уступок».

Я лично смотрел на это дело с совершенно другой точки зрения. Полагал, и думаю, что с этим согласится всякий: если Коммунистический интернационал направил свое острие в одинаковой степени против всех, если Европа поняла, что большевики укрепились надолго, какие основания их не признавать? Это надо было сделать всем сразу, тогда Советы уже не могли бы кичиться тем, что постепенно заставили прийти к признанию одно капиталистическое государство за другим. Сколько раз мне приходилось сражаться по этому поводу с моим

другом американским посланником в Риге мистером Ф. Колеманом. Я говорил ему:

– Если по принципиальным соображениям вы не признаете Советы и не станете признавать их в будущем, тут не может быть никаких возражений. Постановка вопроса правильна и тверда, логика последовательна. Но если через несколько лет вы признаете большевиков, хотя бы условно, вы совершите большую ошибку и своим признанием в будущем, и своим непризнанием в прошлом. Вы этой тактикой укрепляете моральные позиции СССР и ослабляете их у себя в мнении масс. А это в войне, пусть без винтовок и пушек, которую ведут большевики со всем внешним миром, чрезвычайно важно для них. Либо да, либо нет. Но и «да», и «нет» должны быть категоричны, тверды и потому сильны.

Мое убеждение было совершенно ясно, надо признать большевиков хотя бы условно и этим выбить из их рук орудие борьбы, лишить права кричать о своей силе и европейском бессилии. Надо было с самого начала немедленно послать в Москву своих представителей, совершенно отчетливо поставить все вопросы, политические и экономические, точно выяснить и сформулировать взаимоотношения и начать борьбу.

Конечно, я и мои коллеги в Москве старались подойти к вопросу о признании несколько иначе. В интервью советской прессе 5 февраля 1924 года я с умыслом подчеркнул, что признание Советов Англией является победой без побежденных, вопреки большевикам, провозглашавшим это признание как абсолютную победу.

Я подчеркнул: «Если правящая Коммунистическая партия СССР и руководители иностранной политики Союза захотят идти в достаточной мере навстречу так называемому здесь «буржуазному миру», притом считаясь не только с интересами СССР, но и других государств и граждан, независимо от государственного строя, я убежден, что наступит действительно новая эпоха в отношениях Союза с внешним миром и созидательная работа для СССР только разовьется».

В моей фразе о так называемом «буржуазном» мире слово «здесь» из интервью было нарочно пропущено, но эта мелочь, формальность коммунистического этикета, этот смешной пропуск одного слова, конечно, нисколько не изменил смысла сказанного. Я хотел подчеркнуть, что в этих отношениях все должны быть равны. Если СССР требует прав для своих учреждений экономического характера и людей, обслуживающих эти учреждения вне Союза, такими же правами должны быть наделены и все приезжающие в СССР иностранцы. Мысль была ясна. Спорить невозможно. Как аукнется, так и откликнется. Друг

другу надо платить честной монетой, рубль за рубль, и право одной стороны должно быть правом другой.

Потом мне стало известно, что некоторым лицам из НКИД, умеющим читать между строк, мое интервью сильно не понравилось. Советские журналисты часто обращались ко мне за интервью по тому или иному вопросу, и я говорил с ними совершенно откровенно. Поэтому интервью не всегда помещались в газетах, впоследствии журналисты и вовсе перестали обращаться ко мне.

СССР развивал усиленную антианглийскую пропаганду в Афганистане. В своем интервью афганский посланник Гулим-Наби Хан, между прочим, сказал: «Афганское правительство, несомненно, с особой радостью встретило весть о признании СССР. Наше правительство первым признало Советский Союз. В течение всего времени с момента признания афганское правительство стремилось наладить мирные отношения между Востоком и Западом. Однако именно неопределенность отношений между СССР и Англией в значительной степени препятствовала спокойной и мирной работе Афганистана».

Ту же мысль выразил и полномочный посланник Монголии Тушегундава: «Радость народов СССР по случаю признания Англией явилась также радостью и для монгольского народа. Это объясняется тем, что прочная дружба между СССР и Англией знаменует для Монголии возможность мирного развития».

Эти свидетельства, интервью официальных представителей Востока, показывают, как его все время будоражили, вулканизировали, подстрекали, посылая золото на пропаганду, подкупали, интриговали, разжигали внутреннюю междоусобицу и мешали мирной работе.

То же самое было и в Китае.

Европейские державы, вместо того чтобы проводить принципиальную политику, на самом деле, выражаясь словами Ленина, сказанными о Керенском, «стояли на месте и дрыгали ногами». Смутившись долговечностью большевизма, они признали СССР, однако без принципиального подхода. Они решили слегка укротить «зверя», но уже тогда, когда он уверенно и спокойно разлегся на большой дороге. На действия Японии европейские державы сознательно закрывали глаза, особенно в ту пору, когда в Китае начал орудовать Карахан. В результате такой политики так называемый «восточный жандарм» стал укрепляться, почувствовав свою безнаказанность и сделав из этого все напрашивающиеся сами собой выводы.

Вспоминаю разговор во время приема в японском посольстве в Москве с Караханом, только что приехавшим с Востока. Он рисовал пленительную для большевиков картину. В Китае коммунистическая победа – вопрос сегодняшнего или, самое позднее, завтрашнего дня. Японию и весь Запад ждут великие сюрпризы исключительной важности.

Я выслушал Карахана и задал ему вполне уместный, как теперь стало ясно, вопрос:

– А не думаете ли вы, Лев Михайлович, что, вулканизируя Китай, вы ослабляете позиции западных государств на Востоке, таким образом усиливаете, создаете и выращиваете восточного жандарма в лице Японии?

Карахан с моей постановкой вопроса, конечно, не мог согласиться.

Я подозревал, что он вообще был сторонником похода на Восток, чего, конечно, нельзя было сказать о Чичерине. И вот почему.

Кажется, в 1926 году, после подписания договора с Германией, Советы начали понимать, что игра в коммунизм на Западе, в частности в Германии, ими проиграна. Я только что приехал из Риги, развернул партийную советскую газету «Правда» и на первой полосе увидел портрет Чичерина во весь рост. В руках он держал буссоль, смотрел на стрелку и ехидно улыбался.

Подпись под портретом гласила: «Стрелка поворачивается на Восток».

В тот же вечер в Бетховенском зале Большого театра состоялся концерт для дипломатического корпуса, советских комиссаров и высших служащих. В антракте Чичерин подошел ко мне и, поздоровавшись, спросил, как всегда:

– Ну, что у вас, Карл Вильюмович, нового?

Он знал, что я только приехал из Риги.

Я вспомнил о его портрете в «Правде» с такой знаменательной подписью и полушутя спросил:

– Что же, Георгий Васильевич, «стрелка» повернулась на Восток. На Западе все спокойно?

Чичерин задумался и, кажется, польщенный моим вопросом, тихонько сказал:

– Да, но не я, другие повернули эту стрелку.

Ответ Чичерина подтвердил слух о том, что в восточном вопросе уже нет единой линии, единодушия, плана. Может быть, это разномыслие и явилось причиной того, что Карахан впал в немилость и был расстрелян вместе с Енукидзе и Штейгером как предатель. Но кто, логически рассуждающий, разбирающийся в событиях, мог и может поверить, что Карахан, ставший потом послом в Турции, продавал какие-то документы? Если бы он был столь корыстен, жаден до денег, он мог бы присвоить буквально миллионные суммы, отправлявшиеся на Восток ему как главному руководителю предстоявшего восстания. Подобные сомнения о виновности Карахана мне недавно высказал и американский посол в Турции Роберт Скиннер. Прощаясь в Анкаре с Караханом, Скиннер выразил надежду снова увидеться, но получил от Карахана весьма пессимистичный ответ:

– Мы уже больше не встретимся.

Если бы Карахан действительно занимался продажей каких-либо планов, чего ради он бы вернулся в Москву, отлично зная, что его ждет? Он мог попросту бы остаться за границей, как это сделали многие советские посланники. Вернее всего, Карахана обвинили в недальновидности и, чтобы оправдать свои восточные неудачи, свалили вину на него. Виновный найден, «преступление» сформулировано, конец известен – смертная казнь.

После этого, после «создания восточного жандарма», Сталину, конечно, ничего другого не оставалось, как прекратить политику вулканизации Востока и начать создавать сильную армию, единственное спасение Восточной Сибири, до самого Байкала, от японской агрессии.

Советская политика расширения союза трудящихся при помощи Коммунистического интернационала не только

потерпела полное фиаско на Востоке. Случилось худшее: Россия стала под угрозой с Востока. Черта вызвали, а прогнать не умеют.

Германия и СССР

Ленин, как можно легко предположить, еще имел кое-какое чувство к России, и в плане территориальной целостности, и в плане страны русских. Но Троцкий, Зиновьев и другие, конечно, были совсем далеки от таких чувств. Границы их совсем не интересовали. Этим только и можно объяснить Брест-Литовский договор 3 марта 1918 года, по которому Россия должна была потерять по крайней мере миллион квадратных километров с 63 миллионами жителей. На основании Версальского договора эти условия мира с немцами были аннулированы.

Правда, тогда еще в коммунистических сердцах теплилась вера в победу интернационального коммунизма. В таких условиях границы роли не играют. Важна была передышка, Брест-Литовский договор ее предоставлял.

В 1922 году Рапалло открыло новую страницу советско-германских отношений. Началась лихорадочная работа. Испытанный в политических боях, старый германский дипломат граф Брокдорф-Ранцау на мирной конференции отказался подписать Версальский акт и отправился в Москву с немаловажной целью – дать реванш союзникам. Немецкие специалисты, гражданские и военные, стали прибывать в СССР сотнями, чтобы поднять обескровленную и разрушенную Россию, максимально развивать русско-германские экономические отношения. Втайне Германия надеялась на гибель коммунизма, веря в торжество идей Бисмарка, то есть в крепкое объединение России с Германией. Конечно, руководящую роль в этом союзе Германия отводила себе. И наоборот, коммунисты-большевики верили в победу Коммунистического интернационала. Каждая сторона по-своему понимала конечную цель взаимного сотрудничества.

Началась политическая игра, и в ней опять проиграли большевики, хотя и были пущены в ход все средства и способы борьбы.

В течение каких-нибудь двух лет, прошедших со времен Рапалло, Германия почти совсем была подготовлена к перевороту, и находящийся в Риге полномочный представитель СССР Семен Иванович Аралов получил специальную командировку в Германию, чтобы изучить обстановку и все обстоятельства на случай вторжения туда советских войск. Разумеется, под большим секретом. Аралов объяснял свое долгое отсутствие болезнью, тем, что он вынужден лечить щеку у немецких профессоров, уверял, что эту болезнь никто другой понять не мог. Дело, конечно, не в

щеке. Аралов обладал хорошей способностью быстро ориентироваться в любой местности, и в этом отношении отличался еще во время Гражданской войны, будучи красноармейцем, несмотря на то что по образованию учитель и работал в колонии для малолетних преступников недалеко от Москвы.

В свою очередь, заместитель НКИД, теперь покойный Виктор Копи, в ведении которого находился прибалтийский отдел, начал, хотя и весьма осторожно, вести со мной неофициальные переговоры о возможности отправки русских войск в Германию через Латвию. Когда же я пресек все эти разговоры и Копи убедился, что его старания напрасны, он довольно цинично и совсем недвусмысленно заявил:

– Если вы будете то отворять, то затворять ваши двери, они могут выскочить из шарниров.

– Ну, тогда мы их заколотим, чтобы не могли выскочить, – парировал я.

На этом беседа завершилась, Копи больше не поднимал этот вопрос.

Столь горячо ожидаемого германского путча так и не случилось.

Евроазиатская железнодорожная конференция

Коммунистическая пропаганда тогда повсюду велась подпольно. Коммунизм продвигался тихой сапой. Работа в Германии оказалась напрасной. Нору рыли, но не прорыли. Ожидаемых результатов не получили. Приходилось работать уже не в потемках, а на свету, легальными средствами.

В декабре 1925 года была организована евроазиатская железнодорожная конференция. На банкете по этому случаю с политической речью выступил Литвинов. Заявил, что СССР – это единение Азии и Европы. Другими словами, подчеркнул, что в конечном итоге Европа и Азия могут объединиться только посредством и при помощи СССР и Коммунистический интернационал восторжествует. Говорил-то Литвинов, но суфлером выступало политбюро.

Сами делегаты Европы и Азии говорили мало, многие не владели русским языком совсем или владели плохо, потому попросили литовского министра Балтрушайтиса, от имени Литвы, и меня, от Латвии и Эстонии, говорить на банкете. Эстонский министр отсутствовал. Здесь нелишне привести сказанное мной, поскольку я на этом банкете впервые осудил экономическую политику СССР:

«Многоуважаемые представители Азии и Европы, приветствую вас как представитель Латвии, а также и от имени Эстонии, двух государств, которые успешно завершили работу конференции.

Железнодорожное сообщение имеет огромное значение для каждой страны, и недаром говорится: каково сообщение, таковы и отношения, такова страна, ее культурный уровень в широком смысле этого слова. Особенно пути сообщения имеют выдающееся значение в таких странах, как СССР с его громадными пространствами и длиннейшими расстояниями.

Не меньшее значение железные и другие дороги имеют и в международных отношениях.

XX век начался с великой мировой войны и разделил весь мир на враждебные лагери. Прерваны были многие пути сообщения, в том числе и железнодорожное сообщение между Востоком и Западом через Сибирь.

Некоторые страны во время войны и после нее, под влиянием враждебных настроений по отношению к своим соседям, усвоили ту экономическую политику, которая считает, что каждая страна

должна сама производить все нужное ей и обходиться без соседа, быть самодостаточной. Конечно, если бы так продолжалось долго и подобная экономическая политика последовательно проводилась, прогресс жизни и экономические отношения между народами были бы отброшены надолго назад, возможно, на целые столетия, и стремлению народов к мирному сосуществованию был бы нанесен сильнейший удар.

Но жизнь требует свое, диктует свои правила и не терпит искусственных преград на своем пути. Современная жизнь народов требует, чтобы экономическая жизнь строилась целесообразно не только в личных интересах, хотя бы это интересы и целого государства, но в интересах всего человечества, и чтобы каждая страна производила у себя то, что ей больше присуще по экономическим или другим условиям.

Если с этой точки зрения, единственно, по-моему, правильной, мы ставим вопросы в мировом масштабе и хотим подойти к экономическим отношениям между отдельными народами и их государствами, куда легче разрешится и проблема всеобщего мира и дружбы между ними. При такой постановке вопроса железные дороги и другие пути сообщения в международном смысле приобретают все большее и большее значение и начинают лидировать.

Прибалтийские страны, Эстония, Латвия и Литва, лежащие на пути великого прямого железнодорожного сообщения, где и в старину перекрещивались различные пути между Западом и Востоком, первые установили прямое сообщение с Союзом ССР. Тем самым они способствовали длиннейшему прямому железнодорожному пути в мире, который будет соединять Дальний Восток с Дальним Западом, осуществленный по инициативе СССР при содействии многих государств, представленных на этой конференции.

Так как здесь столь дружно объединяются в общей работе народы Запада и Востока, мне хочется сказать: я верю в дружбу между Востоком – Азией и Западом – Европой, а также СССР. Я верю, скоро потребуется не один поезд в неделю, и конечным пунктом этого движения будут не только Токио и Париж, но и многие другие центральные пункты Дальнего Востока и Западной Европы.

Пусть же вместе с пассажирами, которые сначала сотнями, а потом и тысячами, десятками тысяч больше будут двигаться по великому железнодорожному пути, движутся и лучшие мысли и стремления их народов и сами народы к мирному сосуществованию! Пусть этот великий железнодорожный путь послужит действительной основой сотрудничества

международного труда!»

Итак, в 1925 году, поняв, куда ведет советская экономическая политика, я начал уже открыто протестовать против нее. В конечном счете она вела к самоизоляции. Эта нездоровая политика ставила перед собой цели сеять вражду между народами и государствами. Моя речь явилась своего рода ответом на речь Литвинова и, разумеется, не понравилась большевикам. Она ослабляла коммунистические тенденции, гласящие о путях объединения Запада и Востока, вскрывала ложь громких фраз о взаимном дружеском сотрудничестве мысли и трудов человечества.

Русско-латвийский торговый договор

Как ни странно, наша работа в области экономических отношений с СССР увенчалась успехом. Мы заключили с ним торговый договор, в котором Советы отступили от своей демпинговой политики и обязались покупать на определенные суммы продукты латвийского производства, нашу естественную продукцию. Словом, в русско-латвийских экономических отношениях была окончательно ликвидирована политика демпинга, который СССР до этого проводил почти везде.

Не скрою, здесь нам очень помогла обострившаяся англо-русская политика. Но так как меня, несмотря на то что для Латвии был заключен выгодный торговой договор, начали осуждать, я, ради общего успокоения, дал пояснение в самой популярной латвийской газете Jaunakas Zinas. Там, между прочим, говорилось:

«После войны мир разделился на два фронта, коммунистический с главным центром в Москве и антикоммунистический с центрами по всей Европе и других частях света. Антикоммунистический мир, плохо ориентируясь в коммунистических возможностях, верил в скорое крушение главного коммунистического центра, а признание СССР рассматривал как очень полезный и важный шаг для будущей эксплуатации России. Тут начались своего рода бега на скорость или скачки с препятствиями. Развивалось даже соперничество, кто кого обгонит, первым придет к столбу. Надежды рухнули. Коммунизм не эволюционировал, не изменялся так, как на это надеялись.

Тогда участники бегов переориентировались, изменили планы и, следовательно, политику. Возникла и стала крепнуть мысль о прерывании всяких экономических отношений с СССР, как это уже сделала Англия. Спору нет, СССР плохо выполнял условия мирного договора, но из этого ничего не следовало в том смысле, что мирный договор был совсем не нужен, равно как торговый договор теряет всякий смысл, если нет определенных гарантий, обеспечивающих точное исполнение Советами принятых на себя обязательств. Если рассуждать так, никаких соглашений с СССР вообще быть не могло. Никогда еще ни один акт перемирия не обещал безоблачных времен.

Наш мирный договор был важен и логичен, как первый и притом краеугольный камень для будущего здания, попытка установить более или менее нормальные экономические отношения. «Более или менее». Это не означает идеально и

совершенно налаженной добрососедской жизни. Топтание на месте и ничегонеделание в данном случае самое худшее решение. Этим мы только помогли бы большевикам. Все же надо было еще оценить возможность сотрудничества с СССР при помощи определенных договоров. Таким и был русско-латвийский торговый договор.

Внешторг, монополия внешней торговли, всегда стремился к увеличению своих прав и уменьшению обязанностей. Большевики готовы покупать у вас, когда им захочется, а продавать всегда вам. Но русско-латвийский торговый договор устанавливал, уравновешивал регулярный товарообмен. И тут СССР должен был отказаться от своих притязаний, привилегий. Только недальновидные люди могут осуждать такой договор. Латвия смело шагнула вперед, а еще смелее шагнет назад, когда увидит, что договор таит в себе какие-нибудь иные цели. Но тогда никто, в том числе и «массы», не сможет сказать, что Латвия не сделала все возможное, чтобы установить нужное сотрудничество в СССР. Такое осознание всегда дает моральный перевес, а это весьма важно для каждого народа, желающего руководствоваться принципами чести, права и справедливости. С общей точки зрения русско-латвийский договор лишь ускоряет исторический процесс взаимоотношений СССР с внешним миром».

Я привожу все эти немногие соображения исключительно потому, что этот договор послужил козырем в общей экономической политике-игре, когда СССР после конфликта с Англией опасался дальнейших последствий. Подписывая договор, Советы демонстрировали готовность отказаться от демпинговой политики. Словом, имел гораздо более широкий смысл, чем казалось. Он стал поворотом всеобщего международного значения.

Между тем экономические повороты, имеющие чисто внутреннее значение, происходили не раз, и СССР то отходил от коммунизма, поворачиваясь лицом к капитализму, то опять возвращался. Это происходило в наиболее критические моменты и зачастую было непонятно даже самим комиссарам. Например, в 1923 году на закрытии Московской сельскохозяйственной выставки демонстрировали крестьянина Московской губернии, присудив ему звание «героя труда» за то, что он на небольшом участке земли создал хорошее доходное хозяйство с коровами, двумя лошадьми и всем необходимым инвентарем. Крестьянина просили подняться на трибуну и сказать, по случаю его торжества, несколько слов. В порыве чувств известная немецкая большевичка Клара Цеткин даже расцеловала его. Однако прошло всего два с половиной года, и я узнал, что этот крестьянин

отправлен в ссылку за кулацкое хозяйничанье. Когда на одном обеде у меня в Москве, где присутствовали советский посланник в Латвии Аралов, торговый представитель Шевцов, комиссар финансов Брюханов и другие, я рассказал об этом крестьянине, о его недавнем торжестве и спросил, чем объяснить его судьбу, все промолчали. Только представитель Сельсоюза, который тоже присутствовал на обеде, простой, но умный крестьянин-самородок, ответил, не стесняясь: «У нас иногда и с одной коровой объявляют кулаком. Это как товарищам вздумается». Такие зигзаги были в экономике и политике. Все время большевики шли не прямой дорогой, а прыжками из стороны в сторону, сегодняшний день отрицал вчерашний.

Отношение СССР к средней зоне Европы

Предвидения большевиков их обманули. Политические диагнозы СССР не оправдались ни в отношении Германии, ни в отношении Прибалтики. Ожидаемые путчи в Эстонии и Германии не случились. Постепенно возникли и стали крепнуть другого рода контакты между СССР и Германией.

Так, по поводу русско-японского договора появилось интервью германского посла графа Брокдорф-Ранцау, чрезвычайно поразившее меня и моих коллег. В этом интервью граф порадовался, что СССР возвращает потерянное в смысле прежних границ. По этому поводу финляндский посланник Хакелл посетил графа, но тот его якобы уверил, что не имел в виду Балтийские страны. Так это или нет, ясно было одно: СССР с одной стороны и Германия – с другой стараются ослабить Среднюю зону Европы от Ледовитого океана до Черного моря.

Однажды, во время какого-то приема я в откровенной беседе с Чичериным указывал ему на то, что СССР делает большую историческую ошибку, стремясь расколоть Среднюю зону Европы. В этом случае она слишком явно и охотно идет навстречу Германии, которая ненавидит Польшу и всегда тянула руки к Балтике. Чичерин оспаривал мои доводы и всецело обвинял Польшу.

Особенно ярко политика СССР проявилась по отношению к Средней зоне Европы в конце 1928 и в начале 1929 года. Тогда Чичерин уже не играл прежней роли, это было во время подготовки так называемого литвиновского протокола, который подписали СССР, Румыния, Польша, Эстония и Латвия.

Я проявил большую энергию, чтобы протокол со стороны Латвии был подписан совместно с другими, а не отдельно, как этого хотел СССР. Естественно, после этого меня стали преследовать, мои дни в Москве были сочтены. Но об этом дальше.

Здесь же я хочу сказать, что СССР под гипнозом Коммунистического интернационала, преследуя только свои специфические цели, не видел и не понимал, какую труднопоправимую ошибку совершает по отношению к Средней зоне Европы, сепарируя ее и, таким образом, работая на руку Германии. Германия всегда мечтала о Востоке как земле обетованной. Большевики лили воду на ее мельницу и расчищали путь для этого похода. СССР ослаблял Среднюю зону и, как свинья из крыловской басни, подрывал корни дуба, под которым мог бы теперь спокойно отдыхать и еще спокойнее поедать

японские желуди.

Также неумело СССР осуществлял политику Коминтерна и в других частях света, ослабляя демократические слои. СССР не мог похвастаться дальновидностью своей политики ни на Востоке, ни на Западе. В этом теперь сила Германии и Японии. Им он надавал козырей и теперь сидит без взяток.

Автономные республики СССР

Иностранная политика каждого государства сильна только тогда, когда политически сильна сама страна. Поэтому я совершенно искренне неоднократно говорил коммунистам, что «единственно правильная политика есть политика принципиальная», как утверждал Ленин, а вслед за ним Сталин.

Я доказывал, если Коммунистический интернационал не восторжествовал тотчас после мировой войны, после всеобщего мирового потрясения, он не может восторжествовать на основе одной лишь пропаганды. Поэтому я советовал (это мое глубокое убеждение и желание избавиться от пропаганды в Латвии, как и везде) оставить все страны в покое, прекратить пропаганду, заняться исключительно делами внутреннего устройства.

– Сумеете создать у себя жизнь лучше, чем за пределами СССР, и победа будет за вами. Мир сам повернет на коммунистическую дорогу. Не сумеете – должны будете повернуться лицом к демократизму.

В этом отношении принципы большевиков не были правильны, исходные точки, основные предпосылки ненадежны, и выводы из них делались непоследовательные. В результате все здание зашаталось.

Совершенно непонятной с точки зрения Интернационала была политика Советов и в отношении автономных республик. Царская Россия была разделена на области и губернии по историческим, географическим и административным признакам. Большевики, чтобы привлечь к себе массы, сразу образовали автономные республики по национальному признаку. Интернационал, отрицающий национализм, создавал национальные республики! А для того, чтобы получить право на полную независимость, нужны только границы и население. Так, большевики бросили сначала искру, потом сами раздули из нее пламя, идея независимости зажглась, потушить ее теперь трудно, может быть, и невозможно. Вот почему все это теперь так беспокоит Сталина. Он беспощадно расправляется со всяким, кто имеет хоть какое-нибудь, пусть самое отдаленное и косвенное, отношение к сепаратным идеям и мечтает о национальных автономных республиках. Они ему страшны потому, что СССР боится открытых военных действий.

Мне известно, что во время создания японцами Манджуко были опрошены все военные части, проверена их надежность на случай войны и всеобщей мобилизации. Ответы получились неудовлетворительные. Ошибки могут дорого обойтись. Нельзя

спохватываться поздно и исправлять, нужно строить так, чтобы ремонт не потребовался немедленно, нельзя вчера проложенные рельсы сегодня перекладывать заново.

Я мог бы привести много примеров, доказывающих непререкаемую истину о том, что «принципиальная политика есть единственно правильная», но только в том смысле, когда верны сами принципы. Если принцип ложен, вся политика, базирующаяся на нем, становится наиопаснейшим путем в пропасть.

Иностранной политикой СССР руководит политбюро, иначе говоря, Сталин, и никто другой. НКИД во всем своем составе, с одной стороны, и ГПУ – с другой, лишь исполнительные органы. Им предоставлено только осуществлять те или иные политические решения. А эта политика – война. Конечно, без обычных орудий, а с помощью новых способов и средств: децентрализации, дезорганизации, деморализации и дискредитирования. В результате такой войны ни одной коммунистической победы, полное поражение.

Отсюда и все эти безжалостные кровавые расправы со всеми, с дипломатами, высшими агентами ГПУ, военными атташе. Кто информировал не точно или не совсем точно, понял задание по-своему, исказил решение «высшей воли» – словом, сделал не то, что хотел и повелел «великий человек», тот обречен и приговорен. Виноват только он, ибо в силу своей «божественности» «великий человек» не может ошибаться.

НКИД[10] и ГПУ

Всем известно, что советское правительство неизменно и категорически заявляло, что русская коммунистическая партия и правительство ничего общего между собой не имеют. Это две различные области, едва ли не два различных мира. Партия – одно, правительство – другое, их нельзя смешивать. Правительство не отвечает за партию, партия – за правительство. На самом деле это одно и то же. Точнее, правительство – исполнительный орган партии, механизм в руках политбюро. Лучшее доказательство – сам Сталин.

Официально он всего лишь генеральный секретарь, однако имеет неограниченную власть над всеми правительственными комиссарами и органами. Теперь в этом наконец убедились все. Тут тоже прослеживается влияние принципиальной политики! На беду СССР, она построена на лживых принципах и доказала их полную несостоятельность. Даже не верится, что в продолжение десятка лет серьезные солидные люди, вершители судеб огромного русского народа, повторяют ложь о том, что советское правительство само по себе, а партия – сама по себе.

То же самое НКИД и ГПУ. Это один стан, две руки, одна другую мыла и моет, обе они пачкали и запачкали Россию. Общую согласную работу этих двух спевшихся учреждений я десятки раз испытывал на себе. Это неопровержимо подтверждают все факты. Можно привести много примеров, показывающих неопровержимо неразрывное сотрудничество НКИД и ГПУ. Ограничусь наихарактернейшими.

Шпионаж в посольствах

Случай, точнее, попытка вербовки дипломатического курьера, случившаяся тотчас после моего приезда в Москву, убедила меня в том, что все и вся здесь окружены шпионами. Собственно говоря, и шпионить-то было незачем, некого ловить. В Москву я приехал с лучшими намерениями развивать дружную взаимную работу, меня могли бы причислить к безвредным деятелям и, следовательно, представляемую мной страну. На самом деле «взаимное сотрудничество», как с друзьями, так и с недругами, приобрело совершенно неожиданную форму. Каждый иностранец, не говоря о посланниках, имел в соответствующем учреждении свой, так сказать, «текущий счет». В его досье тщательно записывалось все, включая даже незначительные мелочи личной жизни. Подробно исследовалась «натура человека», на основании этого делались заключения, как лучше подойти, какие использовать средства, как влезть в душу данного человека, перехитрить его и подсидеть.

Чтобы получить подобные сведения, надо было везде иметь надежных людей, прежде всего среди прислуги.

Я стал внимательно присматриваться к моим наемным служащим, подозревая в них некое «окружение». Надо сказать, часть прислуги была нанята на месте, в России, и казалась особенно ненадежной.

Однажды поздно ночью, когда уже почти все спали, я прохаживался по своим комнатам и вдруг неожиданно открыл дверь в коридор. За дверью притаился швейцар по фамилии Зиринь.

– Что вы тут делаете? – спросил я.

– Караулю, – растерялся он.

Утром выяснилось, что он должен был караулить сад, а не коридор. Я приказал установить за ним тщательное наблюдение, и дней через десять мы знали точно, что он агент ГПУ, и немедленно его рассчитали. Другой швейцар по фамилии Маркин тогда же рассказал, как его заставляют являться к агенту ГПУ, докладывать обо всем до самых незначительных мелочей, что происходит в посольстве. Кто бывает, о чем говорят, распределение часов посланника и прочее. Я оставил его у себя на службе с условием, что он будет и мне передавать все, о чем его спрашивают в ГПУ и что он рассказывает агенту о жизни посольства. Пришлось еще уволить истопника по той же самой причине: оказался агентом ГПУ, более того, агентом необычайно энергичным, ворвался ко мне и, сжав кулаки, пригрозил: «Я еще

вам покажу!»

Служба в иностранной миссии считалась хорошо оплачиваемой, и агентам ГПУ не хотелось лишаться теплого местечка. Конечно, так обстояло не только в латвийской миссии, в других посольствах и миссиях происходило то же самое. В одном восточном посольстве, общеизвестный факт, слугу, иначе говоря, домашнего шпиона, сначала наказали основательно по восточному обычаю и только тогда уволили. Вообще шпионаж, слежка за иностранными представителями были организованы широко и продуманно. ГПУ не довольствовалось только сведениями о том, что происходит внутри посольства, желая знать все и, главное, кто и когда посещает иностранные представительства. Но прислуга не в состоянии уследить за всем, кроме того, ее умышленно могут куда-нибудь отослать, поэтому ГПУ установило наблюдательные посты в домах напротив и на углу улицы, тщательно замаскированные. Скажем, у латвийской миссии стоял чистильщик сапог, взоры которого всегда были направлены на двери и ворота миссии. Иногда такие агенты являлись под видом посетителей, по делам, в качестве латвийских граждан. Внимательно прислушивались к разговорам, приметив кого-нибудь из посетителей, выходили, поджидали его и тут же задерживали. Недалеко от посольства еще дежурили служебные автомобили и мотоциклеты на случай, если намеченная жертва захочет ускользнуть.

Часто гнались за служащими миссии и посольств, когда те ехали в машинах, таким образом устанавливая, с кем они встречаются, кого посещают. Помню, польский посол Патек показал мне однажды через окно посольства, как машина и мотоциклет ГПУ ждут его выхода. Не раз об этом говорилось в дипломатических нотах и протестах, но всегда безрезультатно. Способы шпионажа только совершенствовались. Любопытно, с какой целью? Ответ прост: надо было получать сведения, знать, что происходит в иностранных представительствах, чтобы потом дискредитировать то или иное лицо. ГПУ шло дальше. Фабриковались вымышленные «дела» о контрабанде, шпионаже, несанкционированных советским правительством покупках, предосудительных отношениях и знакомствах.

Агент ГПУ в роли секретаря миссии

Приведу весьма характерный, хотя и непреложный факт. 15 сентября 1924 года курьер доложил, что меня хочет видеть по очень важному делу какой-то советский гражданин и он чрезвычайно взволнован. Я никогда не принадлежал к тем дипломатам и вообще официальным лицам, которые часто, ради пущей важности, не принимают простых смертных или заставляют их ждать часами. Потому просил швейцара провести ко мне взволнованного посетителя.

Мне представился гражданин Кащенко, квалифицированный рабочий в кожаной куртке, возбужденно рассказывая о своей беде:

– Я рабочий, но у меня довольно хорошая небольшая квартира. Есть и две хорошие картины. Вчера ваш секретарь Михельсон их купил для вас. Так он сказал. Денег у него при себе не было, и он предложил поехать в латвийскую миссию, отвезти картину и получить деньги.

Моя жена согласилась, с ней поехала и ее сестра Фениченко. С тех пор они бесследно исчезли.

Я тут же приказал привести Михельсона, показал его гражданину Кащенко:

– Это он купил картину?

– Нет, совсем другой.

– Другого у нас нет, это провокация.

Мне сразу стало ясно: это дело рук ГПУ. Это понял и Кащенко. Я его подробно расспросил обо всем. Оказалось, какой-то их дальний знакомый предложил ему продать обе картины секретарю латвийской миссии для самого посланника. Автомобиль, на котором приехал тот знакомый с мнимым секретарем, имел латвийский флажок. Кроме того, «секретарь» позвонил в миссию, словом, не могло быть никаких сомнений в том, что картины покупает латвийский посланник через Михельсона.

Я сразу понял, Кащенко явился необходимой жертвой, провоцировали и желали скомпрометировать меня. Воображение нарисовало всю картину советского суда, где в качестве обвиняемого фигурирует гражданин Кащенко по делу о незаконном сбыте картин. Но суровый во всех других случаях прокурор находит смягчающее вину обстоятельство в том, что наивного, доверчивого гражданина ввел в заблуждение латвийский посланник. Конечно, открылся бы широкий простор для резких выпадов против всего капиталистического строя и «подрывной работы», которую ведут буржуи в борьбе с

единственной в мире пролетарской страной СССР. Этот план был расстроен неосторожным и совсем непредвиденным шагом Кащенко. Провокаторы не ожидали, что он обратится в латвийскую миссию. Я был чрезвычайно рад, благодарен и очень сочувствовал ему.

Кащенко был энергичным и толковым рабочим, я его сердечно просил зайти ко мне еще раз, рассказать, чем закончилась вся эта история. Если же ему неудобно по каким-то причинам, пусть придет кто-то из его близких. 19 сентября ко мне явился гражданин Фениченко, отец обеих женщин, увезенных четыре дня назад. Он поведал:

– Когда мой зять Кащенко вернулся из латвийской миссии, мы бросились разыскивать нашего знакомого, посредничавшего при продаже картин. Мы забрали его силой и пригрозили расправиться самым решительным образом, если он не скажет, куда делись женщины с мнимым секретарем. Испугавшись, он рассказал, что они все четверо мирно ехали, вдруг автомобиль задержали милиционеры за якобы неправильную езду. Штраф – рубль, но «секретарь» запротестовал, отказался платить и приказал ехать в милицию. Когда мы подъехали к участку, оказалось, это ГПУ. Женщины страшно испугались, в растерянности одна из них сняла с пальца золотое кольцо и передала «секретарю». Автомобиль остался во дворе ГПУ, а меня отпустили.

Кащенко и Фениченко привели к следователю ГПУ. Пришлось прождать полтора часа, пока их допросили. «Посредника» следователь выпустил через другую дверь.

– От следователя мы узнали об аресте женщин, он отпустил только меня, старика. Кащенко тоже арестовали как сообщника незаконной продажи картин.

Я заявил НКИД энергичный протест. Тем не менее Кащенко и его жена были высланы из Москвы в административном порядке.

Такая атмосфера окружала нас все время, таковы условия, в которых приходилось работать, всегда чувствуя себя под надзором, в таинственном окружении. Ежедневно нужно было ждать подвоха, быть готовым к самым неожиданным провокационным выходкам, предвидеть западню. Так чувствовали себя мы, дипломатические представители. А каково ничем и никак не огражденным советским гражданам.

Кража «записной книжки» у Троцкого латвийским военным атташе

Провалившийся план лишь озлобил агентов ГПУ. Шантаж посланника провалился. Тогда агенты решили прибегнуть к еще более грубому приему. 4 октября 1924 года арестованный секретарь эстонского генерального консула в Ленинграде Росфельдт дал показание, напечатанное в советских газетах, о том, что латвийский военный атташе на приеме у военного комиссара Троцкого украл с письменного стола его записную книжку. Только позднее мы узнали уже из «дела» Бирка, что Ростфельдт – агент ГПУ.

Вскоре юные пионеры «школы Маркса» явились в латвийское посольство и потребовали, чтобы оно вернуло украденную книжку их почетному шефу Троцкому. Я сам вышел к ребятам, вступил с ними в беседу и с любопытством слушал, как они заученно отвечали на вопросы, как хорошо была отрепетирована вся эта сцена. Можно от души хохотать над этой безусой делегацией, ибо все это фантастично и глупо.

Тем не менее советская пресса раздула дело, якобы принимая его всерьез, а карикатурист Дени в «Известиях» № 222 поместил карикатуру, изображавшую латвийского военного атташе с моноклем, тащившего со стола записную книжку. Наверху стояло пояснение: «Латвийский военный атташе на приеме у наркомвоендела, пользуясь тем, что товарищ Троцкий отвернулся, стащил у него со стола записную книжку». Внизу подпись: «Дипломат за сверхурочной работой». Латвия тогда имела только одного военного представителя, теперешнего генерала латвийской армии Баха, который находился в Москве до 1922 года и ни разу не был принят Троцким, впрочем, как и никто другой из наших представителей. Абсурдность обвинения была так очевидна, вся эта история выглядела наивной бесцеремонной выдумкой, можно лишь удивляться, если бы к удивлению не примешивалось чувство брезгливости и отвращения. Цель этой примитивной мистификации ясна: показать русскому народу, что даже военный комиссар Троцкий открыто обворовывается «обнаглевшими буржуями». По этому случаю я даже не желал протестовать. Иронизируя, просил НКИД предложить комиссару Троцкому опровергнуть эту шантажную клевету, но, конечно, он этого не сделал. Вернее всего, ему и не сообщили о моем предложении, потому что и это совместная работа НКИД и ГПУ. Опровергать в данном случае означало уличать самих себя.

Но шантажировались не все государства, да и представители шантажировались не одинаково, разделившись на категории. В первую входили страны Средней зоны Европы, особенное внимание было обращено на Балтику, Польшу и Финляндию, а из восточных стран больше всего на Японию. Конечно, Англия тоже входила в эту первую группу. От шантажа были избавлены Китай и Ближний Восток. Уже из этого разделения внимательный наблюдатель мог понять, каковы планы иностранной политики СССР, на чем она строится, куда стремится, чего добивается, кого ловит и кого временно милует.

Эстонский посланник Бирк в роли «шпиона»

Если ГПУ часто шантажировало шумно, неумело, грубо, то «дело» Бирка можно назвать настоящим шедевром провокационного искусства.

Бирк был моим товарищем, я хорошо его знал и потому в его «шпионаж» никак не мог поверить. Всеми силами я старался выяснить действительную картину в деле, которое в 1926 году облетело весь мир и передавалось в самых различных вариациях. Мне хочется рассказать все, что я знал об этом деле по информации осведомленных людей, признанию самого Бирка и, наконец, материалам расследования и трех судебных процессов.

А. Бирк был первым эстонским министром иностранных дел. По образованию и профессии юрист, он всегда был очень осторожен, но, когда нужно, весьма решителен. При его участии был заключен первый мирный договор Эстонии с Россией еще тогда, когда с ней воевали все. Эстонское правительство назначило его своим посланником в Москву. Секретарем посольства был Джоди, у которого сложились хорошие, дружные отношения с одним чиновником из польского посольства в Москве. Польские власти были недовольны этим чиновником, отозвав его из Москвы. Это отразилось и на Джоди. От Бирка потребовали увольнения Джоди со службы. Бирк на это не согласился. Джоди остался. Против Бирка возникли недовольства. Произошел небольшой конфликт с военными властями.

Тут необходимо некоторое пояснение. В дипломатическом мире немало историй, когда посол или посланник, высшие представители страны, не всегда могли найти нужный контакт со своим военным атташе. Военные представители не зависят от министерства иностранных дел, им предоставлена значительная самостоятельность действий, потому они вершат свою политику, не всегда согласованную с общей. Отсюда несогласия между посланником и военным представителем и, следовательно, явные и тайные конфликты. Поэтому иные послы, например француз Эрбетт, принципиально не желали иметь военного представителя. Двойственность власти часто служила источником недоразумений. И это одна из причин, породивших «дело» Бирка.

Теперь остановимся на второй стадии этого «дела». Бирка вызывают в Эстонию и предлагают занять пост министра иностранных дел. Он соглашается. Однако, предвидя недолгое существование кабинета, дает согласие с тем условием, что за

ним остается должность посланника. Министром он пробыл весьма недолго. Кабинет вскоре сменился, и за это короткое время обострились его отношения в Эстонии.

Прошло некоторое время. Я собирался на два месяца в отпуск, который хотел провести в своей усадьбе Приекуле недалеко от Либавы. Перед самым моим отъездом из Москвы Бирк приехал ко мне еще раз, очень нервничал, говорил об интригах, хотя я ничего страшного не подметил. Между прочим, он сказал, что поедет куда-нибудь отдохнуть, минуя Эстонию, вернее всего на юг Европы. Мы дружески простились, ничего зловещего я не ожидал.

Прошла какая-нибудь неделя, я был уже у себя в Приекуле. Вдруг получаю телеграмму из Риги. Меня с семьей на следующий день, в воскресенье, собираются навестить советский посланник в Латвии Черных и торговый представитель Шевцов со своими женами. Мы были рады их приезду. Перед обедом мы прогуливались по берегу пруда, и тут мне принесли утренние газеты. На первых полосах, к моему крайнему изумлению, напечатано наисенсационнейшее известие: «Эстонский посланник – шпион» и т. д. Меня это взволновало до последней степени. Я громко, не сдерживаясь, сказал:

– Это черт знает какое безобразие! Я сейчас же выступлю в защиту Бирка.

Черных, испугавшись, ответил:

– Ради бога, не вмешивайтесь в это дело!

Я промолчал, но внутри у меня все перевернулось. Я догадался, что Черных и всей его компании все было известно заранее, по крайней мере днем раньше, а мне об этом не сообщили намеренно и, вероятнее всего, по этому делу и приехали ко мне, чтобы воздействовать соответствующим образом. Они хотели, чтобы я, друг Бирка, «не вмешивался». Прекрасно отдавая себе отчет во всех возможных последствиях таких действий, я тут же решил для себя, что поеду в Ригу вечерним поездом. На другой день, в понедельник, узнав, что я приезжаю, журналисты ожидали меня в министерстве иностранных дел. Я встретил их довольно сердито и сказал:

– То, что происходит сейчас вокруг посланника Бирка, напоминает бандитизм на Митавском шоссе.

Дело в том, что в то время на Митавском шоссе орудовали замаскированные разбойники, нападали на проезжающих, грабили и стреляли. Словом, настоящий бандитизм. Надо было видеть, как после этого все обрушились на меня как на защитника шпиона! Даже хотели освободить от должности посланника. Дело дошло до президента государства Чаксте, которому я сказал:

– Если нужно, я в любой момент готов покинуть пост, но я не в силах идти против своей совести, гражданского долга и молчать о деле Бирка, которого хотят уничтожить.

Президент всецело принял мою сторону:

– Вы поступили благородно, и пока я президент государства, вас никто не тронет. Спокойно работайте.

Тем не менее мое выступление в защиту Бирка сыграло свою роль, дело приобрело совершенно иной привкус, и я был удовлетворен. Правда, прочитав позднее объяснения Бирка в советских газетах, я был недоволен, хотя он свою статью заканчивал спокойно и твердо: «Совесть моя чиста, я глубоко убежден, что действую на благо своего народа». Мне не понравилось, как он публично подтверждал, что СССР окружен военным союзом под руководством Польши. Это было и неуместно, и неправильно, но так хотели большевики. Тогда я, конечно, не знал, что именно происходит с Бирком в СССР, давал он печатные объяснения по доброй воле или по принуждению.

Как выглядело это дело с точки зрения понимания Москвы и в ее толкованиях?

Коллеги встретили меня очень радушно и благодарили за то, что я выступил в защиту Бирка. В первый же день после приезда у меня побывали французский посол Жан Эрбетт и английский представитель сэр Роберт Ходсон. Оба живо интересовались делом, понимали его происхождение, отлично разбирались во всех вопросах, связанных с этой историей. Все, что произошло с Бирком, Роберт Ходсон возмущенно охарактеризовал словами: «Absolutely stupide»[11].

Да, действительно, настоящее умопомрачение. Как можно было забыть, что Бирк – посланник самой Эстонии. Чем хуже он, чем сильнее оклеветан, тем хуже для самой страны, в данном случае Эстонии. Но страсти разгорелись, и в этом пожаре даже министры перестали думать о последствиях.

В Москве, судя по многочисленным свидетельствам и рассказам самого Бирка, дело рисовалось так: «В 1924 году в числе подсудимых оказался арестованный перед тем по обвинению в шпионаже чиновник эстонского консульства в Петрограде Ростфельдт. Он, в частности, признался, что собирал материалы, которые в РСФСР подводят под статью о шпионаже с высшей мерой наказания, и оговорил еще несколько служащих консульства в Петрограде и Москве, в том числе и майора Мазера, военного атташе при посольстве. Бирк в своих нотах Наркоминделу горячо и резко протестовал против ареста Ростфельдта и требовал его освобождения до разбора дела и открытого признания Ростфельдтом своей вины в суде. Бирк

также считал необходимым, чтобы оговоренные были отозваны в Эстонию из соображений приличия и просто безопасности. В Эстонии же, в особенности в военных кругах, находили, что надо как-нибудь защитить майора Мазера, несмотря на оговор Ростфельдта, получившего вскоре после процесса место на советской службе и даже с командировкой за границу. Мазера, оговоренного Ростфельдтом, Бирк все же считал скомпрометированным уже тем, что он не распознал в Ростфельдте агента ЧК и ему доверял. По настоянию Бирка Мазер был отозван, таким образом, случился явный разлад между Бирком и военными кругами. Это назревало уже давно из-за расхождения во взглядах по поводу взаимоотношений между Эстонией и СССР. Бирк с самого начала придерживался той позиции и наставлял в том же духе подчиненных, что Эстония, ее представительство, как и все служащие консульства и посольства должны выказывать лояльность к СССР. Майор же Мазер придерживался иных убеждений, у него через известного чекиста Оперпута завязались связи с разоблаченной к тому времени чекистской организацией «Трест», тогда выставлявшей себя комплотом русских монархистов и снабжавшей Эстонию и еще 26 «пунктов» фальшивыми и устаревшими сведениями о внутреннем положении и военных приготовлениях СССР. Помощником Мазера был Роман Бирк, который настолько компрометирующе вел себя в среде служащих посольства, что А. Бирк настоял на его отставке, несмотря на крайнее недовольство Романа Бирка и его начальства. Отношения посланника и военных еще более обострились, впоследствии, уже во время процесса посланника Бирка в Эстонии, представители Генерального штаба также признали на суде, что Роман Бирк был агентом ГПУ уже во время его командировки в Москву, в помощь майору Мазеру. Посланник Бирк оказался здесь, правда, более прозорливым, чем военное начальство майора Мазера и Романа Бирка, тем больше оснований имело ГПУ точить против него оружие. У ГПУ было и больше шансов на успех, ему следовало только использовать эти обостренные отношения между посланником и военными кругами.

К этому вскоре прибавился новый, благоприятный для ГПУ момент. Когда Бирк осенью 1925 года в течение нескольких месяцев находился на посту (третий раз) министра иностранных дел Эстонии, он вычеркнул из сметы на 1926 год кредиты на содержание посольства Эстонии в США, несмотря на упорный протест тогдашнего посланника профессора Пийпа. Со сменой правительства перед Рождеством 1925 года Пийп стал преемником Бирка на посту министра иностранных дел. ГПУ

правильно учло и это обстоятельство, личные недоразумения двух министров. Оно через «Трест» Оперпута, Романа Бирка и других стало предоставлять эстонскому военному атташе подполковнику Курску, а через него Генеральному штабу Эстонии информацию о том, будто посланник Бирк изменник Эстонии. Бирк, уйдя с поста министра иностранных дел, вернулся посланником в Москву. Ему сразу стало ясно весьма своеобразное и оскорбительное к нему отношение министра иностранных дел. Прошло еще немного времени, и Бирку наконец было предложено уйти. Тогда в Эстонии кипела избирательная борьба партий, посланник Бирк был сильно расстроен отношением министерства и решил отдохнуть месяца два на юге Франции, отправившись туда южным морским путем по Черному и Средиземному морям. Он чувствовал, что лучше переждать, пока страсти улягутся, и тогда вернуться.

По пути он остановился на Украине у своего школьного товарища, возможно, тоже агента ГПУ, и там узнал, что против него развернулась мерзкая травля. Он решил переменить маршрут, ехать в Эстонию и для пущей предосторожности выбрал путь через Финляндию. Хотя его виза была в порядке, власти СССР на финляндской границе признали ее недействительной и не выпустили его, чему были свидетелями коммерческий атташе финляндского посольства в Москве барон Карпелан и другие лица.

Отделение Наркоминдела в Петрограде объяснило все недоразумением, но, когда Бирк вторично, на этот раз в сопровождении эстонского консула в Петрограде, поехал на границу, повторилась прежняя история. Но на этот раз Бирку не пришлось даже доехать до границы. На Финляндском вокзале Петрограда его, воспользовавшись минутной отлучкой сопровождающего, захватили агенты ГПУ, усадили в автомобиль и укатили за город. Потом, правда, вернули его в город и поместили на сутки в одной потайной чекистской квартире, куда на другой день явился сотрудник Наркоминдела, заведующий отделом Балтийских стран, впоследствии посланник СССР в Финляндии Логановский, который по обнаружении его чекистской работы не смог уехать в Финляндию и отправился на Ближний Восток. Он заявил задержанному Бирку:

– Хотя вы изрядно кричали на Финляндском вокзале, но понапрасну, никто не знает, что мы вас арестовали. Запомните: если за границей об этом узнают, то только из вашего сообщения, в таком случае с вами немедленно покончат. Вы должны понимать, вам неоткуда ждать защиты, ваши же соотечественники предали вас.

Это заявление соответствовало действительности, поскольку заведующий делами посольств при министерстве иностранных дел Эстонии перед этим заявил эстонской прессе, что после передачи посольства совершенно безразлично, где находится бывший посланник Бирк. Последнему приходилось, таким образом, считаться с этим неожиданным положением вещей и искать выход собственными силами и средствами.

В эстонской прессе его изобразили изменником, который добровольно остался в СССР, стране, которой он будто бы продал интересы Эстонии, а ГПУ, зная это, арестовало его и держало в своей власти. По словам Бирка, его держали под надзором сначала в доме под Петергофом, потом в имении Крекшино под Москвой, затем в окрестностях Батума, скотобойне городе Воронежа и, наконец, в какой-то комнате в Замоскворечье.

Строгий надзор иногда ослаблялся, по-видимому для проверки, не убежит ли узник. Мысль о побеге никогда не оставляла посланника, но он отлично понимал: в случае неудачи ему придет немедленный и неминуемый конец. Поэтому он высматривал, не представится ли более удачный случай, внешне держался так, чтобы не возбуждать подозрений. Случай представился в Москве в феврале 1927 года. Его выводили гулять темными вечерами сначала по льду водоотводного канала и Москвы-реки, а позднее по безлюдным побережьям Замоскворечья, всегда в сопровождении одного из трех вооруженных чекистов. В масленичную пятницу посланнику удалось, воспользовавшись соответствующим настроением сопровождавшего, добраться до другого конца Нескучного сада. Притворившись, будто у него неотложная нужда, он отошел от тропинки и провожатого, который закуривал папиросу у проходившего мимо гражданина. Улучив момент и сделав вид, что присел на корточки, узник бросился за отлог холмика, достиг Москвы-реки, перебежал ее и добрался до норвежского посольства, наиболее близкого к этому району. Его признал не только гостеприимный хозяин, но и несколько бывших коллег-посланников в Москве. Старшина дипломатического корпуса граф Брокдорф-Ранцау съездил в эстонское посольство, а Эстония отказывалась впустить Бирка к себе, и убедил принять бывшего посланника. В случае отказа дипломатический корпус гарантировал Бирку свободный выезд из СССР, а в случае надобности готов был снабдить денежными средствами.

Наконец, согласие на въезд в Эстонию было дано, Бирк отправился туда в сопровождении атташе эстонского посольства. На границе его арестовали в поезде, против него возбудили дело об измене и до суда все время держали в тюрьме.

Интересно отметить, когда в Эстонии появился, пусть и под арестом, посланник Бирк, оттуда тотчас бежал сотрудник майора Мазера Роман Бирк. Он занимался потом чем-то в Берлине, исчез оттуда в тот день, когда там по шпионажу арестовали двух дам с польскими фамилиями, впоследствии осужденных и расстрелянных. Роман Бирк перебрался в Копенгаген. Недавно рассказывали, он был в Париже, где явно жил на широкую ногу, не испытывая стеснения в денежных средствах.

В ноябре 1927 году после восьмимесячного заключения посланник Бирк предстал перед судом. Двери суда в течение девятидневного разбирательства почти все время оставались закрыты. В то время «Трест» был уже разоблачен как организация ГПУ. Раскрыл его Оперпут в мае того же года в Финляндии. «Трест» обещал представить неопровержимые доказательства вины Бирка с условием, что он будет осужден военно-полевым трибуналом. Ему вынесут смертный приговор и немедленно приведут в исполнение.

Приговор первой инстанции был оправдательным, подобно приговору второй инстанции.

Какого-либо возмещения за этот страшный моральный и очень крупный имущественный вред посланнику пока еще не дано. Но даже среди тех, кто был в свое время в Эстонии его противниками, окрепло убеждение, что с ним обошлись несправедливо, слишком легко доверившись ГПУ, которое ловко воспользовалось разномыслием и мелкой борьбой интересов. Арест же наглядно доказал, что факта измены, раздутого ГПУ, нет и не было в помине. Таким образом, был нанесен большой моральный вред и юному государству Эстония.

Покинутый всеми и оклеветанный перед миром, Бирк никакой опасности для СССР уже не представлял, его держали живым на всякий случай, чтобы в будущем использовать так или иначе. Ему чудом удалось спастись.

Дипломатический корпус отнесся совершенно иначе, чем многие граждане в самой Эстонии. Только в этом Бирк и мог черпать моральную силу, чтобы жить и работать в своей стране.

История Бирка чрезвычайно поучительна для каждого государства, особенно сейчас, когда пропадают, исчезают, расстреливаются десятки людей, с виду по непонятным причинам. То, что теперь дело Бирка расшифровано, раскрыто и выяснено, слава богу, снимает с молодого эстонского государства ту моральную тяжесть, которая в противном случае осталась бы на нем навсегда. Это был бы настоящий позор, если Бирк, первый министр иностранных дел и многолетний посланник в Москве, оказался бы шпионом. К счастью, этого не произошло.

«Дискредитация» явилась одним из способов борьбы за Коммунистический интернационал. «Борьба» эта должна быть интересна всем народам и государствам. «Дело» Бирка многое разъяснило и обнаружило для всех несомненность сотрудничества ГПУ и НКИД, а это могло бы оставаться в тени еще долгое время. Посланник Бирк оказал огромную услугу всему человечеству, невольно раскрыв тайные хитрые ходы и действия страшных сил, разрушающих устои морали, принципы чести не только у отдельного человека, но и посягающих на целые народы и государства.

Секретное письмо контрреволюционного отдела ОГПУ

Для пущей наглядности завидной редкой гармонии, существовавшей между ГПУ и НКИД, их общих целей, приведу точную копию чрезвычайно интересного документа. Речь идет о секретном письме от контрреволюционного отдела ОГПУ, особого и самого важного отдела политического управления. Заказное письмо № 218-с от 11 января 1926 года было отправлено по почте и ошибочно доставлено в мои руки.

«Многоуважаемый товарищ, в ответ на ваше письмо № 678 от 25.XII.25 и в дополнение моих устных с вами переговоров сообщаю, арестованный и осужденный нами в ссылку гражданин К. является для нас чрезвычайно опасным человеком по следующим причинам. До своего ареста он довольно продолжительное время состоял сотрудником консульства в Омске и миссии в Москве. Последнее обстоятельство по увольнении К. из миссии толкнуло нас на решение использовать его как средство для установления связи с одним из ответственных работников миссии.

В короткий период проведенная нами работа в указанной плоскости дала положительные результаты, но в то же время создала положение, при котором дальнейшее последовательное использование приобретенного нами работника в нужной нам степени стало перед опасением полного его расконспирирования, так как гражданин К., будучи посредником первого знакомства, знал и о характере дальнейшей нашей связи с ним, благодаря чему мог в любой момент поставить нас и нашу работу в невыгодную для нас обстановку. Выходя из создавшегося положения, с одной стороны, и, с другой, идя навстречу требованиям приобретенного ценного работника, мы были вынуждены арестовать гражданина К. и, инкриминируя ему соответствующее преступление, приговорить к ссылке и тем самым избавиться от лишнего свидетеля.

Спустя некоторое время создалось и другое положение, мы стали замечать, что к «нашему человеку» в миссии почему-то стали относиться с некоторым недоверием. Предполагая, что это дело рук К., мы вынуждены были сделать через Наркоминдел отвод «нашему человеку», дабы таким маневром замаскировать его сотрудничество с нами в глазах правительства и тем самым продолжать налаженную связь.

В данное время указанный человек находится не у дел, но у

нас имеются неоспоримые данные на его скорую реабилитацию и возвращение в Москву. Вот основные причины, исходя из которых мы ни в коем случае не могли удовлетворить вашу просьбу о включении К. в списки обменяемых на просимого вами товарища, тем более в первую очередь, ибо выдача К. при неустойчивом положении «нашего человека» могла лишь помешать намеченному нами плану и усугубить его личное благополучие. По приезде же «нашего человека» в Москву, мы полагаем, если это будет необходимо, за оказанную нам ценную услугу, оставить его совсем в СССР, и только тогда ваша просьба будет удовлетворена, при условии, если правительство захочет получить от нас по обмену гражданина К. Последующий обмен должен состояться в ближайшее время.

С коммунистическим приветом

Начальник 2-го отделения КРО ОГПУ (подпись),

11.1.26 № 218-С».

Часа через два после получения этого письма ко мне явился почтальон и умолял возвратить ему его, искренне уверяя, что ему грозит чуть ли не смертная казнь. По простоте души он, очевидно, не подозревал, что письмо уже было вскрыто, прочтено и, ввиду важности документа, скопировано.

Когда с письмом ознакомился посланник соответствующей страны, он признал, что все в нем совершенно неоспоримо, и ссылка гражданина К., и отвод «нашего человека» НКИД, к которому правительство стало относиться уже с недоверием. Не было никакого сомнения, что это письмо написано в контрреволюционном отделе ОГПУ. На конверте стояла эта надпись, в ней точно был обозначен отправитель и, конечно, никто другой, как и никакое другое учреждение, не посмел бы самозванствовать и обозначать фиктивного отправителя. И теперь, спустя двенадцать лет, когда я читаю о разных процессах в СССР и не успеваю считать, сколько там погибает людей, я всякий раз вспоминаю советского гражданина К., которому инкриминировались соответствующие «преступления», чтобы «избавиться от лишнего свидетеля». Невольно напрашивается вопрос: что же такое, наконец, Коммунистический интернационал, во имя которого все это проделывается? И тут ответ один: это величайшее преступление в мире.

Вербовка дипломатов на службу ГПУ

Я совсем не хочу делать поспешных заключений. Можно было бы привести множество примеров в доказательство моей мысли, но ограничусь случаем, о котором мне лично рассказал один иностранный представитель в Москве. Не называю страны, от представителя которой я получил эти сведения, только потому, что рассказанный случай не получил огласки. Произошло это в 1928 году. Мой коллега, в частности, рассказал:

– Вопреки моему желанию, ко мне в качестве секретаря прислали явно несоответствующее лицо. Этот секретарь много пил, был неразборчив в отношениях с женщинами, отличался слабоволием, несдержанностью, особенно в нетрезвом виде, всегда оказывался в долгах, словом, мог служить где угодно, только не в дипломатических учреждениях. Все же я согласился принять его к себе с условием, что сам министр иностранных дел берет на себя всю ответственность за этого секретаря. Министр согласился. Секретаря выдвигали влиятельные лица. Зная цену этому человеку, я установил за ним самое тщательное наблюдение. Следил и сам.

Прошло немного времени, и я застал его за странным телефонным разговором. Кто-то просил его прийти на свидание по важному делу. Я знал: телефонные разговоры иностранных представителей подслушиваются, и потому сделал выговор секретарю, напомнив ему, что о всяких свиданиях говорить по телефону неосторожно.

Секретарь выслушал меня и все же отправился на встречу. Оказалось, это происходило уже не впервые. Через несколько часов он вернулся в нетрезвом виде.

Я позвал его и заставил рассказать все до мелочей. Растерянный, под моим давлением и напором, он поведал обо всем: «Перед моим отъездом в Москву знакомые дали мне адрес надежного человека, бывшего царского офицера. Я стал с ним встречаться и проводить за рюмкой водки час-другой в ресторанах. Сегодня он мне неожиданно сделал ужасное предложение. Передам его вкратце. «Вы, – предложил мне бывший офицер, – как умный человек, должны понять, очень скоро государства Средней Европы исчезнут одно за другим, побежденные силой СССР. Поэтому умен тот, кто заблаговременно перейдет к нам, большевикам, на службу». Чтобы подбодрить секретаря, бывший офицер упомянул, что даже некоторые иностранные министры состоят на службе в объединенных учреждениях НКИД и ГПУ, никто об этом не знает.

Более того, он обещал мне и более успешное продвижение по дипломатической службе, рисовал всякие будущие блага. Нарисовав «положительную», соблазнительную сторону дела, предостерегающе указал и на риск в том случае, если я не соглашусь на его предложение. Иначе говоря, через НКИД и других агентов, даже через прессу и иными путями и средствами до общего сведения будет доведено, причем, конечно, в преувеличенном виде, обо всех его поступках и пороках. Например, в нетрезвом виде поколотил извозчика, где-то упал на колени перед женщиной и целовал ее ноги, опрокинул столик в ресторане и устроил скандал, скрыл весьма важное дело от собственного правительства перед приездом в СССР и т. д.

Всего этого было, конечно, достаточно, чтобы дипломатическая служба секретаря, если он непослушен, оборвалась навсегда. Конечно, деморализованный таким образом, человек легко может стать верным слугой своего грозного соблазнителя. Важно только его завербовать, потом уж все пойдет гладко. «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Напрасно и наивно думать, что такие вербовки безрезультатны. Напротив, часто удаются, ибо только этим и можно объяснить совершенно наглый и открытый подход к делу. Это простейший механизм вербовки. Там не заманивают, а захватывают. Это не сети, а аркан.

Контрабандные процессы

Поскольку это допускалось по отношению к высшим служащим, само собой разумеется, с низшими вообще не церемонились, делали что хотели. Сколько было контрабандных процессов, не счесть! Например, русский гражданин, хороший знакомый иностранца, просит его привезти какую-нибудь вещь из-за границы, в момент передачи, хотя свидание происходит совершенно секретно, агент ГПУ уже тут как тут, и контрабандный процесс готов. Случалось и так, «знакомый» из России пишет другу, находящемуся за границей, умоляя помочь, прислать с оказией что-нибудь. Та же история, контрабандный процесс.

Доходило и до курьезов. Служащий одного посольства, одолеваемый просьбами купить за границей советскому гражданину лезвия для безопасной бритвы, приобрел их на московской толкучке и, когда передавал их, был задержан агентами ГПУ. На толкучке он купил намеренно, подозревая «знакомого» в желании подкузьмить, спровоцировать и передать в руки чекистов. Получился большой конфуз. Конечно, здесь важно не уличить в нарушении декрета, а завербовать нового агента, шантажируя, деморализуя, дискредитируя его, загнав в свой загон.

Больше всего от этого страдали иностранные коммерсанты. Все они так или иначе состояли на службе ГПУ, если хотели, чтобы их дела шли успешно. Я лично знал коммерсанта, латвийского гражданина Т., который должен был еженедельно являться в ГПУ с докладом. Правда, он информировал и меня. Неожиданно он женился на красивой «жене» секретаря одного весьма важного комиссара, близкого, конечно, к сферам ГПУ, и я уже больше не верил его «информации».

Последствия подтвердили это, и «коммерсант», уже в Риге, стал снабжать моих политических противников совершенно абсурдными выдумками. Цель прежняя – дискредитировать меня, как это хотелось ГПУ и НКИД. Делал он это, конечно, ради своих коммерческих интересов, желая получить лицензию на ввоз запрещенных в СССР товаров, хотя, возможно, и поневоле, уже завербованным агентом ГПУ, находящимся под внушительной угрозой. Такие люди иногда подвергались аресту, и, вообще, их можно причислить к самым несчастным существам. Очутившись в руках ГПУ, они становились его гончей собакой, охотились за другими, постепенно теряли последние остатки морали, утрачивали человеческий облик и, дискредитируя других,

дискредитировали себя.

Женщины на службе ГПУ

Большие услуги ГПУ оказывали женщины. Как правило, все они заводили знакомство с иностранцами, неизменно и всегда состояли на учете в ГПУ и всячески им использовались. Неудивительно, что и на браки с советскими женщинами, хотя бы и бывшими аристократками, смотрели подозрительно. Например, жена одного посла мне лично говорила, что не может пригласить к себе на вечер служащего, должностное лицо вместе с женой потому, что она «советская жена».

Правда, женщины и без браков великолепно справлялись с заданиями. Мне точно известно, как один молодой атташе, навестив поздно вечером своих знакомых барышень, должен был у них пробыть чрезвычайно долго, ибо чуть ли не у него на глазах пропала вдруг часть его одежды, без которой выйти на улицу было совершенно немыслимо. Кроме того, пропал ключ от несгораемого шкафа, где хранились шифры. Злополучная одежда и ключ, конечно, нашлись, но, очевидно, когда все нужное было уже сделано. Атташе, как честный человек и верный чиновник, откровенно рассказал все своему шефу, однако должен был немедленно покинуть Москву. Увы, не все имели гражданское мужество признавать свои промахи.

Уже покинув Москву, я узнал, как служащий одного консульства в Ленинграде, влюбленный в танцовщицу, стал предателем своих же граждан. Дело было организовано так, что он по горячей просьбе своей возлюбленной вез ей чемодан дамских чулок, которых тогда совсем не было в Петрограде. В момент передачи чемодана танцовщице из другой комнаты вышли агенты ГПУ и составили протокол о контрабанде. Чтобы избежать скандала и не лишиться места, чиновник был готов на любой компромисс. Вместе с другой женщиной, которая эту историю раскрыла, он был приглашен в ГПУ. Там, очевидно, поладили миром, и дело ликвидировали. Вслед за этим произошли аресты многих иностранцев, так или иначе связанных с этим господином. Причины арестов ясны и бесспорны: плата поклонника танцовщицы за ликвидацию его дела о контрабанде.

Если в «деле» Бирка женщина играла некую роль, то в «деле» японского военного атташе сыграла роль уже роковую, привела его к самоубийству. В Москве прекрасно знали, что в советских газетах не может появиться ни единой строки об иностранных представительствах без ведома НКИД. Поэтому все дипломаты были крайне удивлены, когда однажды прочли в «Вечерней Москве» о скандале с японским военным атташе на квартире его

машинистки, где с шумом ломалась и выбрасывалась в окно квартиры мебель. Рассказывали, машинистка, покорившая сердце атташе, устроила у себя вечер с участием агентов ГПУ, которые спровоцировали дебош. Вскоре все иностранные представительства молниеносно облетела страшная весть: японский военный атташе покончил с собой, сделав харакири. На всех это подействовало угнетающе. Труп его сожгли в московском крематории со всеми полагающимися по японскому ритуалу церемониями. На похоронах присутствовал весь дипломатический корпус. Смерть японского атташе стала реваншем, публичной расплатой чекистов за подстроенный позор. Морально японец победил ГПУ и нкид, которые хотели дискредитировать в глазах мира и его самого, и его страну.

Чтобы создать систематическую организацию для ловли иностранцев на женские чары, придумали даже специальную должность посредника между иностранцами и художественным миром Москвы. Эти обязанности выполнял бывший барон Борис Сергеевич Штейгер, теперь уже расстрелянный. Его главной заботой стало сближение иностранцев с актрисами и танцовщицами. В распоряжении Штейгера находились все балерины, он свободно распоряжался ими. Внимательно следил, какая из них нравится тому или иному иностранцу, и, когда было нужно, видя, что иностранец стесняется, шутя и откровенно говорил ему: «Ну что вы, любая из них может быть в вашем распоряжении». Да, все знаменитые и незнаменитые балерины, певицы, молодые актрисы часто становились в руках ГПУ «рабынями веселья».

Расстрелы

Дипломатический корпус, конечно, знал о роли Штейгера, но строго его не осуждал, наоборот, жалел, как жертву ГПУ. Он рассказывал моему коллеге трагедию своей жизни. Сын известного в Южной России помещика барона Штейгера, обрусевшего немца, прежде Штейгер служил в гвардии. В дни революции, как антибольшевик, был приговорен к смертной казни. Его уже повели на расстрел, но указали выход и спасение: службу в ГПУ. Молодой Штейгер очутился между двумя безднами. Согласился оказывать услуги чекистам. Трудно осуждать человека за такой компромисс, когда его безнадежно и безжалостно окружила гробовая жуть! Бывают такие положения, при которых никто не смеет бросить камень даже в кругом виноватого человека. И когда я прочел в газетах, что Штейгер расстрелян ГПУ вместе с Караханом и Енукидзе, мне его как-то особенно стало жаль, жертву, которую ГПУ сначала деморализовало, потом уничтожило, возможно, как лишнего свидетеля.

Штейгера обвинили в сношениях с иностранцами, забыв, что десять лет назад обязали поддерживать эту связь. Он исполнял только навязанные ему обязанности, и, должно быть, хорошо исполнял, потому что его положение постоянно крепло.

Расстрелян был и Енукидзе, вечный секретарь Совнаркома, добродушный по природе человек, известный тем, что к нему и через него обращались с просьбами о помиловании. Он был отзывчив и помогал где и как мог.

Та же участь постигла Пятакова, с которым я когда-то в Кремле дружески беседовал, сидя за одним столом. Он мне казался честным и бескорыстным советским тружеником, типично русским человеком и патриотом. Так там расстреливали и расстреливают без счета и смысла, забывая услуги, оказанные этими несчастными людьми, не принимая в соображение никаких доводов, не испытывая ни жалости, ни благодарности.

Вспоминается заседание в начале революции, о котором мне рассказывали как о действительном факте, который скорее похож на анекдот. За общим столом собрались ответственные представители, вершители судеб русского народа. Обсуждался наиважнейший вопрос о революционной программе, тактике, методах управления и т. д. Среди прочих присутствовал и один армянин, который долго слушал прения, а потом вдруг не выдержал, вскочил и с кавказским акцентом воскликнул: «Какой програм? Какой тактик? Бери кинжал, иди и режь!» Совет этого

действительного или анекдотического армянина, по-видимому, пришелся по вкусу советским вождям: там резали и режут по сей день, спустя двадцать лет после начала революции.

Говоря о расстрелах, не могу не вспомнить очень известного в России и за границей железнодорожного деятеля фон Мекка, расстрелянного за вредительство вместе с двумя тоже хорошо известными в России железнодорожниками. Совершенно невозможно предположить, чтобы фон Мекк, которому шел седьмой десяток, преданный всей душой железнодорожному делу, мог оказаться «вредителем». Напомню, имя фон Мекк связано не только с этой огромной отраслью государственного хозяйства, железнодорожными вопросами. Надежда Филаретовна фон Мекк долгие годы субсидировала гениального русского композитора П.И. Чайковского.

На основании русско-латвийского мирного договора фон Мекк имел право на латвийское подданство, был занесен в список наших оптантов. Приближался последний срок оптации, и ко мне впервые явился фон Мекк со своей женой. Я увидел почтенного господина высокого роста, умудренного житейским опытом.

В долгой беседе он рассказал мне все, как священнику на исповеди. Оказалось, его арестовывали чуть ли не двенадцать раз, всячески придирались, искали хотя бы малейший повод для обвинения, ничего не находили, выпускали, снова арестовывали, допрашивали, вновь освобождали. Естественно, фон Мекк имел все основания полагать, что его больше уже не будут тревожить, как аполитичного старика, и позволят целиком посвятить последние дни любимому делу, оценив его как большого специалиста.

Перебраться в Латвию он был не прочь, но смущало, что у нас мало железных дорог, нет простора для его широкой работы, и он, возможно, пожалеет об отъезде. С этими доводами и соображениями я не мог не согласиться. Сказал, что на его месте, пожалуй, поступил бы так же. Он и его жена поблагодарили меня от всей души за внимательное участие к их судьбе. От оптации Мекк отказался и вышел из посольства как советский гражданин, потерявший право на латвийское гражданство. Меньше чем через год стало известно, что он расстрелян. Я пребывал в непоколебимой уверенности, что погиб совершенно невинный человек, притом весьма нужный самим большевикам. Вот почему и последующие расстрелы самих большевиков не рассматриваю как наказания за преступления.

Чтобы получить более полную картину всех этих дел, этой смертоносной практики, следует разобраться в работе ГПУ и НКИД за границей.

Порой, кажется, советское представительство в том или ином государстве является скорее органом ГПУ, чем НКИД. Часто в заграничных учреждениях ГПУ более важная и ответственная отрасль, чем НКИД. Заграничная армия агентов ГПУ во много раз больше, чем количество официальных дипломатических представителей, вместе взятых. Наивно полагать, что агенты занимаются только шпионажем. Против этого все государства могут и умеют бороться и защищаться.

Одно из важных заданий агентов – дискредитировать, деморализовать и децентрализировать. Для этого они обязаны использовать разногласия политических партий, искусственно создавать столкновения и обострения. При помощи женщин агентам удается бросить тень на нежелательных лиц, дискредитировать их, убирать с постов. Эта хитрая тактика проводится ими легко и ловко.

Приведу трагический пример.

В Латвии жил талантливый, опытный генерал Радзинь, заслуженно считавшийся большим военным авторитетом. Он окончил в Петрограде Академию Генерального штаба с золотой медалью и был начальником штаба в Новогеоргиевске во время мировой войны. Это признавалось и в Латвии, и за ее пределами. Однако Радзинь очень не нравился большевикам. Надо было найти к нему подход, что и произошло. Агенты понимали, что шпионов боятся все. Некто Ланге, большевистский агент, сотрудник советского посольства в Латвии, установил связи с хозяйкой пансиона, где летом проживал Радзинь. Конечно, к нему самому приблизиться было невозможно, да это было и не нужно. Цель иная.

Этот Ланге, сотрудник советского посольства, скоро был пойман, обвинен в шпионаже, как и хозяйка пансиона Биндже. Правда, все это было организовано чрезвычайно глупо, никаких сведений от генерала они не получали и не могли получить. Но важно было бросить тень на этого незапятнанного авторитетного человека. Ланге устроили «провал» с единственной целью – показать, что генерал Радзинь связан со шпионами. Большевики не без основания полагали, что тем самым они морально уничтожают Радзиня, поскольку дальнейший ход событий будет завершен политическими партиями, сплетнями, счетами, печатью и т. д. Действительно, началась травля генерала, создалось много неприятностей. Радзинь с горя начал пить и безвременно погиб. Все прошло, как планировали большевики.

А в это самое время в Москве театр Корша ставил пьесу, дискредитирующую в глазах советских граждан весь капиталистический мир. Пьеса называлась «Карьера министра».

Ее герой оказывался бандитом, взломщиком, но благодаря всеобщему моральному упадку получил пост министра и, конечно, стал действовать как настоящий бандит.

Особенно сильное желание у советских агентов было дискредитировать меня, но об этом я расскажу дальше.

Советский суд

Недавно, во время судебного процесса над Рыковым, Крестинским, Раковским, Бухариным, Ягодой и др., я вспомнил, как в Ленинграде 20 и 21 февраля 1929 года судился латвийский гражданин, теперь уже покойный, Волфман, директор ленинградского тигельного завода К.П. Моргана. Когда-то он был народным учителем. Преследуемый в Латвии, он попал на английский завод и через несколько лет стал его директором. Энергичный, честный человек из народа, он геройски, в полном смысле слова, охранял завод от большевиков, там продолжались работы. Конечно, советские власти хотели во что бы то ни стало закрыть завод и закрыли. Поскольку он принадлежал англичанам, необходимо было инсценировать преступную деятельность главного распорядителя. Поэтому Волфмана предали суду. С этим делом я был хорошо ознакомлен и лично отправился на суд в Ленинграде, попросив французского посла и других прислать на это судьбище своих представителей. Интерес к этому делу я хотел сделать более общим. Волфман обвинялся во вредительстве, в том, что он дал советскому инженеру Брилкину взятку в 1500 рублей. Волфман это отрицал. В деле не было никаких доказательств, кроме голословного утверждения самого Брилкина, а так как тот тоже судился, именно за взятки, он сам же себя и оговаривал. 20 февраля я просидел на суде с 10 утра до 8 вечера, а 21 февраля – с 11 утра до 7 вечера. Я не хотел пропустить ни одного момента, хотел все видеть и слышать и для этого занял место в первом ряду. Это, конечно, подбадривало подсудимого. Он стоял на своем. Наконец судья убедился, что обвинение рассыпается. Казалось бы, сама логика подсказывала, что надо вынести оправдательный приговор. Судья прервал процесс и ушел на совещание. Через какой-нибудь час он вошел и объявил: «Так как на суде выяснилось, что Волфмана занимался шпионажем, суд постановил произвести дополнительное дознание и гражданина Волфмана оставить в заключении».

Я был так возмущен этим совершенно неожиданным и диким поворотом дела, что тут же немедленно подошел к представителю НКИД и сказал буквально следующее:

– Я приехал в Ленинград на три дня, чтобы осмотреть город, произвести контроль в консульстве и, между прочим, побывать на процессе Волфмана. Но я возмущен ведением дела и хочу выразить протест, прежде всего тем, что немедленно покидаю Ленинград, о чем прошу довести до сведения НКИД.

Так как Волфмана я знал очень хорошо и он от меня ничего

не скрывал, могу решительно утверждать и заверить, что никогда он не был причастен ни к какому шпионажу. В конце концов Волфмана освободили под влиянием весьма энергичных действий латвийского правительства и официального вмешательства английского представительства. Его выпустили на свободу, но сочиненное большевиками дело не прошло для него бесследно. Он стал издерганным, нервным, больным и преждевременно трагически погиб.

Вредительства

ГПУ занималось и делами о «вредительствах» в СССР. Этих дел тысячи. Советские суды не успевают с ними справляться. Людей расстреливают, тюрьмы переполнены, и эти обреченные оказываются непременно «вредителями». Суд оглашает удивительные факты, «вредители» сознаются, но никак нельзя поверить, что злоумышленники-троцкисты могут организовывать порой при участии самых простых рабочих в таком масштабе всероссийское вредительство.

В чем же дело? Кто настоящий виновник «вредительств»?

Я могу привести много примеров из обыденной советской жизни, свидетельствующих совсем о другом. Ограничусь только теми, которые я мог наблюдать лично.

В начале 1926 года в один из праздничных дней наступила оттепель, и через крыши особняка, где помещалось наше посольство, в передней и моем рабочем кабинете с потолков художественной отделки начала просачиваться вода. Я забил тревогу. Немедленно позвонили в «бюробин», то есть бюро по обслуживанию иностранцев. Мы просили прислать рабочих для очистки снега и исправления крыши. Ответ получили отрицательный и даже злобный: «В праздник не работают, и нечего людей беспокоить».

Вода протекала все больше и больше, и дня через два, когда наконец пришли мастера, весь потолок оказался совершенно мокрым. Сверху кое-как заделали, внутри же вся сырость осталась. В результате художественная штукатурка и орнаменты стали откалываться, угрожая жизни, и мне пришлось покинуть кабинет и входить в миссию через другие двери.

Начался ремонт, продолжался долго, чуть ли не четыре месяца. Я сполна мог наблюдать советскую работу. Решил не торопить мастеров, предоставил им полную свободу действий, чтобы лично убедиться, как трудятся «в этой стране трудящихся». Утром приходят рабочие, но не работают. Я захожу и так, между прочим, спрашиваю: почему они не приступают к делу? Те отвечают: «А вот старшой не пришел, не знаем, что делать». Так проходит несколько часов. Бьет одиннадцать. Наконец приходит старшой, но работать не начинают. Снова спрашиваю о причине и получаю ответ: «Да скоро ведь обед, не стоит и начинать».

В следующий раз не пришел инженер, потому что должен был где-то ждать, потом вовремя не получили материал, еще причины, различные предлоги, долженствовавшие оправдать бездействие. Наконец потолок исправили, хотя и весьма плохо, а

стоимость работы оказалась огромной, более четырех тысяч рублей. Их всех, и рабочих, и старшого, и инженера, за это можно было бы отдать под суд. Но, если взглянуть на это серьезнее и внимательнее, кара оказалась бы несправедливой. Они поневоле связаны, не могли делать так, как надо, работали постольку, поскольку им позволяли условия труда в СССР, советская система. Таким образом, они были «вредителями» в кавычках.

Другой пример.

В посольстве потребовался ремонт коридора второго этажа. Опять обратились в «бюробин», узнать, сколько это будет стоить. Прошло дней десять, мы получили подробную смету, большую тетрадь с мельчайшими подсчетами работы. Смета удивительная, поражала предусмотрительным подсчетом всех, даже непредвиденных мелочей. В большой тетради было точно указано, сколько именно гвоздей, при этом самых обыкновенных, надо будет вытащить из стен коридора, сколько дыр нужно будет заделать, сколько пойдет на каждую дыру материалов и т. д. И опять общая стоимость получалась необъяснимо большая. Тогда с тетрадью, этой подробнейшей сметой, я отправился к члену коллегии НКИД Стомонякову, инженеру по образованию, прежде работавшему в Европе, в Бельгии. Я показал ему тетрадь и, шутя, иронизируя, сказал:

– Эта смета, Борис Спиридонович, неполна, я ее принять не могу. Тут не хватает подсчета многих статей и цифр, например ничего не говорится о том, что лестница на второй этаж имеет двадцать три ступени, и, поднимаясь на каждую, рабочие изнашивают подошвы сапога на столько-то миллионных частей, а это в итоге дает уменьшение стоимости сапога на такую-то сумму.

Стомоняков взглянул на меня, покачал головой и тяжело вздохнул. Конечно, и он ничего не мог сделать. Не смел и сказать, что все это настоящая ерунда, совершеннейший абсурд, канцелярская чепуха, никому не нужная бухгалтерия. Да и никто другой, ибо это означало бы осудить всю систему советского труда, а эта система и есть настоящий, подлинный, единственный «вредитель» и главная причина всей хозяйственной разрухи в СССР.

Но и тут, как везде, в каждом частном случае, большевикам, их чиновникам и судам надо найти не причину, а виновника. Не может же государство осудить систему, созданную им самим. А чтобы найти этого виновника, доказать, что происходит «вредительство», дело подстроено троцкистами, на помощь приходит ГПУ и устраивает уже действительное вредительство без кавычек, которое потом и раскрывается на суде, дает

благодарную тему для обвинителя, громогласно и возмущенно обличающего троцкистов, заговоры врагов, направленные для подрыва хозяйственной мощи Советов.

И чекисты в этом отношении оказывают волшебные услуги и подносят суду материал для непререкаемого обвинения. Вводят в группу вредителей поневоле настоящих, спровоцированных вредителей. Не угодно ли постороннему глазу, непосвященному человеку разобраться в этой толпе и отличить козлов от овец. Цель достигнута, вредители найдены, обличены, наказаны, но о самой системе ни слова. Причины общегосударственной хозяйственной разрухи затушеваны, что и требовалось доказать.

Все, что я рассказал, лишь малая доля того, что можно было бы поведать миру о делах чекистской агентуры и советских судов. Добавим к этому еще и похищение генералов Кутепова, Миллера, дела Скоблиных и других. Вспомним, что все это совершалось во имя Коммунистического интернационала, и перед нами должен естественно и невольно встать грозный вопрос: может ли продолжаться без конца этот общечеловеческий ужас? Вот что значит «принципиальная политика», построенная на ложных и преступных принципах. Это безнадежная система, и потому она смертоносна сначала для «буржуев», а потом и для самих ее создателей.

Дипломатический корпус в Москве

Нигде так дружно, как в Москве, не жил дипломатический корпус в период 1923–1929 годов. Это не только мое мнение. Думаю, под этими словами подпишутся и все мои коллеги, а тогда нас было в Москве больше 170 человек, пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью. Эта большая семья, особенно в лице ее высших представителей, жила своей особой жизнью, отгороженная от остальной России. Отгороженность и стала нашей общей сплоченностью, а изолированность, наша обособленность вызывалась российскими условиями тех лет.

Все посольства и миссии занимали лучшие особняки изгнанных московских богачей. Большинство этих домов было окружено садами и заборами, и заборы символизировали собой крепкую ограду, за которой спокойно могли жить и работать дипломатические представители. Кроме того, в особняках находили приют и некоторые прежние владельцы. Например, в норвежском посольстве, в его побочных помещениях, проживали оставшиеся в Москве Морозовы. Особняки советское правительство сдавало внаем посольствам, получало деньги и, конечно, ничего не платило прежним владельцам. Иногда посольства, в той или иной форме, хотели отплатить бывшим собственникам, чаще всего продуктами питания. Мы понимали трагическое положение этих несчастных людей и, как могли, шли им навстречу.

Тогда Советская Россия была большой загадкой, важной для всего мира, и на дипломатическую службу туда выбирали подходящих людей, если и не знакомых с СССР, то тренированных на разных дипломатических постах и поприщах. Мы понимали серьезность работы и свою большую ответственность. Уже это скрепляло и соединяло нас, иностранных представителей. Дипломатическим служащим правительства щедро отпускали средства, а жизнь в Москве была дорога.

Часто устраивались большие вечера, званые обеды, концерты, что тоже помогало нашему сближению. Это было не только развлечением, но и необходимостью. На подобных приемах иностранные представители легче всего могли встречаться с руководителями и чинами НКИД и других советских учреждений. Те охотно откликались на наши приглашения.

Подавались лучшие французские вина, шампанское, деликатесы, национальные блюда. Прельщали не только щи с кашей, но и русская черная икра, балыки, осетрина. Как еще

недавно жила богатая Москва, так теперь жили в посольствах.

Австрийский посланник в Москве Эгон Хайн, аккредитованный также и при латвийском правительстве, провел тогда несколько дней в Риге. Я его спросил, как он находит нашу столицу, и он ответил:

– От России осталась только Латвия.

Он был прав. Действительно, в Латвии почти все осталось по-старому, как было до войны. В России, напротив, старое уничтожили, о нем напоминали только приемы дипломатического корпуса.

Но в особняке Терещенко, где обитали Литвинов и Карахан, жизнь была безбедной и даже роскошной. Под тяжестью дореволюционных яств ломились столы, на больших приемах медведи изо льда держали в лапах громадные блюда с икрой и, казалось, глядели на нее, облизываясь. Так на этих приемах символизировалась ширь СССР, и медведь Ледовитого океана подавал продукты Каспийского моря, знаменуя таким образом объединение севера с югом.

Германское посольство

Самым большим европейским посольством было германское. Оно размещалось в нескольких особняках. Главой посольства до 1928 года был граф Брокдорф-Ранцау, испытанный дипломат старой бисмаркской школы, известный демонстративный противник Версальского договора. 7 мая 1919 года в ответ на мирные предложения союзников он произнес холодную и более чем высокомерную речь, которую называли «нахальной». О ней, уходя с заседания, Ллойд Джордж сказал:

– C'est dur d'etre vainqueur et d'entendre cela[12].

Брокдорф-Ранцау покинул Париж, не подписав договора, и продолжал считать Германию временно побежденной. В Москву он отправился, чтобы найти новых союзников в лице большевиков. Он еще раньше знал Чичерина, еще когда тот был секретарем русского императорского посольства в Берлине.

И Чичерин, и Брокдорф-Ранцау были старыми холостяками, у обоих была привычка спать до обеда и работать ночами. По ночам же они обсуждали вопросы мировой политики и усиленным темпом двигали вперед русско-германское сближение. Неважно, как каждый из них понимал конечную цель, гораздо важнее было объединить совместные действия против союзников. Временами казалось, что Германия отходит от России, становится ближе к союзникам, потом она снова отворачивалась от них и сближалась с СССР. Это были только маневры. Германии нужно было балансировать между двумя полюсами, чтобы набить себе цену в глазах советского правительства.

Однако СССР, как всегда, был ослеплен, разрушал Среднюю Европу и таким образом готовил и создавал антисоветскую Германию. Эти политические маневры граф Брокдорф-Ранцау производил в высшей степени умело. Позволительно было думать, что главной целью Брокдорфа было установить германо-русско-японский союз. К этой же цели, по слухам, стремился тогда и германский посол в Вашингтоне Мальцен. Во всяком случае, слышалось что-то зловещее в словах Брокдорфа после русско-японского договора: «В своем неуклонном стремлении к воссоединению отдельных частей великого государства советское правительство сделало первый шаг вперед, притом не только в смысле материальной выгоды, вытекающей из предстоящей эвакуации Сахалина Японией, но и в моральном отношении, благодаря юридическому признанию со стороны соседней великой державы».

В словах «первый шаг» многие усмотрели скрытые мысли

Брокдорф-Ранцау и по отношению к Средней Европе. Но когда его об этом спросил финляндский посланник Хакзель, он ответил, насколько мне известно, отрицательно, хотя тут же высказался довольно безразлично о судьбе Эстонии, в связи с неудавшимся коммунистическим путчем 1 декабря 1924 года.

Следствием его общей политики было то, что Брокдорф никаких контактов с другими дипломатическими представителями не имел. Правда, в личных отношениях он, приверженец былых строгих традиций, был обаятелен. Его званые обеды проходили в высшей степени дисциплинированно, как ни в одном посольстве. Если гость, увлекшись разговором, клал ложку или вилку, стоящий позади лакей немедленно убирал тарелку. Никогда за его столом не сидело больше 16 человек. Как-то моя жена спросила его о причине этого. Брокдорф ответил, что эту традицию ввела его мать и он исполняет ее завет.

Моей жене он любил рассказывать о своем майорате в Германии, где у него были отличные верховые лошади, прекрасная охота, и, в свою очередь, внимательно слушал, как она рассказывала ему о волчьих и медвежьих охотах в Уфимской губернии, где ее отец, большой любитель-охотник, убил в течение своей жизни не менее сорока медведей, много волков, но на охоте же трагически погиб.

Граф коллекционировал старую бронзу, свою большую коллекцию хранил в Германии. Помню, однажды комиссар Луначарский, рассматривая после обеда у графа в посольстве бронзовые канделябры, приобретенные уже в России, сказал мне, что, будь это не у Брокдорфа, никогда бы не разрешили вывезти из России канделябры такой высокой художественной ценности.

Ближайшими сотрудниками графа были Зигфрид Хей, Кари Дантсман, Хильгер и фон Типпельскирш. На приемах в других посольствах Зигфрид Хей с другими служащими являлись раньше и ждали своего посла, как хозяин ждет гостей. Это немецкая дисциплина. Хей и Хильгер владели русским языком, были женаты на русских, и вообще германское посольство знало Россию лучше, чем дипломатические представители других стран. Этой осведомленностью они обязаны, между прочим, немцам-специалистам, коммерсантам, чинам Генерального штаба, своим знакомым. Впрочем, и до войны немцы разбирались в русских делах лучше, чем англичане, итальянцы и даже французы, союзники России.

Граф Брокдорф любил на вечерах пить французский коньяк, и в небольшой компании при его участии бутылка коньяка быстро пустела. Лично ко мне и моей семье граф относился в высшей степени внимательно, и весной 1928 года просил разрешить ему

осенью устроить первый обед в честь моих дочерей. Я был польщен оказанной мне честью, но, увы, граф окончил свое земное существование раньше этого маленького празднества. Вспоминая о нем, хочу сказать: граф Брокдорф-Ранцау был яркой личностью, цельным характером и воплощением этикета. Опытный дипломат, верный традициям рода и бисмаркской школы, аристократ и хороший политик.

После него в Москву был назначен послом фон Диргсен. Он приехал с женой, и посольство холостяка превратилось в более уютный семейный дом.

Дальневосточные посольства

В противовес Германии – посольство Японии, самое большое посольство восточных стран во главе с Токиши Танака. Он прибыл с большим числом секретарей и военных атташе. Сначала посольство занимало небольшой дом, потом переехало в отремонтированный великолепный особняк, принадлежавший известному московскому богачу Савве Морозову. Эти маленького роста люди, японцы, как бы пропадали в больших высоких залах морозовского дворца, но для больших приемов эти помещения чрезвычайно подходили. Японское гостеприимство, изысканная любезность, предупредительность как-то невольно рождали мысль, что, заняв эти громадные пространства, японцы мечтали и сами стать большими в великой России. Страна цветов и восходящего солнца была представлена великолепно. Посол Танака любил цветы, и во время обеда стол общей трапезы буквально утопал в них, несмотря на то что в Москве тогда их было мало и стоили они очень дорого. Японцы хитро понимали, как нужно себя вести в широкой, тороватой, гостеприимной Москве. Скромные, нетребовательные, они лучше всех учли психологический момент тонкости обращения и радушия, а такое понимание в мировой политике играет еще большую роль, нежели в чисто коммерческих отношениях. И русские купцы, в том числе Морозов, придерживались старой русской поговорки: «Сначала угощение, потом дело», а он вершил колоссальные многомиллионные дела. На вечерах у посла Танаки наряду с европейскими блюдами подавались и чисто японские. Всевозможные рыбные супы, рис в разных видах и под разными соусами и приправами. Я часто встречался с Танакой. Он мне нравился открытостью, громким смехом, мы часто говорили о политике, у меня никогда не создавалось впечатления, что Япония может состоять в союзе с Россией, если даже он направлен против Англии и Франции, как того хотела Германия, ее посол Брокдорф и СССР. Тем не менее старый китайский посланник, впоследствии умерший в Финляндии, в ответ на разные догадки и предостережения высказался мудро:

– У нас за тысячу лет до Рождества Христова был коммунизм, но ничего не вышло. Так и теперь бояться нечего.

Особое положение занимало посольство Афганистана, этого буферного государства между СССР и Британской империей. Король Аманулла пользовался этим, и в Афганистан СССР отправлял немало денег. Об Аманулле Москва любила говорить как о великом реформаторе, этаком афганском Петре Великом.

Сравнение поспешное и необъективное, лишний раз подтвердилось, что от великого до смешного один шаг. Никогда не забуду, как испытанный дипломат, знаток Востока, персидский посол Ансари, когда Аманулла отправился путешествовать, сказал мне:

– Этот не понимает, что шею себе сломает.

Но Москва верила в Амануллу, поэтому отношение к Афганистану, как и к афганскому посольству, было в высшей степени предупредительно. Тем не менее не могу сказать, чтобы политика Аманулллы нравилась афганскому посланнику Мохаммеду Нахим-Хану, тогда моему большому другу, который не очень любил большевиков и не слишком им верил.

Нахим-Хан получил английское воспитание, но строго придерживался религиозных правил своей страны. Помню, однажды в маленькой компании с дамами мы ехали в Троице-Сергиевскую лавру, верст за шестьдесят от Москвы, и там Нахим-Хан рассказал мне случай на обеде с большевиками у него в посольстве.

– За обедом кто-то из представителей НКИД презрительно выразился о религии моей страны. Я возмутился, но сдержался, а после обеда подошел к этому человеку и сказал: «В другой раз так не говорите, а то я могу вас убить».

И в этой спокойной угрозе сказался Восток и его нравы. У Нахим-Хана потом случились неприятности, и он вынужден был уехать. Прощаясь, он вполне искренне спросил меня, как авторитетное для него лицо:

– А долго ли еще останутся большевики?

Мне очень хотелось сказать ему приятное, обнадежить, но пришлось ответить одним словом:

– Долго.

Нахим-Хан был большим джентльменом и преподнес моей жене в подарок девять ящиков великолепных афганских орехов, фисташек, сушеных фруктов. Мы с нашими друзьями еще долго их не могли съесть. После Аманулллы королем Афганистана стал его брат, а после его убийства Афганистаном стал править Нахим-Хан. С тех пор я его больше не видел. Но мне довелось встретиться с его третьим братом Сирдар-Ханом. Встреча произошла при очень оригинальных обстоятельствах. Рождество 1929 года мне с семьей случилось провести в Париже. На рождественском обеде в отеле «Кларидж» неподалеку от нас сидели два восточных человека, один из них был так похож на Нахим-Хана, что я, не задумываясь, подошел и спросил, не брат ли он моего друга Нахим-Хана. Получил утвердительный ответ. Мы познакомились. Он ехал в Москву, куда был назначен послом.

Потом он навестил меня в Риге, в его честь, как брата моего друга, я устроил обед, который, конечно, носил совершенно частный характер. Помнится, в Москву приезжал Аманулла, большевики блеснули приемом, поразившим своей пышностью и щедростью. Это оказалось напрасной тратой, Аманулла был падающим метеором, и Афганистан может чувствовать себя счастливым, теперь им управляет Нахим-Хан, а я рад, что у меня был такой друг.

Можно было бы вспомнить и о китайском посольстве, но оно ничем не отличалось от других, и я могу не останавливать на нем внимания читателя.

Ближневосточные посольства

По политическим соображениям дальневосточные посольства всегда находились в неуравновешенном состоянии, зато ближневосточные, персидское и турецкое, наоборот, можно причислить к самым спокойным. В этих странах чисто восточные порядки стали исчезать. Новый король Пехлеви, бывший солдат, радикально реформировал Персию, а Кемаль-паша – Турцию. Частично их реформаторская работа напоминала ломку устоев России, и большевикам поэтому нечего было там искать. Да и повороты политики СССР с Запада на Дальний Восток и обратно требовали более спокойной и надежной опоры на Ближнем Востоке.

В этих посольствах жизнь текла тихо, мирно, и этим они выделялись среди других. Было больше времени и для личной жизни. Персидский посол Али Хали-Хан-Ансари женился на молодой красивой русской девушке, дочери царского генерала, а его сын, первый секретарь посольства, на красивой еврейке. Русская жена посла приняла магометанство, перестала быть Ольгой и стала Лейлой, во время поездок в Персию меняла европейский образ жизни и придерживалась строгих правил Корана. Она интересно рассказывала, как в этих путешествиях, например из Тегерана в Москву, она на персидской территории должна была закрывать лицо чадрой и ехать позади мужской свиты, сопровождающей посла. Все менялось после переезда границы, тут она ехала уже впереди всех.

Сам посол был очень интересный, красивый, стройный мужчина, и года на нем почти не отразились, а он пожилой человек. У нас с ним завязались самые дружеские отношения. Советник его посольства Голам Реза-Хан-Нурзад был настоящим европейцем и очень мало вообще жил в Персии.

Посол Ансари подписал с Латвией дружественный договор в Риге, где пробыл со своей женой некоторое время в качестве гостя. О нем вспоминают все как о милом, любезном человеке, а рижские лакеи еще и как о щедром барине.

Из турецких послов Зика Салик-Бей был известен как турецкий парламентарий. Он поражал живостью характера. В Москве пробыл недолго, его сменил Тевфик-Бей, друг турецкого диктатора Кемаля-паши, человек спокойный и степенный. Его считали философски забывчивым, и для этого были достаточные основания. Например, по дороге в Москву на станции Нежин он вышел из вагона и, по рассказам Флоринского, зашел в станционный буфет. Там ему очень понравились знаменитые

нежинские огурцы, и он так увлекся ими, что забыл о поезде, который и ушел без него. Поднялась тревога. Пришлось послать экстренный поезд, чтобы догнать первый. Но такие мелочи не беспокоили этого уравновешенного, философски спокойного человека.

Тевфик-Бей приехал в Москву, представился Калинину.

Как посланник, я должен был первым нанести ему визит. Я торопился с исполнением формальности, ибо должен был сейчас же выехать в Ригу. Мой визит был коротким, в тот же день посол принимал и других, все перепутал и забыл. Недели через две я вернулся из Риги и на каком-то приеме встретил Тевфик-Бея. Меня удивило, что он относится ко мне как-то странно. Разгадки долго ждать не пришлось.

Мне позвонил секретарь графа Брокдорф-Ранцау, старшины дипломатического корпуса, и просил принять графа по важному делу. В условный час Брокдорф явился ко мне со своим секретарем Хильгером и весьма церемонно начал объяснять, что его долг старшины повелевает улаживать неприятные дела. Оказалось, турецкий посол обратился к нему с жалобой, будто я его, посла Турции, игнорирую, не нанес ему визит. Я подозревал, что именно по этому делу старшина корпуса ко мне приехал, и привел неопровержимые доказательства, что жалоба посла не имеет ни малейшего основания. Надо было видеть графа. Он весело расхохотался, словно ребенок, это было для него совсем неожиданным сюрпризом.

– Первый случай в моей жизни, когда посол обвиняет посланника в нарушении дипломатического этикета и теперь, вместо ожидаемого извинения посланника, сам должен перед ним извиниться.

Веселился граф, смеялись и мы с его секретарем. Уже на другой день турецкий посол Тевфик-Бей приехал ко мне с извинениями за свою оплошность. Он просидел целый час, мы выпили бутылку портвейна и стали друзьями.

Как персидское, так и турецкое посольства любили устраивать вечера с выступлениями лучших русских артистов. Там пели Барсова, Собинов, Юдин, танцевала красавица балерина Абрамова, участвовали многие другие. Восточный ароматный кофе с надлежащей сервировкой способствовал общему веселью, на этих приемах мы чувствовали душевную успокоенность, столь свойственную Ближнему Востоку.

Был в Москве и посланник Аравии принц Хабиб Лотфалх. Он прибыл как настоящий принц, очаровал посольских дам своими рассказами, нарисовал картину своей будущей жизни в Москве, говорил, как он здесь широко устроится, постарается, чтобы у

него всем было весело. Блестящие и упоительные перспективы. Правда, вскоре он исчез, как закатившаяся восточная звезда.

Французское посольство

С большим интересом и нетерпением Москва ждала Жана Эрбетта. За ним шла слава лучшего французского журналиста, он был главным редактором газеты Le Temps, фотографии Эрбетта и его супруги, снятые по дороге в Москву и в самой Москве, заполняли все советские газеты и журналы. Им, естественно, хотелось выдвинуть «своего» человека, журналиста, тем более в Москве уже распространилось мнение о нем как о друге большевиков. Пролетел даже вздорный слух, будто Эрбетт не особенно почтительно выразился о московском дипломатическом корпусе, о его понимании Советской России.

Он внимательно и подробно ознакомился с жизнью Москвы, ему охотно показывали все. В его личности объединились журналист и посол. Этим он отличался от всех нас, и большевики им восхищались. Но, как говорится в русской басне, «кот Васька слушает, да ест», и Эрбетт ко всему присматривался, все слушал, кивал, любезно соглашался, но думал свое. Через каких-нибудь полгода он уже прекрасно все понимал, отлично разбирался во всех советских вопросах. Большевики, как полагается, к нему охладели. Первая любовь прошла.

Понемногу Эрбетт все ближе и ближе подбирался к дипломатическому корпусу, и небольшое французское посольство ничем особенно не отличалось от остальных. Больших приемов он с супругой не устраивал, но у них часто бывали обеды и завтраки. Я и моя жена были их постоянными гостями, бывать у них нам было всегда интересно. Эрбетт не играл в карты, считая более полезным проводить время в разговорах о политике в СССР, о международных событиях, обо всем, что его интересовало не только как дипломата, но и как бывшего журналиста. Многие другие тоже не играли, в том числе и я. К карточной игре мы относились отрицательно. Впрочем, если нет тем для серьезных разговоров, лучше играть, чем просто болтать. В Москве, впрочем, вопросов первой важности было более чем нужно.

Вспоминаю, как однажды после хорошего обеда мы обсуждали острый общеполитический вопрос. Речь шла о том, что Европа никак не может сговориться и установить более планомерные и согласованные отношения с СССР. Мы пришли к выводу о том, что эти неурядицы происходят от непонимания политики Советов. В конце разговора я, шутя, внес предложение: мы должны написать своим правительствам, чтобы всех нас отозвали и сделали бы министрами иностранных дел. Тогда мы немедленно договоримся и установим одинаковые точки зрения,

а в конце концов сговоримся и с СССР. Через несколько дней при встрече с польским послом Патеком я, к моему удивлению, узнал от него, что о моей шутке он написал Пилсудскому. Тогда и шутки казались многозначительными, тем более важными становились всякие серьезные соображения.

На обедах и завтраках у Эрбетта часто бывали представители разных советских учреждений. Приехал в Москву известный французский профессор математики Лангевин. Был приглашен и академик Лазарев. Он рассказал любопытную, но и печальную историю. Во время революции грамотность так упала, что экзаменовавшийся в институт не мог написать два в квадрате, а когда профессор настойчиво этого потребовал, будущий студент начертил квадрат и поставил посредине цифру 2.

Мадам Эрбетт прекрасно одевалась и, как настоящая француженка, отлично понимала кулинарию. Любила танцевать, а на приеме афганского короля Аманулллы, которое устроило советское правительство, сделала такой реверанс перед королевской четой, что мы все склонились в безмолвном восторге.

Посол Эрбетт обладал исключительной работоспособностью. Быстро изучил русский язык и даже мог на нем изъясняться. Его помощникам и служащим приходилось всегда быть начеку, в высшей степени исполнительными и точными, Эрбетт был требовательным начальником. И сам Эрбетт, и его супруга любили старинные вещи, были знатоками старины, занимались коллекционированием.

Им удалось купить редкие экземпляры исторических манифестов и грамот русских царей, коллекции вещей из уральского малахита и многое другое. Но странно, первый журналист Франции, Эрбетт недолюбливал журналистов и, разумеется, вызывал этим у них большую неприязнь.

Итальянское посольство

Итальянское посольство помещалось в особняке, где был убит граф Мирбах, германский представитель.

Приезд в Москву посла графа Манцони с графиней придал дипломатическому корпусу еще больший внешний лоск. Еще до их приезда мы знали от шефа протокольной части Флоринского о привычках и личных качествах графской четы. Говорилось больше о графине. Она красива, строга, богата, американская испанка с острова Куба. Все это оказалось более чем достоверно. Эту чету можно было назвать исключительной. Графиня помогала, где и как могла, несчастным русским из «бывших людей». Одна из Морозовых стала постоянной посетительницей посольства и, если не ошибаюсь, потом уехала с графиней в Париж. Невольно и естественно возникал вопрос: с какой стати и почему графиня столь доверчиво относится к людям, ведь всем известно, что Москва переполнена всевозможными агентами, мужчинами и женщинами?

В ходу был анекдот о двух гражданах, разговаривающих на улице. Один все и всех критиковал, другой его урезонивал: «Тише!» – «Но нас никто не слышит». – «Да, совершенно верно, но не забудь, где двое разговаривают, там один чекист».

В этом высококультурном посольстве были в большом почете серьезная музыка, русские песни Гречанинова при участии самого Гречанинова и других исполнителей и композиторов.

В углу зала возвышался королевский трон, напротив портреты короля и Муссолини, символизируя величие этой страны и вызывая невеселые мысли о судьбе русского царя и его семьи.

Графиня требовала, чтобы к известному часу в посольстве царила полная тишина. Большинству это, конечно, не нравилось. Многие хотели жить по-своему, распоряжаться вечерами по желанию, требования графини казались стеснением личной свободы. Кто-то раскритиковал эти строгости и написал в Рим. Муссолини, прочитав послание, возвратил его графу Манцони с резолюцией: поступать с этим членом посольства по своему усмотрению. Все подтянулись. Меры и распоряжения графини можно только приветствовать, ведь дисциплина великое дело и сила государства исключительно в ней. Сменил графа Манцони Витторио Черутти, также приехавший со своей женой. Высокий итальянец и стройная, гордая, красивая венгерка, бывшая артистка, всегда находчивая, умная, резонная, презрительно относившаяся к большевистским порядкам. Сам Черутти

внимательно наблюдал и отлично понимал, куда движется Россия. Он гордо носил фашистский значок и был фашистом.

С итальянским посольством у нас установились самые дружественные отношения, в чем я и моя семья могли лишний раз убедиться год назад, когда мы были в Париже. Нас, как старых друзей, пригласили в итальянское посольство, и мы вспоминали о нашей жизни и встречах в Москве, о том, что было и прошло. А пережито было так много, что невозможно ни рассказать, ни описать.

Граф Негри, секретарь Кварони, атташе граф Стафетти. Месье и мадам Рельн, в качестве представителей прессы, гармонично дополняли итальянское королевское представительство в Москве.

У мадам Черутти была страсть к коллекционированию индийских, китайских и японских богов. Их было у нее много. Одного из них, большое божество с множеством рук, она считала своим фетишем, он неизменно стоял у нее в правом углу салона. Она так же страстно любила музыку, устраивала музыкальные вечера, и у нее я впервые услышал Шопена в исполнении балалаечного оркестра.

Английское представительство

Тогда Англия имела в Москве только поверенного в делах сэра Роберта Ходсона, коммерческого секретаря У. Питерса с мадам Питерс, секретаря В. Бурбури с мадам Бурбури и состав консульских служащих. Сэру Роберту неизменно прислуживал один и тот же весьма степенный лакей, поляк, если не ошибаюсь, служивший у русского царя. Когда бы я ни приезжал к Ходсону, через несколько минут, как некий греческий бог, выходил он с подносом в руках в кабинет своего барина. Р. Ходсон прежде был консулом на Востоке, хорошо говорил по-русски, обладал широкими взглядами и основательно разбирался в политических вопросах. Мы часто вели с ним беседы о восточных и западных политических проблемах, которые особенно должны были интересовать Англию.

Вначале Ходсон охотно устраивал у себя большие вечера, приглашал деятелей искусства, русских артистов, людей аристократического круга, каким-то чудом еще уцелевших в тогдашней Москве. Однако после таких приемов советское правительство стало последовательно и непрестанно арестовывать этих лиц, и Ходсон их прекратил.

Само собой разумеется, английское представительство принадлежало к числу так называемых «беспокойных». Коммунистическая работа в Китае, Афганистане, Индии всегда так или иначе отражалась и на английском представительстве. Ходсон всегда должен был себя чувствовать на военном положении. Каждая секретная бумага хранилась у него в специальном ящике в шкафу, ключи от которого находились всегда при нем.

Его жена, русская, редко посещала Москву, жила в Западной Европе, воспитывала обожаемого ими сына, которого они боялись держать в Москве. Они уже пережили одну трагедию, когда погиб их первый сын, теперь все заботы и нежность они перенесли на этого мальчика.

Почти все сотрудники Ходсона говорили по-русски, вращались в московских так называемых «общественных» кругах, все были хорошо информированы о положении в СССР, что, конечно, не могло нравиться советскому правительству. Секретаря Бурбури определенно называли агентом ЦРУ. Когда он заболел тифом и долгое время пролежал в московской больнице, это обстоятельство меня немного тревожило. Простой в обращении, сердечный, истинный джентльмен, он представлял собой цельный, законченный тип хорошего англичанина. После

скандала в Лондоне и перерыва дипломатических отношений, чего, по-моему и по мнению самого Ходсона, не надо было делать, он получил место министра в маленьком государстве Албания. По пути в Лондон он заехал в Ригу со всей своей свитой, на станции я поднес букет роз мадам Питерс, сделав это намеренно. Я был уверен, что советские агенты, явные и тайные, сознательные и нет, при помощи интриг и иных средств в значительной степени способствовали служебному понижению этого талантливого дипломата. Я рад, что он снова назначен на трудний пост представителя Англии в Испании и от души желаю ему всяческих успехов.

Ход сон искреннейше, как и все его сотрудники, желал установить дружные и прочные отношения с СССР. К сожалению, Москва и в этом вопросе все истолковывала не так, как нужно, и не понимала политики и желаний английского представителя.

Посольства Средней зоны Европы

В 1934 году я прочел лекцию в Королевском институте международных дел в Лондоне на тему «Россия, Германия и Балтийские страны». В сокращенном виде лекция напечатана в журнале International Affairs. Все государства, находящиеся между Россией, с одной стороны, и Германией и Италией – с другой, я причислил к Средней зоне Европы. Сюда входят 16 стран: Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Румыния, Австрия, Венгрия, Болгария, Югославия, Турция и Албания. Продолжение лекции я прочел в 1937 году в Праге, в Свободной школе политических наук. Я развивал мысль, что Средняя зона Европы должна быть прочно объединена, и доказывал необходимость этого объединения в интересах не только 16 государств, но и всего мира.

СССР и Германия всеми силами и мерами сепарировали Среднюю зону, намеренно и неуклонно ее ослабляли. В этом отношении не без греха и Польша. Когда СССР увидел свои тяжкие ошибки, его место уже было занято Италией. Вместо Русско-Германской оси, о которой мечтал граф Брокдорф, образовалась другая ось, Берлино-Римская. Гитлер и Муссолини стремятся надеть на эту ось государства Средней зоны, точнее, превратить их в поддерживающие колеса, а может быть, и в бандажи Германии и Италии. Если есть или может быть опасность от Коммунистического интернационала, как и от германского супернационал-социализма, она одинакова для всех стран этой зоны. Вопрос только в очереди, чья раньше, чья позже. Исходя из такой предпосылки, я свои заметки о посольствах этих стран хочу делать под одним общим заглавием.

Со стороны СССР, до образования оси Берлин – Рим, политический центр тяжести Средней зоны находился в Польше. Поэтому она особенно обрабатывалась Советской Россией. Ясно, что при таком политическом положении польское посольство всегда должно было находиться на сторожевой службе в боевой обстановке. Понятно, что посланники имели много неприятностей и часто менялись. Чаще всего трения и неприятности касались военных атташе. Порой советская печать совершенно забывала, что речь идет о посланниках, а совсем не о частных лицах, и, значит, даже компрометировать их нужно осторожнее.

К моему приезду польским посланником был Нолль. Советская политика его озлобляла, он, как мне стало известно, в минуту нервного возбуждения держал с кем-то пари на 12

бутылок шампанского, что большевики дольше трех месяцев не продержатся. Увы, Нолль должен был покинуть свой пост и Москву раньше срока, и большевики, думаю, его переживут. Не везло и другим, в том числе и посланнику Станиславу Кетржинскому, который скоро уехал, и только советник посольства Вышинский спокойно работал и остался знатоком Советской России. Так продолжалось, пока не приехал посланник Станислав Патек, до революции известный петербургский адвокат, защищавший политических преступников. В частности, знаменитого Дзержинского, создателя ЧК. Об этих процессах Патек не раз рассказывал нам, действительно, со многими из большевистских вождей он был знаком лично.

Польша думала, что личные знакомства, хотя и давнишние, могут способствовать улучшению политических отношений. В этом лучшее доказательство того, что Польша искренне шла навстречу СССР, стремилась к улучшению отношений с восточным соседом. Патек был первым посланником, которому в самом деле удалось добиться в этом направлении значительных успехов. Советник посольства Адам Жилинский, первый секретарь Альфред Понинский с мадам Понинской и весь остальной штат посольства были удачно подобраны и работали не за страх, а за совесть в полном согласии со своим посланником. Почти все иностранные представители в тогдашней Москве увлекались коллекционированием, Патек тоже собирал польские древности и хотел создать в Варшаве музей своего имени. Он регулярно объезжал московские антикварные магазины и закупал все, что относилось к истории Польши. Его любимой темой на всех обедах была Япония, где он жил в качестве посланника пять лет. Он проявил особенно большую активность при подписании так называемого «литвиновского протокола» совместно с Румынией, Латвией, Эстонией. Энергия Патека очень не нравилась в Москве. О нем сохраняю до сих пор лучшие воспоминания, он был моим настоящим другом.

Общую политическую линию СССР по отношению к Средней зоне Европы можно характеризовать как политику децентрализации. Поэтому Балтийские страны, центральные в зоне, и их представительства в Москве порой подвергались самым непростительным нападениям. СССР хотел захватить в свою сферу влияния все Балтийские государства и не брезговал ради этой цели ничем, дискредитируя и эти государства, и их представительства. Именно эта политика породила «дело» Бирка, она же довела и мои отношения с Москвой до полного разрыва.

Иначе обстояло с Литвой, она являлась исключением.

Решающую роль играл территориально неразрешенный конфликт Литвы с Польшей из-за города Вильно. Дружелюбное отношение СССР к Литве диктовалось единственной целью: поддерживать и подогревать активность этого конфликта, открыто стать на сторону Литвы или, по крайней мере, выказывая внешне благосклонное к ней внимание. Любой здравомыслящий человек понимал: ни одна балтийская страна ничего против СССР не замышляет, не мобилизует политические, а тем более военные силы. Между тем даже самый невинный дружеский визит какого-нибудь официального лица или поездка в соседнюю страну истолковывались советским правительством как опасный и подозрительный сговор, чуть ли не как злоумышление против «страны пролетариата». Например, мой брат, военный министр, решил навестить Эстонию, и тотчас советская печать стала на дыбы. Орган большевистской партии газета «Правда» писала: «Сообщают, в Эстонию собирается министр Озолс, чтобы предпринять ряд шагов к сближению армий. Если учесть гнусную кампанию, которая сейчас разворачивается в Латвии за не латвийские сребреники, поездка министра Озолса приобретает особое значение». Такие лжетолкования, такая политика СССР, конечно, должна была отражаться самым неблагоприятным образом на работе латвийского, эстонского и финляндского посольств, сообщала ей нервозность, заставляла нас чувствовать себя самообороняющимися. И мы боролись. Чем больше хотели нас сепарировать, дискредитировать, деморализировать, тем теснее, крепче и дружнее мы объединялись в посольской жизни.

В смысле помещения наше посольство было очень удобно для больших приемов, мы их устраивали довольно часто, радовались тому, что нас посещали охотно, а 15 мая 1925 году даже частично сфотографировали. Кто только не побывал в нашем посольстве, скольких гостей теперь уже расстреляли! Нельзя забыть, как чудесно разодетые дамы танцевали с секретарями, юными атташе и солидными послами, как маршал Буденный любовался своей молоденькой женой, увлеченной общей картиной вечера, окруженной поклонниками, звуками музыки, бальным шумом. Известные журналисты Никербокер, Шеффер, Дюран и другие встречались и общались с дипломатическим корпусом, обсуждая политические события, на лету схватывали остроумные выражения, меткие слова, фразы. Лично я больше любил обеды, особенно когда на них бывал Чичерин, своеобразный интересный собеседник. На одном обеде он, разговаривая со мной, вдруг начал жаловаться французскому послу Эрбетту на то, что Латвия не хочет поставить свою промышленность на более широкую ногу, не создает крупных предприятий из боязни увеличить кадры

рабочих. Эрбетт, не задумываясь, ответил:

– Латвия этого и не может, у нее нет достаточно твердых основ.

Чичеринский вопрос – с виду простой, но в нем скрывалась большая и до некоторой степени вероломная мысль: пусть, полагаясь на русские заказы, Латвия размахнется, создаст широкую промышленность, а потом все заказы можно прекратить, и получится большой скандал, Латвия опростоволосится, что в конце концов и требовалось.

Однажды на обеде Чичерин высказал историческую фразу:

– Латыши спасли Россию.

Этим он воздал хвалу латышам, выступавшим против Белой армии.

«Дело» Бирка, естественно, должно было отразиться на общих настроениях эстонского посольства. Для него это стало ударом, чтобы справиться с ним, требовалось время. Лишь с прибытием посланника Сильямаа, моего большого друга, теперь уже покойного, эстонское посольство снова ожило, особенно благодаря его очаровательной жене, стало уютным и привлекательным.

Исключительное положение занимало финляндское посольство. Оно разместилось в самом маленьком особняке, в доме пастора при английской церкви. Это был маленький двухэтажный домик во дворе с тремя небольшими комнатами внизу и спальнями наверху. Там долгие годы жил с женой и тремя детьми посланник Хазкель, позднее министр иностранных дел Финляндии. Тем не менее посольство, словно прекрасная жемчужина, привлекало всех. Внешняя скромность и уют символизировали те маленькие чистенькие домики, разбросанные по малонаселенной Финляндии, маня и успокаивая взор и внимание путешественника. Министр Хазкель тоже был коллекционером, любил фарфор и картины, шведских и финских художников. Его жена воспитывала прекрасных здоровых детей, была образцовой хозяйкой и женщиной строгих правил. Излюбленным местом отдыха для них было собственное имение в Финляндии у реки. Страна, о которой Пушкин писал, что там только «ель, сосна да мох седой», стала страной культуры, порядка, личного достоинства людей и всеобщего благополучия. Это было заметно даже в мелочах, поведении прислуги, которая никогда не брала чаевых. Когда Хазкель на его посту сменил посланник П. Артти, посольство уже перебралось в новое помещение. Месье и мадам Артти были очень симпатичными людьми. Интересовались старинными церквями и коллекционировали книги.

Оригинальным человеком был первый секретарь посольства Р. Хаккерайнен, получивший аристократическое воспитание в России.

Совершенно исключительное положение занимало литовское посольство. Замечательно оно главным образом тем, что его посланник Юргис Балтрушайтис пребывает на посту вот уже восемнадцать лет. Он во многих отношениях примечательный человек. По происхождению из крестьян, в летние месяцы мальчиком пастушествовал, зимой учился в гимназии и по окончании поступил в Московский университет. Будущий поэт избрал физико-математический факультет, одновременно занимаясь и филологией. В начале века, когда в России сформировалась поэтическая школа символистов, он стал одним из ее видных участников. Основателем был известный поэт Валерий Брюсов. Балтрушайтис с Брюсовым связывали не только литературные узы, но и личная дружба. Вместе с С.А. Поляковым Балтрушайтис основал культурное издательство новейшей литературы «Скорпион». Символист Балтрушайтис печатался в альманахе «Северные цветы» и в журналах «Весы» и «Золотое руно». Он известен как поэт меланхолии и задумчивости. Немало он писал и на литовском языке, но его известность связана главным образом с его русскими стихами, собранными в книгах «Земные ступени» (1911) и «Горная тропа» (1912). Знаток языков, он много переводил из Байрона, Ибсена, Д'Аннунцио, Гамсуна, Уайльда, Стриндберга. Немудрено, Балтрушайтис владел 16 языками и, таким образом, олицетворял в своем лице 16 государств Средней зоны Европы.

Многое он может поведать миру, ибо просидел чуть не два десятилетия посланником в самом большом континентальном государстве мира, в центре головокружительных событий. Видел множество лиц, восходивших на самые вершины власти и потом падавших и казненных, познал все тайны, методы и уловки советской политики, это большой запас наблюдений, огромный и нелегкий дипломатический опыт. Это материал для внушительной книги интереснейших и, может быть, потрясающих воспоминаний. Он слышал и пережил в своей поэтической душе оглушительный перезвон колоколов Коммунистического интернационала, с виду победный гул, так громко обещавший всем людям счастье, богатство, равенство в труде и радостях. Напрасные посулы.

Мне вспоминается его стихотворение «Колокол», которое заканчивается строфой:

Точно набат перед близким пожаром,

Миру беспечному колокол пел.
Зычно и скорбно, удар за ударом,
Тщетно о Боге гудел.

Поэт Балтрушайтис сумел подслушать и «скорбность» ударов, и «тщету» мечтаний о Боге, отринутом и забытом в СССР.

Но есть страна, самая северная страна Средней зоны, где солнце неделями не заходит, неделями его не видит земля. Это Норвегия. Ее в Москве представлял и представляет поныне Урби, почтенного возраста норвежец. Его рабочий кабинет весь заставлен книгами новой литературы, и как медведь Ледовитого океана зарывается в снежную берлогу, так Урби зарывается в эти тома. Углубляется в проблемы и расширяет их до пределов познаваемого поля зрения. Но никогда для него не было большей проблемы, чем русская. Урби говорил, что нигде ему не хотелось быть посланником, как в России. Я с ним соглашался в том смысле, что современный дипломат должен провести года два в Москве, чтобы считать себя вполне квалифицированным.

Он, его жена и дочери тоже были коллекционерами. Собирали старые иконы, все стены маленького салона были сплошь увешаны иконами. Такие же коллекции хранились в Норвегии на их даче и оставались без присмотра в течение всей зимы.

– В норвежской деревне воров нет, – утверждал доктор Урби.

Когда в салоне сервировался чай или кофе при свечах, мне временами казалось, что вся комната пронизана таинственным дыханием и светом божества. Со стен смотрели спокойные мудрые лики святых, и древний мир воскресал перед нашими глазами и в душе.

Во главе датского посольства все эти годы находился П. Шоу. Он и его жена, стройные и высокие, с большим достоинством представляли страну самого высокого короля в мире. Посланник Шоу раньше жил в Америке, потом работал в довоенной России, хорошо говорил по-русски и разбирался в российских делах. Еще лучше знал Россию его атташе по земледелию С. Кофод, почтенного возраста человек, долгие годы проживший в России в качестве специалиста по землеустройству и знавший обширную российскую страну лучше любого русского. Он лично знал мать последнего русского царя Николая II, Марию Федоровну. Та его принимала, выказывала всяческое доверие, советовалась с ним как со специалистом и датчанином, поскольку с датским двором была связана самыми близкими узами родства.

Месье и мадам Шоу отличались гостеприимством,

устраивали исключительно приятные обеды, веселые вечера, даже маскарады, которые особенно нравились молодежи. Сама мадам Шоу настоящая красавица. У этой четы было двое детей, мальчик и девочка, малыш с русской няней говорил только по-русски. А когда ему напоминали, что он датчанин, решительно отвечал: «Я – красный мальчик».

Шоу любил верховую езду, и мы иногда катались в московском манеже, но не всегда были довольны качеством лошадей. А когда-то Россия славилась своими рысаками, кавалерия – конным составом. Один только Дон давал несметное количество отличных чистокровных коней, достаточно вспомнить знаменитый Орловский завод.

Однажды мы катались в небольшой компании, в поездке принимал участие и шеф протокола Флоринский. Мы устроили довольно продолжительный объезд московских окрестностей. Флоринский оказался совсем плохим ездоком, скоро устал и ослаб.

Дания, самая западная страна Средней зоны, отстоит дальше всех от СССР. Общих границ у них нет, поэтому они больше ограждены и от политических соприкосновений. Дания не имела и тех неприятностей, которые выпадали на долю пограничных с СССР стран.

Балтику, Скандинавию и Финляндию роднит и сближает море, Швеция же находится в центре этого объединения. Такое географическое положение определяет политические центробежные стремления этих северных стран, направленные к Швеции как к естественному центру.

Уже оставив Москву, я продолжал усиленно развивать мысль о более тесном объединении этих государств, организовал с этой целью общество «Балтийская уния» и был ее генеральным секретарем. К этому меня побудили международные коммунистические и супернационал-социалистические силы, в окружении которых находится Средняя зона Европы.

Вспоминаю, как на вечере в Большом театре по поводу наводнения в Ленинграде комиссар Луначарский выступил с длинной политической речью. Смысл ее в том, что, когда окончательно восторжествует Коммунистический интернационал, будет побеждена и сама стихия с ее наводнениями. Тогда во время антракта я обратился к моему коллеге, финляндскому посланнику Хазкелю:

– Мне ясно, что наступательное движение русского коммунизма опасно и для Финляндии, и для Балтийских стран.

Мне тут же, не задумываясь, поторопился ответить шведский посланник:

– А также для Швеции.

В. Хайденстам хорошо говорил по-русски, был прекрасно информирован в русских делах, советской обстановке, коммунистических планах и целях, настоящий человек на настоящем месте, многое предвидевший и безошибочно ставивший политические диагнозы. Его жена, англичанка, дочь бывшего петербургского фабриканта, была ему верной помощницей. Своих двух прелестных дочерей она воспитывала в Швеции, в Москве бывала наездами, так же как и моя жена.

В 1932 году, когда Хайденстам был уже посланником в Финляндии, мы с семьей, путешествуя на автомобиле по странам Балтии, вместе с ними справляли именины его прелестной дочурки, вспоминали Москву и размышляли о том, что было и не должно было быть.

Хайденстам любил спорт, и в воскресенье перед обедом ему ничего не стоило пробежать на лыжах 30 километров, хотя ему шел уже шестой десяток.

Однажды ранней весной в воскресный день, как тронулся лед, мы вдвоем с Хайденстамом переправились на лодочке через Москву-реку и прошли по лесам километров пятнадцать. С нами была моя собака, умный доберман Аргус. Когда мы были уже на середине реки, неожиданно она бросилась нам вдогонку. От раннего купания мой бедный Аргус получил ревматизм, и этот случай остался у меня в памяти. Теперь, когда я вижу, как порой страдает мой пес, я возвращаюсь мыслью к той весне, вспоминаю о шведском спорте и нашей переправе через реку на маленькой лодочке, которую моя собака хотела опрокинуть.

В шведском посольстве все было образцово примерно и строго, как в самой Швеции. Советником посольства был Б. Джонсон, теперь посланник в Риге.

Чехословакия была представлена в Москве господином Гирсой, знатоком России, особенно русского юга. Этот полуобрусевший чех с большими характерными усами запорожца по наружности и по характеру напоминал Тараса Бульбу, героя Гоголя. С ним у меня сложились самые сердечные отношения, мы очень часто встречались, поскольку жили по соседству.

Австрию вначале представлял посланник Отто Пол, который держался более обособленно от дипломатического корпуса. Впоследствии, когда его отозвали, он приехал в Москву журналистом. Его сменил Эгон Хайн. Он прибыл с женой, и сразу почувствовалось, что в Москве образовался маленький, но уютный уголок чудесной австрийской столицы, очаровательной Вены.

Наконец, самая удаленная южная страна Средней зоны

Греция. Ее представителем сначала был посланник Н. Маврудис, потом Н. Панурас.

Из американских стран до 1928 года СССР признала только Мексика, но и ее первый посланник Базилио Бадильо с женой и детьми жили одиноко и потом скоро уехали.

Вот общество моих коллег, иностранных представителей в Москве. Впрочем, были еще представительства Монголии и Тувы. Они держались совершенно обособленно, вдали от дипломатического корпуса, ничего общего с ним не имели.

Советская дипломатия

Конечно, к дипломатическому корпусу в Москве надо причислить и советских дипломатов. Самым важным и значительным из них был и остается в истории Чичерин. Его личность я уже достаточно обрисовал. Он добровольно, исключительно по идейным побуждениям отряхнул прах старого мира и стал коммунистом не из эгоистических соображений. Вот кого бы большевики едва ли осмелились обвинить в шпионаже, таинственных услугах иностранным государствам и их разведкам, как сейчас обвинили и расстреляли многих других.

В чем угодно можно подозревать советских дипломатов, только не в шпионаже, не в стремлении оказывать услуги капиталистическим странам. И совсем не потому, что они были не способны на такие дела и тяжкие компромиссы. Простой здравый смысл должен отвергнуть эти подозрения уже потому, что такие измены не принесли бы им никакой выгоды.

В самом деле, зачем Ваковскому, Крестинскому, Карахану, самым важным советским дипломатам, заниматься этим чрезвычайно рискованным делом, когда они могли жить и жили лучше любого начальника ЦРУ, любого руководителя гестапо? Такие вопросы можно задавать десятками, и, если рассуждать логически, ответы отрицательные. В чем же дело? Почему им предъявили такие бессмысленные обвинения? С какой стати они признали свою вину? Здесь и «зарыта собака». Не удивляйтесь, сознаваясь в «шпионаже», эти люди не возводили на себя никакого поклепа. Бесспорно, они занимались шпионажем, но это приказало политбюро, лично или через ГПУ.

Оно обязало их этим заниматься, и, например, Крестинский через своих агентов, несомненно, старался связаться с гестапо в Германии, а Раковский – с ЦРУ, как и все остальные выполняя волю и приказы политбюро в других местах и странах. Все это шло на пользу СССР. Даже такой маленький человек, как расстрелянный Штейгер, поддерживал связи с иностранными представителями, выполняя предписания своего начальства.

Потому странно и непонятно, почему ни один из подсудимых, позднее расстрелянных советских дипломатов, не разграничил на процессе свои отношения с иностранными секретными организациями, не указал, где кончались задания политбюро и начиналась собственная инициатива, то единственное, что могло быть впоследствии им предъявлено как преступление. Если бы это разграничение было четко проведено на суде, картина получилась бы совсем иная, только таким образом можно было

бы установить истину.

Но, конечно, это разъяснение не входило в задачи советского суда. Бывшие дипломаты, несчастные люди, пошли на поводу. Они могли прыгать, бегать вокруг поводыря по его желанию, но натягивать веревку не смели. А если кто-нибудь, неосторожно или из желания проявить инициативу, натягивал эту веревку, его сразу одергивали и душили мертвой петлей. Суд ставил вопрос в другой плоскости: «Говорите только о фактах и не смейте упоминать о причинах. Винитесь в том, что веревку натянули, но не смейте указывать ни на поводыря, ни на ваши законные и даже похвальные стремления сделать больше и лучше для самого поводыря, то есть для вашего начальства и, следовательно, для всего СССР».

Обо всем этом стоит говорить во имя справедливости, протестовать во имя совести, против поголовных обвинений в шпионаже, по существу, невиновных людей.

«Дело» Бирка и тут многое разъясняет, впрочем, не только оно, а и многие другие. Пройдет еще некоторое время, и то, что я сейчас говорю, раскроется с полной ясностью и горькой убедительностью. Как дискредитировали Бирка и других иностранных дипломатов в Москве, так сейчас дискредитируют и советских дипломатов. Тогда это было выгодно Коммунистическому интернационалу, теперь это понадобилось Сталину.

Вслед за Чичериным шел советский дипломат Литвинов. Личность достаточно известная. Удивительно, что при частых поездках за границу он еще не обвинен в связях с иностранными шпионами и не сидит на скамье подсудимых. Литвинов более податливый, умеет лучше и хитрее подходить к вопросам и лицам, предпочитает угождать, чем рисковать или, боже упаси, решиться на собственные желания или планы. Например, еще в декабре 1928 года свою политическую речь об иностранной политике он закончил словами Интернационала, конечно, в угоду слушателям, но никак не в пользу иностранной советской политики: «Это будет последний и решительный бой».

Литвинов делец, карьерист, бухгалтер, отсчитывающий на счетах, весовщик, вымеривающий и осторожно ставящий каждую гирю на чашу весов, косящий по сторонам бегающим взглядом. Он более всего похож на коммерсанта, фабриканта и менее всего на дипломата. Любит поесть, как замоскворецкий купец, сытно, плотно, тяжело. Помню комический случай, как во время визита представителя американской АРА мистера Уолтера Брауна в Ригу прибыл и Литвинов для переговоров с ним. В ресторане «Отто Шварц», где я обычно обедал, лакей потихоньку показал мне и

другим на Литвинова и рассказал, как советский комиссар, съев порцию жаркого, потребовал вторую. Правда, тогда это можно было объяснить общим голодом в Москве.

Но, как ни толкуй, выгораживая Литвинова, бесспорно одно: возглавлять громадное учреждение НКИД, где чуть не все высшие должностные лица оказываются шпионами, чести Литвинову не делает. Если знал, что его ведомство переполнено предателями, как же он их терпел? Если не знал, значит, слепец и не имеет права оставаться на столь ответственном посту руководителя иностранной политики. Одно из двух. Середины нет.

Тем не менее Литвинов человек со всеми человеческими слабостями и семьей. У него двое детей, сын и дочь, жена англичанка по рождению, воспитанию и многолетней жизни в Лондоне. Он их любит, но, когда уезжает по служебным делам за границу, семья остается в Москве. Жену никуда не выпускают из СССР.

Все остальные советские дипломаты, которых я знал, уже умерли или расстреляны, остались те, которых можно назвать кандидатами на посты этих людей, а возможно, и на их судьбу.

Из прежних дипломатов с многолетним стажем осталась одна мадам Коллонтай, посланница в Швеции. Правда, известна она, думается, больше своим опытом жизни, о ней почти всегда говорят как о женщине весьма широких взглядов на любовь, а не как о представительнице государственных интересов. Не могу забыть, как в Америке мой покойный товарищ, русский инженер Брониковский, беспощадно ругал Коллонтай. Рассказывал, как в начале войны она ехала в Америку на одном пароходе с его молодой женой и всю дорогу развивала мысль о беззапретности чувств, своевольного и радостного права женщины на совершенно свободную любовь. И в Москве о Коллонтай декламировали веселые стишки.

Она была хорошо знакома с генералом Сапожниковым, главным представителем русских военных учреждений в Америке. Однажды на приеме у Чичерина – Литвинова я ее спросил о судьбе Сапожникова, она рассказала, что ей удалось спасти ему жизнь после того, как он вернулся в СССР. Относительно же его сыновей Коллонтай уже от себя скорбно пояснила:

– А мальчиков его я уже не могла спасти, они погибли.

Устраивала приемы и мадам Литвинова, точнее, всем заправлял от ее имени шеф протокольной части Флоринский. На этих вечерах были большие красивые музыкальные отделения, там было все, чем могла блеснуть артистическая Москва. И сама Литвинова на этих вечерах была отменно любезной хозяйкой. Очень воспитанная англичанка. В жизни она больше

интересовалась литературой, чем политикой, много читала, обладала вкусом к книге и сама писала, словом, производила впечатление культурной женщины Запада, и это подкупало всех, знавших ее.

Таков был дипломатический корпус в Москве.

Мой отъезд из Москвы

Мой резкий протест по поводу процесса Волфмана очень не понравился НКИД. В ответ и отместку тут же было дано распоряжение газетам начать кампанию против латвийского посольства, без санкций НКИД пресса ничего не имела права писать об иностранных представителях и представительствах. К общему изумлению, было опубликовано, что 11 февраля 1929 года в московском суде разбирался «спекулятивный процесс» латвийского коммерческого атташе Блументаля. Никто, в том числе и он, не знали, что такой процесс вообще состоялся. Если так, о нем власти должны были так или иначе известить посольство, не вести себя как дикари, поражая внезапностью. Это еще сильнее обострило мои личные отношения с советскими властями. Я резко протестовал, известил об этом инциденте моих коллег, не скрыл, что в данном случае совершенно неслыханное безобразие, и вообще не давал покоя советской власти, возмущался методами разделываться с чинами иностранного посольства по взбалмошной воле и большевистскому капризу. Тогда я уже определенно знал, что большевики хотят добиться моего отзыва. Они стали считать меня опасным для себя человеком хотя бы потому, что я, возможно, лучше других понимал советскую тактику и приемы возмездия.

Так, например, однажды в субботу мне позвонили из японского посольства, известив, что посол Танака хочет посетить меня. Вслед за этим позвонили из итальянского посольства с подобным известием, посол Черутти будет у меня в пять часов. Конечно, я тотчас согласился принять у себя обоих представителей. Думал, что Танака пробудет у меня не более получаса и, таким образом, представители пробеседуют со мной один за другим. Однако они просидели до семи часов, и скоро стало известно, что визиты обоих важных дипломатов очень взволновали ГПУ.

С его точки зрения в этом повинно «плохое поведение латвийского посланника». Неспроста же у него так долго находились два представителя больших стран. По мнению ГПУ, я должен был вести себя осторожнее, предусмотрительнее. Советские власти хотели бы большего почтения к себе, соответственно, я не должен был даже беседовать столь продолжительное время с моими коллегами. Вообще, в этом отношении надзор за нами был чрезвычайно тщательный. Следили, кто кого навещает, как долго продолжается визит.

Еще раньше, когда ко мне начал ходить советский гражданин,

дядя моей жены, я узнал, что в коллегии ГПУ был поднят вопрос и об этом. Советский гражданин был князем Кугушевым. Когда-то его имениями управлял комиссар Цюрупа. По этому поводу сам Дзержинский звонил Цюрупе и справлялся, верно ли, что какой-то бывший князь ходит к латвийскому посланнику и имеет также свободный пропуск в Кремль к Цюрупе. Цюрупа подтвердил это и сказал, что за князя ручается вполне, как за своего бывшего хозяина. Только тогда был дан приказ Кугушева не трогать.

Окончательно советское правительство взбесило подписание Латвией совместно с Польшей, Эстонией и Румынией так называемого «литвиновского протокола». Надо сказать, против этого весьма энергично действовал сам Литвинов. В советских верхах было решено любым способом, но немедленно «убрать» меня. Впрочем, это решение созрело еще раньше. Могут спросить: как я мог это знать? Ответ прост: больше всего на основании фактов, взятых в совокупности, сопоставляя их, я безошибочно решал эту несложную задачу. А фактов было много. Я писал уже о коммерсанте Т. За многие оказанные ему мной услуги он должен был бы чувствовать ко мне только благодарность. Но в Риге он стал действовать против меня. Информировал газеты, доносил о моем «слишком лояльном» отношении к большевикам. По своей недальновидности одна из газет начала печатать обо мне самые фантастические небылицы, требовать моего ухода. Правда, потом главный редактор, сам по себе вполне порядочный человек, стал задумываться и впоследствии об этом рассказывал мне. Ему было непонятно, чего добивался Т. своей информацией, тем более по происхождению он не латыш и никак не мог руководствоваться патриотическими чувствами к Латвии. Другая газета, владельцы которой имели с СССР коммерческие связи, в свою очередь, развернула против меня кампанию. Писали совершенно невероятные вещи, утверждали, что в Америке я присвоил какие-то общественные деньги, выпустил шпиона Ланге, защищал шпиона Бирка и т. и. Тотчас эти небылицы послушно начала перепечатывать и советская пресса. Установился неожиданный дружный и необъяснимый контакт между советской печатью и частью латвийских газет. Этот спевшийся хор в единодушном возмущении твердил о моих аморальных качествах и поступках.

«Дипломатическая» икра

Однако атакующим этого оказалось мало. Надо было во что бы то ни стало раздобыть компрометирующие меня факты. Рассуждения и догадки об американских деньгах, о моей защите шпионов были призрачны и зыбки. Требовалось нечто более реальное, осязаемое. Случай представился. Владелец известного в Риге ресторана «Отто Шварц» и лучшего гастрономического магазина, мой друг Юргенсон, снабжавший меня и наше посольство в Москве продуктами, обратился ко мне с просьбой содействовать ему в получении икры прямо из Москвы, притом наилучшей. Свою просьбу он мотивировал тем, что в Риге хорошей нет, а та, которую предлагают многочисленные служащие советских учреждений, ввозится без пошлины, поэтому для торговли она неприемлема, как контрабандный товар. Конечно, я с удовольствием помог ему в этом пустяковом деле. Я дал соответствующее распоряжение помощнику коммерческого атташе, у него имелись знакомства в рыбном тресте, и он должен был достать для меня килограммов сорок лучшей икры. Она принадлежала к группе товаров, свободно вывозимых за границу, и достать ее не составляло никакого труда. Атташе заявил, что икра нужна для самого посланника, и получил наилучшую. Она и была отправлена в Ригу с секретарем Виграбсом. Я строго наказал, чтобы икру сдали в багаж отдельно и багажная квитанция была передана в Риге Юргенсону. Другими словами, секретарь, багаж которого не облагался пошлиной, не смел взять ее по прибытии в Ригу, и ее, уплатив пошлину, должна была получить фирма Юргенсона. В сущности, все так и было сделано. В Москве секретарь сдал ящик вместе со своими книгами и получил общую багажную квитанцию. В Риге он забрал книги с соответствующей отметкой на квитанции, а ящики с икрой оставил. Квитанцию с отметкой, что два ящика уже взяты, он передал Юргенсону, и его фирма без труда, уплатив пошлину, получила икру.

Агенты ГПУ усмотрели в этом прекрасный случай для нового дела. Они решили, что икра не была обложена латвийской пошлиной, надо сказать, очень высокой, и стали действовать соответствующим образом. Об этом известили члена латвийского сейма, некоего Эглита, впоследствии утонувшего в реке. Нашим посольством он давно уже был недоволен, поскольку оно не пускало его в Латвию как лицо, занимавшее во время революции пост комиссара в Казани. Но нашлись друзья, поручились за него, и его впустили в страну. Зол он был и лично на меня. Я на его

связи с большевиками смотрел очень подозрительно. У меня было для этого достаточно оснований, хотя Эглит иногда очень ругал большевиков, знакомый испытанный прием для отвода глаз. Приехав в

Ригу, он записался в партию так называемых «новохозяев» и, испытанный демагог, способствовал развитию этой партии. Пользуясь своей властью, точнее, захватив ее, вообразил себя неограниченным владыкой. Вдруг потребовал от таможенных чиновников произвести обыск в его присутствии в ресторане «Отто Шварц», чтобы найти контрабандную икру. Не нашли ничего. Тогда через несколько дней, вероятно получив новые инструкции, Эглит вторично произвел обыск и проверку счетов в конторе Юргенсона. Не вышло ничего и тут, фирма солидная и контрабандой не занималась. Конечно, обыск имел целью не Юргенсона, это были средство и повод придраться ко мне. Не дремал и НКИД. Вся эта история была ему на руку. Чтобы придать «случаю с икрой» некую значительность, обратить на нее внимание правительственных сфер, НКИД прислал посольству ноту, обвиняя «высокопоставленное лицо» в контрабандной торговле икрой. На эту наглость я ответил резким протестом. Факты, логические выводы явно и безоговорочно обличали НКИД и ГПУ, и я имел полное и совершенное право говорить с большой иронией, высмеивая оба учреждения. Жаль, сейчас я не могу опубликовать этого документа. НКИД своей нотой сам себя загнал в угол, она во всех смыслах была самоубийственной. Конечно, озлобление против меня возросло еще больше. НКИД и ГПУ решили после стольких неудач выбрать жертвой мою жену, лишь бы подстроить явный скандал, связанный с моим именем, уничтожить меня морально.

Задержание дипломатического багажа

Дело было так: после никому не известного «судебного процесса» нашего коммерческого атташе Блументаля НКИД потребовал его немедленной высылки за пределы СССР. Он даже не успел собраться. Прошло недели две, и в Ригу поехала моя жена. Сослуживцы коммерческого атташе, у которых Блументаль оставил вещи, очень просили моего разрешения отправить их в багаже моей жены. Всех вещей было около 350 кило. Я, конечно, согласился, к этому меня обязывал и мой долг. Жена уехала, с ней были отправлены и вещи атташе. На другой день, к общему невероятному удивлению, я получил телеграмму от жены и из министерства иностранных дел в Риге. Багаж на границе задержали, и в Ригу она приехала без него.

Советская пограничная таможня потребовала открыть багаж, на что моя жена, совершенно правильно, ответила категорическим отказом. Поезд был задержан на два часа, все это время таможенные чиновники старались вырвать от жены разрешение вскрыть багаж, но напрасно. На другой день я попросил аудиенции с членом коллегии НКИД Стомоняковым, в ведении которого находились Балтийские страны и через которого проходили все эти дела.

Я был очень рассержен, возмущен, у нас произошел следующий разговор:

– Я пришел к вам с большими претензиями. Хочу знать, на каком основании задержан багаж моей жены, почему НКИД были даны инструкции задержать его?

– Так вопрос ставить нельзя, мы не давали распоряжение. НКИД не может давать предписаний таможенным пограничным властям.

– Но тогда вы сами нарушаете права дипломатического корпуса, ибо в вашей же инструкции о правах дипломатического корпуса сказано: «По всем делам, касающимся сих лиц, в случае совершения ими какого-либо проступка или преступления, надлежит, не применяя к ним никаких мер в отношении их личности или имущества, обращаться в НКИД. Также багаж, следующий с дипломатическим лицом, не подлежит осмотру».

– Нам трудно сказать сейчас, почему это делали таможенные власти и какими психологическими мотивами руководствовались. Должно быть, им показалось странным, что ваша жена имеет двадцать два пуда багажа.

– Мне нет никакого дела до психологических мотивов ваших пограничных властей, ибо их психология совершенно непонятна.

Я требую решительного ответа: почему такое незаконное исключение сделано в отношении моей жены?

– У нас есть сведения, что это багаж не вашей жены, а коммерческого атташе Блументаля.

– Не будем разбираться в принадлежности багажа, я ставлю вопрос формально: на каком основании задержан багаж моей жены?

– Почему вы не хотите признать, что это багаж не вашей жены? Ведь тогда мы бы его вскрыли, и дело сейчас же было ликвидировано без всякой огласки.

– Прошу не указывать на неудобства огласки. Я сам придам этому делу широкую огласку и доведу до сведения всего дипломатического корпуса, чтобы знать, в каком бесправном положении может оказаться дипломатическое лицо в СССР.

Стомоняков начал, в свою очередь, ссылаться на то, что где-то был задержан также и багаж итальянского посла. Эта ссылка меня, конечно, не удовлетворила. Я не уступал. Дня через два от таможенного управления пришло уведомление, адресованное «гражданке Озолс». Я ответил, что в посольстве «гражданки Озолс» нет, а есть жена посланника мадам Озолс, и уведомление принять отказался.

Вещи мы получили назад. Я назначил комиссию из троих служащих, в том числе и чиновницы, которая сама упаковывала эти вещи, чтобы они сами открыли ящики и посмотрели, что в них. У меня было предположение, что в эти ящики они сами что-нибудь подкинули, поэтому и добивались их вскрытия сначала на границе, потом в Москве в присутствии специальной комиссии. Если бы жена позволила вскрыть ящики и там обнаружили контрабанду, скандал, конечно, удался бы на славу. Этого только и добивались советские власти. Из-за этого и был поднят весь этот переполох, этим продиктованы настояния таможни. План провалился. Мои служащие, особенно та, которая упаковывала перед отправкой все вещи, определенно констатировали, что ящики были все-таки вскрыты и вещи перепакованы. Итак, организованный против меня скандал стал скандалом для нкид И ГПУ, чего они, разумеется, не предполагали, надеясь, что моя жена уступит и согласится открыть багаж для досмотра.

Five o'clock в посольстве

Все яснее и яснее становилось, что больше в Москве я оставаться не могу и надо готовиться к отъезду.

Уже в конце 1928 года министр-президент Юрашевский предложил мне пост посланника в Варшаве. Я согласился, но просил его подождать, потому что на меня все еще продолжали нападать, могло сложиться впечатление, что большевики и их сообщники меня убрали. Но и тут меня едва не подсидели. Распространился «екофиуиальный» слух, переданный министру-президенту, что Польша не хочет меня в качестве посланника. Я решил это проверить и рассказал обо всем польскому посланнику в Москве Патеку, который был личным другом Пилсудского. Патек сразу и категорически опроверг эти вздорные слухи, но все же захотел их проверить. Он поехал в Варшаву, обещал лично переговорить с Пилсудским и прислать мне условную телеграмму: «Madame, va Ыеп» («Мадам, все хорошо»). Через некоторое время я получил такую телеграмму. Стало ясно, и тут интриги и подвохи.

Тем временем в Латвии образовался новый кабинет министров, памятный тем, что министр иностранных дел Балодис, бывший посланник в Литве, отличался слишком большой осторожностью, граничившей с панической боязнью. В моменты политических осложнений и обострений он совершенно терялся, не знал, что делать, а потому другие, посторонние и даже враждебные силы могли влиять и руководить им без особого труда. Опасаясь нареканий, хотя бы только мерещившихся, Балодис предложил мне подать в отставку, забывая о престиже страны и ее представителя.

Я собирался уехать в начале мая. По случаю отъезда у нас с женой начались многочисленные прощальные обеды. Я был бы неблагодарным и непамятливым, если бы забыл эти дни, сочувствие моих коллег, их трогательные обращения к нам и с нами, их внимательность и возмущение всем, что было проделано с нами в Москве. Они хотели как можно крепче запечатлеть нашу долгую дипломатическую дружбу, которая в данном случае была воистину сердечной и вполне искренней. Жена моя получила много подарков. Персидский посол Ансари и его жена подарили ей старинное кружево, тонкой работы ящик. Мадам Шоу поднесла украшение для стола собственной работы. Не забыл меня и французский посол, я получил от него старинные фарфоровые часы. Тогда, за отъездом графа Брокдорф-Ранцау, обязанности старшины дипломатического корпуса исполнял посол Эрбетт.

Поэтому, чтобы показать дружную атмосферу, в которой жил тогда в Москве наш дипломатический корпус, приведу в подлиннике письма Эрбетта и мои ему.

Эрбетт писал:

Moscou, le 26 Avril 1929.

Mon cher Ami,

Ma femme et moi, nous vous demandons de vouloir bien accepter, pour Madame Ozols et pour vous, ce petit souvenir qui vous rapellera les heures dont nous garderons nous-mêmes le plus fidèle souvenir, les heures que nous avons passées tous ensemble ici.

Votre départ à tous deux est pour nous un profond chagrin. Notre consolation est de penser que l'amitié qui lie nos deux ménages subsistera, et que nous nous retrouverons. C'est dans cet espoir que je vous prie de présenter à Madame Ozols, avec les plus affectueux souvenirs de ma femme, mes respectueux hommages, et d'accepter pour vous-même l'expression de mon invariable attachement John Herbette[13].

Мой ответ:

Moscou, le 27 avril 1929.

Bien cher Ami,

Ma femme et moi, nous avons été profondément touchés du magnifique souvenir que Madame Herbette et vous avez bien voulu nous envoyer hier, comme signe de la sincère amitié qui nous unit, amitié qui subsistera toujours entre nous.

L'ancienne et précieuse pendule que nous avons reçue et qui ornera notre appartement nous rappellera que le temps passe, mais que notre amitié restera toujours aussi sincère qu'elle l'a été jusqu'ici.

A moi, elle me rappellera votre travail exceptionnel à Moscou qui, comme une pendule en marche, contribue au bien-être, non seulement de votre chère patrie, mais de l'humanité entière.

Madame Ozols et moi, nous sommes heureux et fiers d'avoir des amis comme Madame Herbette et vous.

Nous avons l'espoir de vous rencontrer encore dans la vie, et soyez persuadés que ces rencontres seront pour nous une grande joie. *Ch. Ozols*[14].

Прекрасный подарок Эрбетта и сейчас украшает мой рабочий кабинет, я иногда подхожу и читаю записанные в фарфоровую книгу, изображенную на этих часах, слова: «Le temps s'enfuit pourquoi le regretter, malgré la perte volage, qui nous force à le quitter, en faire usage c'est l'arrêter»[15].

Если не все, то многие знали о той борьбе, которую мне пришлось вести в Москве и Риге, все были на моей стороне, каждый поддерживал меня как мог. Еще начиная работу в Москве, я присылал розы из моей латвийской усадьбы в подарок дамам и Чичерину. И теперь на этом последнем московском вечере тоже хотел, чтобы были розы, как можно больше роз. Я делал это с особым умыслом, о котором едва ли могли догадаться участники вечера. Умысел невинный, символичный. Я хотел, чтобы розы, как высшая красота природы, олицетворяли ту душевную красоту, которую выказали мне гости и друзья. Чтобы чистота этих цветов напоминала нашу общую работу и цели, к которым мы всегда стремились, чистоту и красоту, о которой Достоевский сказал: «Красота спасет мир».

В общей атмосфере предательства, подлогов, нападок из-за угла, которые организовало ГПУ во главе с величайшим бандитом Ягодой, как Москва его впоследствии величала при поддержке НКИД, это особенно хотелось подчеркнуть. И действительно, когда все дамы с розами в руках танцевали в большом зале посольства, взору представала красивая картина общего единения и воодушевления. Тут были и слезы, и поцелуи, и открытый протест.

Но ГПУ и НКИД, поняв, что я не только не уничтожен, а, наоборот, становлюсь для них еще более неудобным, готовили мне проводы совершенно другого характера.

Когда я впервые приехал в Москву как посланник, две посольские комнаты стояли без подходящей мебели. Я просил правительство отпустить кредиты на ее покупку. Мне отказали, мотивируя тем, что посланник, по желанию, может купить мебель за свой счет. Я так и сделал. Теперь, уезжая и не желая разрушать меблировку посольства, я снова предложил приобрести мебель, но и на этот раз получил отказ. Пришлось взять эту мебель с собой. Ее упаковку я поручил московской фирме. При этом присутствовал и советский таможенный чиновник, чтобы наблюдать, что именно я увожу с собой. Тем не менее за неделю до отъезда я получил тревожную весть. Служащий латвийской концессионной фирмы в Москве по секрету сообщил, что один чекист сказал ему о каком-то скандале, готовящемся для посланника. Я насторожился. На основании опыта меня осенила мысль, что по дороге в мой багаж могут подкинуть что-нибудь компрометирующее. Ничего другого я предполагать не мог, ибо все предусмотрел. Я стал советоваться с коллегами, как быть. Норвежский посланник Урби, большой знаток протокола,

посоветовал поставить на все вещи печать посольства. Я так и сделал.

Проводы на Балтийской вокзале

Я попросил свое правительство прислать мне в Москву латвийский салон-вагон. Я был до такой степени, конечно сдержанно, озлоблен, что не хотел ехать в советском вагоне. Для этого у меня было много оснований, к тому же понимал: лишняя предосторожность в этом путешествии не только не помешает, но может оградить от непредвиденного сюрприза. Вагон прислали, и 2 мая к вечеру мы с женой оставили Москву. Провожать нас приехал весь дипломатический корпус во главе с послами и посланниками. Никогда еще моя жена не получала столько роз, как в этот день на Балтийском вокзале Москвы. Наш салон-вагон утопал в них, особенно большой букет поднес турецкий посол. «Как хороши, как свежи были розы!» – вспоминались слова Тургенева.

Дипломатический корпус подчеркивал, что в этих проводах он единодушен с нами, как ни были грозны и грязны уже совершенные и еще готовящиеся Советами козни против нас.

Такие дни и минуты не забываются. В мрачной Москве, среди притаившейся и открытой вражды, тяжело было работать, каждый день сулил новые нападки, нежданные западни. В час проводов я почувствовал, как с моих плеч сваливается груз и временные огорчения тают и рассеиваются. На душе становилось легко и светло.

Дипломатическая нота

Готовясь к отъезду, я все время был занят составлением большой ноты советскому правительству. Она охватывала все главные события, связанные с нападками и выходками советских властей, была подробна и пространна, напечатанная на 28 больших листах.

«Нота Народного комиссариата по иностранным делам от 25 марта с. г. 27 начинается заявлением. Вербальная нота Латвийской миссии от 14 марта с. г. за 1036 написана в таком неуместном и необычайном для дипломатической переписки тоне, в каком Народный комиссариат по иностранным делам предпочел бы не общаться в дальнейшем. Это обстоятельство вынуждает Латвийскую миссию остановиться, прежде всего, на том исключительно редком, а поэтому действительно необычайном в дипломатической переписке упреке, который содержится в только что упомянутом заявлении Народного комиссариата по иностранным делам.

Латвийская миссия считает, что в дипломатической переписке о тоне какой-либо ноты позволительно судить лишь на основании текста и точного смысла самой ноты. Народный комиссариат по иностранным делам, однако, не указал на те выражения или особенности текста Латвийской ноты, на основании которых он счел возможным в столь категорической форме поставить в упрек Латвийской миссии неуместный и необычный тон ее ноты. Сравнивая же ноту миссии от 14 марта с нотами Народного комиссариата по иностранным делам, Латвийская миссия должна констатировать, что, в то время как в ноте Народного комиссариата по иностранным делам говорят о «произвольных» заключениях миссии, ее «неуместных», «недопустимых» попытках, усилиях «опорочить органы Союза» и т. д., подобные или аналогичные выражения, являющиеся действительно несколько необычными в переписке между дипломатическими органами двух дружественных государств, отсутствуют в ноте Латвийской миссии от 14 марта.

По вышеизложенным мотивам Латвийская миссия решительно отклоняет упрек в неуместном и необычном тоне вышеуказанной ноты».

Эту ноту НКИД читал тогда, когда я был уже в дороге. Она была так неприятна для советских властей, что, мне это известно, они предлагали освободить арестованных латвийских граждан, если эту ноту латвийское министерство иностранных дел согласится взять обратно. Конечно, предложение было

отвергнуто, уступки не сделали, нота осталась в Москве.

На другой день, выспавшись, отдохнув, я, по обыкновению, стал наблюдать через окно вагона и любоваться, как просыпается природа. Она уже начала одеваться в ярко-зеленые одежды, и мне вспомнилось, как в 1915 году, целых четырнадцать лет назад, в разгар войны, я впервые покидал Россию. Глядя тогда в окно финляндского вагона на божественно уснувшие поля и леса, покрытые белым саваном, я мечтал о светлых судьбах человечества и желал ему проснуться для новой счастливой жизни. В свой дневник я записал:

«3 мая. Москва покинута, может быть, навсегда. Береза, это дивное дерево севера, начинает покрываться зелеными душистыми листьями. Трава неудержимо рвется на поверхность из-под земли и покрывает оставшуюся грязь земли. Везде и всюду видно много детей, босых малышей, плохо одетых. Они, как эта весенняя молодая травка, вырастут и сметут грязь, в которой задыхается вся Россия.

Русский народ, как эта береза, свой голый зимний вид переменит на цветущий покров.

Прими, Россия, последний мой прощальный привет, я был и останусь твоим другом».

Скандал с мпим еагажпм

Поезд подошел к границе. Я ждал, что же произойдет с моим багажом. Ведь меня еще в Москве информировали, что должны случиться неприятности. К моему великому удивлению, советские пограничные власти на сей раз очень корректно мне поклонились и отдали честь уезжающему посланнику, ничего больше не произошло. И на латвийской границе все прошло гладко. Но здесь я лично распорядился, чтобы все вещи с посольскими печатями были направлены на латвийскую таможню. Сделал я это намеренно, чтобы потом меня не обвинили в снятии печатей. Ставить их, как полномочный министр, я мог сколько угодно, но в Латвии их снимали другие люди. Совершенно спокойно мы прибыли в Ригу. Был поздний вечер, я велел проводнику вагона оставить вещи до утра. Помня секретное предостережение агента ГПУ, я хотел быть до мелочей внимательным и выполнить все формальности. Вдруг в мой вагон врывается несколько человек во главе все с тем же Эглитом. Они захватывают силой все мои вещи и уносят в таможенное отделение. Мои протесты оказались напрасными, служащие подчинялись только Эглиту, как члену парламента, то есть совершали беззаконие, как совершал его он. Я подошел к Эглиту:

– Должно быть, вы сами не понимаете и не знаете, что делаете, но прошу мне верить, вы сейчас, возможно невольно, действуете как агент ГПУ. Немедленно прекратите это безобразие.

На миг смутившись, он дал поразительный ответ:

– Я высшая власть.

Я с презрением от него отвернулся и бросил ему несколько слов, здесь их не могу даже написать.

Три дня осматривали и выворачивали мой багаж, не могли найти, к чему можно было бы придраться. В багаже было несколько старинных икон, которые и сейчас висят у меня в кабинете. Но бульварная пресса подхватила этот инцидент, выдумывала и приводила самые диковинные небылицы. Москва все это немедленно и услужливо перепечатывала уже в официальных «Известиях» и в органе партии «Правде». Оттуда распространяла дальше заграничная пресса. Слона делали даже не из мухи, а из ничего. Москва называла меня миссионером, спекулянтом, контрабандистом, бандитом, известным мошенником, вором, словом, лексикон клеймящих ругательных слов был исчерпан до конца. А все эти хамские строки снова перепечатала латвийская бульварная пресса. Получился

настоящий котел ведьм. ГПУ и НКИД никак не могли отказаться от своей цели меня уничтожить, «добить противника до конца». Конечно, и тут министр иностранных дел Балодис растерялся уже совсем. На категорические требования сообщить, что мой приезд и провоз вещей произошли в полном согласии с законом, я не виновен ни в чем, он, страшась и озираясь, ответил:

– Я не могу вмешиваться в партийную (?!) борьбу.

На это я ему сказал:

– Вы сами пожалеете обо всем, что сейчас делаете, – и высказал сожаление, что существует такой министр иностранных дел. Это были слова естественного законного негодования. Я оказался прав, угадал: вскоре Балодис сошел с политической сцены навсегда.

Когда после тщательного досмотра всех вещей у меня ничего контрабандного не нашли, выставили «вообще» обвинение в том, что я привез в Ригу вещи, а в наложении печатей на них усмотрели чуть ли не государственную измену. Трудно поверить, за разрешением этого вопроса обратились даже в сенат. Конечно, там не нашли решительно никаких признаков незаконности, и дело прекратили. Эта история до крайности возмутила весь дипломатический корпус в Москве. Я получил массу писем, критикующих тогдашние порядки в Латвии. Эстонский посланник Сильямаа писал[16]:

«Как в Москве, так и у нас в дипломатическом корпусе Эстонии никто не сомневается, что Вы являетесь невинной жертвой. Дипломаты вообще не могут понять, как какой-то член сейма может безнаказанно командовать таможенными чиновниками. Меня спрашивают: не является ли он председателем какого-нибудь латвийской ЧК? В Москве никто из дипломатического корпуса не сомневается, в деле нужно искать руку Москвы, все жалеют, что Латвия себя таким образом скомпрометировала. Все дипломаты обещают написать своим правительствам в том смысле, что Вы жертва интриг. Никто из корпуса не может понять, в чем тут преступление? В том, что Вы поставили печати? Но ведь это печати не чужого государства, а вашего, которые снять имеет право только латвийское правительство через своих же агентов. Урби мне говорил, что он советовал вам это сделать во избежание «сюрпризов». Он говорил, что всегда так поступают, и Артти (финляндский посланник), с которым я вчера беседовал, говорил, что думает то же самое. Одним словом, все отказываются понимать. А если бы не было печатей, многие убеждены, Вы приехали бы с «сюрпризами» со стороны советских властей. Эрбетт, Черутти, Шоу, Урби, Патек и т. д. все жалеют, что ваша печать то и дело льет воду на

советскую мельницу»[17].

Французский посол Эрбетт отозвался в тех же тонах.

Все шли и шли сочувствующие письма, и, между прочим, посол С. писал:

Je continue à ne pas comprendre comment on a pu songer un instant à vous accuser d'actes contraires aux lois ou aux usages et je ne suis pas surpris que la justice de votre pays ne trouve rien à vous reprocher. Tous ceux de nos collègues, qui vous ont connu sont du même avis. J'ai même entendu porter des jugements sévères à l'adresse de votre gouvernement, auquel on reproche de ne pas avoir tenu tête immédiatement à la campagne dirigée contre vous. Sans que je me permette en rien d'intervenir dans des choses qui ne me concernent pas, je dois avouer que l'on rendrait un véritable service au prestige extérieur de votre pays si l'on en finissait une bonne fois avec toutes ces absurdes et vilaines histoires et si l'on vous donnait un nouveau poste qui fut à la hauteur des grands services que vous savez rendre à votre patrie[18].

Я надеюсь, мои друзья простят меня за то, что я поместил выдержки из нескольких писем, которые освещают и дополняют картину скандала с моим багажом. Я чрезвычайно благодарен всем за их редкое, удивительно отзывчивое отношение ко мне. Но и помимо психологического значения эти письма ценны здесь потому, что без них, без огласки этих откликов, все мои утверждения могли бы стать не столь убедительными, то есть надо мной мог бы совершиться суд без свидетелей оправдания.

Тут я не могу не вспомнить и президента США Гувера, который тогда, в разгар всей этой скверной истории, прислал мне привет, о котором я, впрочем, упоминал раньше.

Обо всем этом можно было бы не писать, махнуть рукой, но только в том случае, если бы это касалось меня лично. Но это не так. Важен не только я. Моя история имеет гораздо более широкий общий интерес, более серьезное значение. Тут была определенная цель, касающаяся всех. Всеми силами, средствами, способами дискредитировать неподатливого дипломата, по возможности деморализовать его, снизить и ослабить его самостоятельность, подорвать независимость. Но и это не конечная цель. Главная задача – подготовить почву для победы и торжества Коммунистического интернационала. Об этом мечтали большевики, это была их сладкая надежда, путеводная звезда. Из этих мечтаний и надежд ничего не вышло, результаты получились обратные. Они бессознательно сами, своими руками, своей пропагандой создали в Европе авторитарные государственные

режимы. Они не учли и забыли старый неоспоримый закон, гласящий, что всякое действие рождает противодействие, и оно вспыхнуло сначала в Италии, потом в Германии и других странах. Большевики, и никто другой, породили вместо демократических правительств автократические. Это их заслуга, ее впишет в свои анналы беспристрастная история.

После Москвы

Почти весь 1929 год прошел в диких нападках на меня. Наступил 1930-й. Политические партии, будто ослепленные, продолжали грызться между собой, не понимая, что это как раз то, чего хочет Москва. Я уже отдохнул, мог оценивать недавние события моей жизни как прошедший день и считал своим долгом высказать открыто то, что думал и как оценивал события и людей. Своим поведением, чисто бандитскими нападками на меня как на бывшего посланника большевики освободили меня от каких-либо обязательств перед ними. Даже от тех, которые вытекали из моего положения дипломата и которые заставляли поэтому иногда умалчивать о многом неприятном, наоборот, все доводы разума и справедливости были за то, что я не смел и не должен был молчать. Я написал статью «Разрушительная работа». Вопрос о Балтике и СССР разбирал совершенно объективно и называл вещи собственными именами. Между прочим, в статье говорилось:

«Каждого, кто хотел или хочет утверждать, что Балтийские страны, отдельно или совместно, готовятся напасть на Советскую Россию, мы назвали бы, мягко выражаясь, наивным или ничего не понимающим человеком. Но если, несмотря на все, вопреки очевидной истине, коммунистические вожди и их руководящие органы это утверждают, где же логика? Где хоть одно фактическое доказательство, что Пуанкаре и Бриан и их последователи, торжественно объявившие невозможность интервенции до тех пор, пока они у власти, и эти государственные деятели чем-нибудь нарушили бы свою декларацию? Будем откровенны и ответим прямо: все это нужно, чтобы сеять вражду и междоусобицу, вуалировать свои настоящие цели. Вот почему мы и наши соседи, близкие и дальние, должны знать и помнить, что мы находимся под одной и той же угрозой. Нам уже объявлена война, только без военных орудий. Эту войну обозначают четыре слова: децентрализация, дезорганизация, деморализация и дискредитация.

На своем хозяйственном фронте Москва объявила план «пятилетки», главной целью и здесь было реконструировать СССР так, чтобы деконструировать Западную Европу, а частично и Америку. Первые граждане Франции Пуанкаре и Бриан в советских газетах именовались «кровавыми собаками» только потому, что их нужно было дискредитировать в глазах несознательных слоев народа, а через них и весь капиталистический мир. Так и Чемберлена с той же целью носили

во время всех шествий и парадов повешенным, или горящим на костре с цилиндром на голове, или привязанным к позорному столбу. С неимоверным, недопустимым цинизмом издевались и над английским королем. Вопрос, кто поручится, что следующая война не будет такой же, как прошедшая, кто решится отрицать, что война, которую я обозначаю четырьмя словами, не будет решающей? И ясная, определенная политика без боязни, честная и открытая, должна ликвидировать эти четыре орудия коммунистической войны».

Советская пресса на эту статью реагировала весьма запальчиво: «Наряду с иерихонскими трубами вождей антисоветских сил, наряду с Пуанкаре и Черчилем, вылезают из подворотен всевозможные шавки, стремящиеся присовокупить и свой визг к общему хору».

На это я ответил новой статьей «Привилегии большевизма – слабость мировой дипломатии». В ней очень наглядно, целым рядом убедительных примеров я доказывал правильность заголовка моей статьи и закончил так: «Европа начинает рисоваться в роли несчастной Маргариты, над которой Мефистофель забирает свою власть все больше и больше».

Когда потом я написал еще статью «Что Германия в Европе, то Япония в Азии» и уже тогда предвидел то, что происходит теперь, советская пресса по этому поводу разразилась такими ругательствами, что можно было только поражаться той близорукости международных политических вопросов, которой всегда неизлечимо хворал СССР.

На одном дипломатическом приеме в Риге я тогда сказал русскому полпреду А. Свидерскому, которого знал еще до войны:

– Алексей Иванович, передайте вашим в Москве, что у меня нет никакого желания с ними воевать. Но пусть они запомнят: на каждый выпад против меня в советской прессе я немедленно же отвечу статьей по какому-нибудь принципиальному важному для вас вопросу.

И что же? Москва оставила меня в покое. Я могу сказать, что большевики меня «подбили» и все же не «добили», морально не смогли уничтожить.

Так закончилась эта газетная война.

Письма генерала Миллера

В моих воспоминаниях был бы пробел, если бы я не отметил, что и после Москвы, помимо московских газет, меня всячески старались скомпрометировать. Подробнее эти вопросы я освещу позднее, если моим воспоминаниям суждено будет выйти в более полном объеме. Пока же отмечу, в 1931 году, на другой день после моего приезда в Париж, я получил следующее письмо:

«Милостивый государь Карл Вильюмович,

От адмирала М.А. Кедрова я узнал, что Вы изъявили желание повидаться со мной и переговорить по некоторым вопросам, касающимся положения в Советской России.

Я буду очень рад с Вами встретиться. Может быть, Вы найдете возможность заехать ко мне в субботу в три часа.

Примите уверения в совершенном моем уважении.

Е. Миллер.
Генерал-лейтенант
Евгений Карлович Миллер,
6, rue du Renard, Paris IV,
Париж, 7 мая 1931 года».

Это письмо меня очень поразило. Я решил, что все это не так просто, где-то тут кроется желание меня скомпрометировать. Конечно, я был далек от мысли, что в этом плане участвует сам генерал. Однако подозревал, на основании наблюдений и опыта, что около генерала много людей не совсем надежных, если не сказать больше. Да, я был убежден в том, что через адмирала Кедрова действует его знакомый, который, в свою очередь, от кого-то проведал, что бывший латвийский посланник хочет встретиться с Миллером, и понял: тут орудовал некий агент ГПУ. Конечно, ни М.А. Кедров, ни Е.К. Миллер ничего плохого не могли даже предполагать. Но что произошло бы, если бы я принял приглашение генерала? Совершенно уверен, об этом немедленно стало бы известно в Риге. Наши газеты первыми написали бы об этом, тотчас «информацию» с радостью перепечатали бы советские органы, словом, поднялся бы шум на весь мир. Конечно, эти обличительные статьи имели бы самые громкие язвительные заголовки. В них рассказывалось бы о том, как бывший посланник Латвии, приехав в Париж, тотчас нанес визит белогвардейцу Миллеру и как эта «обнаглевшая шайка» теперь орудует против России. Естественно, могли бы задать

вопрос, что именно я искал у генерала, и мое положение стало бы весьма неловким.

Сообразив все это, я ответил генералу:

«Глубокоуважаемый генерал.

Получил Ваше письмо, в котором Вы указываете, что узнали от адмирала Кедрова о моем желании повидаться с Вами для переговоров по некоторым вопросам о Советской России, и был немного удивлен, ибо не имел намерения тревожить Вас по этим вопросам и никому ничего не говорил.

Примите уверение в совершенном моем почтении и уважении».

Было неприятно посылать это письмо, не хотелось обижать генерала, однако я сделал это, движимый подозрениями.

Когда вечером ко мне в отель «Континенталь» пришел французский посол Эрбетт, я ему обо всем рассказал. Он одобрил мой поступок и познакомил с шефом французской секретной полиции, который случайно находился в этом же отеле. Тот высказался о моем несостоявшемся знакомстве с Миллером:

– Беда русских генералов в том, что они сами не знают, кто их настоящий друг, кто враг, кто агент.

Если бы Миллер, получив мое письмо, задумался, почему я так написал, возможно, стал бы более осторожным и не пал жертвой политического бандитизма, как это случилось с Кутеповым и многими другими. Простота, доверчивость, излишняя бесконтрольная вера в людей всегда были и будут плохими помощниками в политической борьбе.

Балтийская уния

Я решил, что гораздо более важно заняться созидательной работой, а не газетной войной, хотя и она затрагивала весьма серьезные и принципиальные вопросы.

Против децентралистических стремлений Москвы и Берлина по отношению к Средней Европе я начал организовывать союз государств самого севера Средней зоны Европы под названием «Балтийская уния». В него входили все малые и средние государства Балтии: Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания.

Я остановился на них потому, что у них нет спорных вопросов, которые нельзя было бы решить мирным путем, нет стремления расти одному за счет другого. Они, каждое по-своему, могут чувствовать себя спокойными и великими просто по своему духу. Конечно, это был чисто платонический союз, созданный с целью пропагандировать объединение Средней северной зоны Европы.

Лозунг союза – La mer Baltique nous unit, rien ne nous sépare («Балтийское море нас соединяет, а не разъединяет»).

Цель мы формулировали так: Pour encourager Ia coopération des peuples riverains de la mer Baltique basée sur la justice et l'honneur et avancer leur consolidation en vue de la protection des intérêts communs («Поощрение сотрудничества народов бассейна Балтийского моря, основанного на справедливости и чести, продвижение их консолидации с целью защиты общих интересов»).

Этот лозунг и формула, определяющая наши цели, писались на всех языках стран унии на первой странице бюллетеня, который мы начали издавать. Мы помещали в них еще и географическую карту этих семи государств с Балтийским морем в центре.

Как генеральный секретарь унии, я в сопровождающем бюллетене писал:

«Хотя и в природе, и во всей Вселенной происходят различные катастрофы, говоря сравнительно, они так малы, что можно сказать, там царствует полная гармония и вечный мир. Можно было подумать, что и между людьми, как высшими существами природы, между народами и государствами должна существовать еще большая гармония, царить мир. К сожалению, мы видим иную картину. Если природа – сама правда, то человек, рожденный по образу и подобию Божию, должен искать эту правду, чтобы с ее помощью достичь необходимой гармонии и

идеалов, мира, благополучия и общего содружества.

Но искание правды порождает борьбу, часто сопровождаемую многоразличными силами зла, враждебно и разрушительно действующими на отношения между народами и государствами. Благодаря этому сами народы идут по роковому пути к собственному снижению и даже уничтожению.

Сейчас весь мир можно разделить на два враждебных лагеря. С одной стороны – демократизм и свобода личности, желание укреплять их на принципах чести и справедливости, с другой стороны – коммунизм с его трансформациями и ответвлениями, вроде национал-социализма. Естественно, появляется вопрос: неужели человек, наделенный высоким сознанием и чувством справедливости, чести, права, началом, положенным в основу Лиги Наций, не способен создать другую, более одухотворенную жизнь, победить столь вредящее ему зло?

Мы убеждены: это возможно. Надо только организовать и реорганизовать взаимоотношения народов. Поэтому мы и основали Балтийскую унию, задачи которой декларированы на ее торжественном открытии.

Мы должны искать надежные пути честного сотрудничества суверенных государств, окружающих Балтийское море».

На торжественном открытии присутствовали президент государства А. Квиесис, весь дипломатический корпус. Бывший президент Г. Земгалс прочел основные принципы нового общества:

1. Лишь на основе чести и справедливости, твердых началах Лиги Наций, созданное сотрудничество государств и народов может внести гармонию между странами и привести человечество к миру, благополучию и прогрессу.

2. В международном сотрудничестве эксплуатация должна быть заменена экономическим равенством.

3. Каждая страна должна развивать те отрасли производства, которые имеют естественное основание. Стремление производить у себя все сепарирует людей, возводит высокие барьерные пошлины, и, вследствие этого, народные хозяйственные организмы раздробляются, разъединяются и начинают слабеть.

4. Все международные договоры должны заключаться по принципу равенства.

5. Культурные связи между странами Балтийского моря, существовавшие издревле, должны и дальше успешно развиваться.

Я лично стремился прежде всего создать, точнее, поднять моральное значение подобного объединения. На торжественном открытии унии я выступил с рефератом о международном

положении Балтийских стран, завершив его словами: «Балтийская уния, как организация, рожденная одинаковыми стремлениями всех Балтийских стран, должна и поднимать свободный народный дух, стать эффективно динамичной силой, олицетворяющей идеалы чести, справедливости и права этих народов на общее сотрудничество».

Я всегда считал и считаю ненадежным все, что лишено определенных основ. Непонятно, как можно добиваться универсальности Лиги Наций, мечтать об этом, когда никто не ищет в разрешении международных вопросов основного начала для мирного сосуществования народов, когда не существует принципа, на котором стояла наша Балтийская уния, который лег бы в основание Лиги Наций. При всей широте задач, отсутствие принципа, твердого фундамента может стать особой комиссией при Лиге, изучающей вопросы мирного сосуществования. Это отсутствие и есть основной недостаток Лиги Наций, что может привести ее к распаду.

Я еще раньше указывал: надо создать специальную независимую комиссию из людей, воодушевленных этой идеей, заняться коренным, наиважнейшм вопросом, выработать основные принципы мирного сосуществования народов. В противном случае – шатание, неуверенность, компромиссы, окольные пути.

Человечество хворает. Как есть в природе бациллы, излечивающие самые страшные болезни, так, возможно, будет найдено и исцеляющее средство для мирного сосуществования. В возможность этого я глубоко верю. Это не греза, не напрасная мечта, а объективная реальность, которую я ощущаю. Если бы всему этому было положено начало, я лично без промедления с самым горячим энтузиазмом, искренней и глубокой верой принял бы участие в осуществлении этой идеи. А она так велика, заманчива и плодотворна, что на нее могли и должны бы отозваться все, кому дороги судьба и счастье человечества. Если американские миллиардеры широко поддерживают различные просветительские учреждения, много жертвуют на университеты, институты, клиники, почему бы им не задуматься о пожертвованиях на создание неотложных и важнейших сейчас в мире условий труда, устранения войн и вражды народов.

В марте 1934 года я выступил с двумя лекциями на эту тему. Одна лекция в Лондоне в Королевском институте международных дел «Russia, Germani and the Baltic States» («Россия, Германия и страны Балтии»). Другая лекция в Международной дипломатической академии Парижа «La situation internationale vue des Etats Baltiqes» («Международное положение, взгляд на

Балтийские государства»).

Цель этих выступлений – во что бы то ни стало искать новые пути, вырабатывать новые принципы мирной жизни народов.

Японский посол, председательствующий на моей лекции, отозвался о ней следующим образом:

«Monsieur le Ministre, J'ai grand plaisir à être l'interprète de nos collègues pour vous dire avec quel intérêt nous avons suivi votre belle conférence. Aussi bien pour les aspects politiques de la question que pour ses aspects économiques, vous nous avez apporté le fruit précieux de votre expérience: non seulement des faits et des opinions, mais de précieuses suggestions. Dans toutes ces richesses, chacun de nous trouvera de quoi nourrir ses réflexions; et nous vous en avons tous une vive gratitude. Il ne m'appartient certainement pas d'examiner, Monsieur le Ministre, les thèses que vous avez su nous présenter d'une façon à la fois si vivante et si claire: je laisserai à nos collègues le soin de les méditer et de les apprécier.

Cependant je tiens beaucoup à m'associer à certaines paroles de sagesse et d'apaisement que nous venons d'enten»[19].

15 мая 1934 года изменился латвийский государственный строй, и Балтийская уния, к сожалению, не могла уже продолжать свою работу.

С севера до юга. Объединенная Средняя зона Европы как гарантия всеобщего мира

Итак, работа унии прервалась, что, конечно, очень опечалило, но не переменило моих взглядов. Я только шире начал ставить вопрос. В Лондоне я закончил свою лекцию указанием, что настоящая Средняя Европа не есть Германия, как это старался доказать немецкий профессор Вирцинг и другие.

Средняя Европа – это государства, которые географически занимают именно территорию от Северного океана до Черного и Средиземного морей. Это Скандинавские и Балтийские страны, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Болгария, Австрия, Венгрия, Албания и Греция.

Потом я эту мысль стал углублять и 21 мая 1937 года прочел лекцию в Свободной школе политических наук в Праге под названием «La zone mediane de l'Europe, unie du nord au sud, comme la meilleure garantie de la paix générale»[20].

Я опять доказывал, как важно найти здоровые экономические основы для сотрудничества государств, создать и политический союз всех этих стран. Этот вопрос я считал одинаково важным и для Средней зоны Европы, и для СССР, и для других государств, поскольку они хотят или хотели бы жить и существовать в мире и согласии. Между прочим, я говорил: «16 государств, малых и средних, населяющих Среднюю зону Европы, с общей площадью почти три миллиона квадратных километров, с населением 130 миллионов, уже представляются как надежный противовес, с одной стороны, коммунистическим, с другой стороны, супернационалистическим стремлениям». Критикуя Россию, ее политику, я говорил: «Это была политика, о которой Советская Россия может только пожалеть, политика, не учитывающая будущих европейских возможностей. Советская дипломатия не подумала о том, что, пока существует угроза со стороны Германии (а она была всегда), отдельно или совместно с другими государствами, Средняя зона Европы, объединенная, нейтрально или дружественно настроенная по отношению к СССР, предстает чрезвычайно важным фактором безопасности самого же Советского Союза.

Это правильно и по отношению к Германии. Правда, здесь надо будет поставить вопрос иначе, пока для нее существует угроза, как она же сама утверждает, со стороны СССР, Германии тоже нужна сильная Средняя зона Европы, если немцы вообще не хотят эту зону уничтожить.

И наконец, эта сильная зона важна для всей остальной Европы и мира, чтобы удержать СССР и Германию от взаимной вражды и возможной в будущем чрезмерной и опасной, возможно, навязанной насильственной дружбы, о которой в историческом прошлом остались весьма печальные воспоминания, особенно у Польши».

«Если Австрия потеряла бы самостоятельность, Германия приблизилась бы к Адриатическому морю, в результате этого шага, при наличии националистического символа политической веры, весьма легко может появиться мысль и о германском коридоре к Адриатическому морю, подобно польскому коридору.

Здесь мне, знакомому с элементами механики, которая теперь стала весьма популярной в смысле разных политических осей, мнится ответ. Вы хотите или хотели бы надеть те или иные среднеевропейские государства на вашу ось и превратить их в колеса, возможно, даже в бандажи для ваших колес и ехать, куда и как вам угодно. В свою очередь, мы предлагаем коленчатый вал всей среднеевропейской зоны с севера до юга, от Финляндии до Греции. На этом валу среднеевропейские государства не вращаются и не скользят, как колеса, но, по мере своих сил, вращают собственный коленчатый вал, не катя чужую ось. Если к этому валу, одной из главных основ европейского (а значит, и всесветного) механизма мира, приспособить англо-французский маховик оси Париж– Лондон, с условием ее вращения на североамериканских подшипниках, то есть согласованно с Америкой, сила вращения такого простого механизма приняла бы настолько внушительные размеры, что мир Европы и всего света был бы обеспечен. Это ясно и очевидно, как ясны и очевидны элементы самой механики».

Я коснулся также вопроса о Лиге Наций, доказывая, что она не может быть универсальной, это пока утопия, но она может стать Лигой мира, совокупностью государств, которые все вопросы хотят решать мирным путем. Однако, поскольку пока не все государства так думают и этого хотят, понятно, не может быть и универсальной Лиги Наций. Раз так, пусть она будет даже мала, но пусть состоит только из государств, гарантирующих мир и желающих его вполне искренне. Все государства Лиги Наций должны будут действовать в общеполитических вопросах и их решать как один человек, без всяких споров и разномыслия. Я говорил: «Старые понятия о нейтральности, при наличии Лиги Наций, нужно рассматривать как явление совершенно ненормальное. Сила Лиги в том и заключается, что государства, ее члены, не только равны, но и несут одинаковую обязанность. Вся суть в слове «обязанность», «обязательство».

Эта лекция была распространена среди государственных людей, занимающихся мировыми проблемами. От многих я получил благодарность и лестные отзывы.

Если мировая война закончилась процессом дифференциации Средней зоны Европы, где каждое государство с весьма малыми, правда, отклонениями представляется, выражаясь математически, определенным дифференциалом, ясно, что эти дифференциалы легко взять под общий интеграл и получить определенную величину, объединенную Среднюю зону Европы.

Как в химии процесс соединения удается только тогда, когда завершен процесс раздробления и разделения, так протекает и этот процесс в жизни народов. Объединенная Средняя зона Европы как совокупность большого количества народов, около 130 миллионов, окруженных большими государствами, стремящимися к мировому владычеству, является реальной основой Лиги Наций мира. В этом и заключается громадный смысл и великая роль объединения Средней зоны Европы.

Если Советская Россия теперь значительно изменила свою политику по отношению к остальному миру, то тут есть и кое-какая моя заслуга. В этом смысле борьба, которую мне пришлось вести в эти годы, является положительным фактором, она дает мне немалое личное удовлетворение.

Точно так же и нынешний дипломатический корпус в Москве кое в чем мне обязан, если его больше там не тревожат, не донимают, как прежде. Москва пришла к убеждению, что «борьба», описанная в моих воспоминаниях, всегда была плохим помощником советской дипломатии.

И слава богу!

Куда идет Россия?

Вот вопрос, над которым задумываются сейчас не только сами русские, но и все, интересующиеся судьбами России, Европы и всего мира. Это проблема огромной важности, трудная задача со многими неизвестными и потому не поддающаяся решению. Ее можно решить только приблизительно, принимая некоторые неизвестные за известные.

Поскольку каждую главу мемуаров я кончал определенными выводами о положении СССР, мне хочется и здесь дать хотя бы приблизительное решение задачи.

Е[о своей природе человек имеет стремление идти к определенному месту по прямой линии. На самом же деле это стремление практически не может осуществиться, дорога с ее естественными препятствиями заставляет его проходить этот путь, уклоняясь то в одну, то в другую сторону от прямой линии.

То же и в жизни государства.

Ни одна страна не может идти по пути, по которому хотела бы. Внешние и внутренние силы заставляют ее подчиняться тому же закону природы. Исключения бывают только временного характера. В революционные моменты прокладываются совершенно прямолинейные пути, ведущие даже через пропасть и бездну. В дореволюционные периоды, когда все ослеплены и закружены, все движется без компаса и не внемля голосу логики. Но и тут начинают работать силы противодействия, дающие так называемую «остаточную деформацию». Как правило, можно сказать: ни одна страна не может идти туда, куда хочет, а идет, куда может.

Поэтому вопрос «Куда идет Россия?» можно заменить более определенным вопросом «Куда должен идти СССР?». Равнодействующая сил, направляющих страну, внутренних и внешних, дружеских и враждебных, так велика, как велики эти силы и под какими углами они действуют.

В СССР только одна партия, одна открытая сила, но много всевозможных скрытых сил, действующих различно. Об этом свидетельствуют все советские политические процессы, если даже приводимые на суде факты не составляют действительности, совершенно искажены. Все судебные дела СССР показывают, что Сталину приходится бороться с оппозицией, генеральная линия приемлема не для всех, существуют некие скрытые враждебные начала.

Наличие скрытых сил особенно опасно в моменты внешнеполитических обострений. С этой точки зрения всякая

диктатура находится в более тяжелых условиях, ибо окружена невидимыми опасностями в гораздо большей степени, нежели страны демократические, где все внутренние силы действуют открыто.

Конечно, если скрытых сил не существует, диктатура получает перевес иными формами правления. Сумеет Сталин уничтожить эти скрытые силы в самой основе, в корне, мощь СССР может стать огромной. В противном случае само существование Советской России под большим и роковым вопросом, особенно ввиду внешних враждебных сил, каковыми в данное время являются Япония, Германия и Италия.

После общих соображений можно было бы дать много условных формул и предложить соответствующие решения и ответы, но это очень осложнило бы мою работу. Кроме того, я пишу мемуары и только попутно делаю умозаключения, совсем не задаваясь целью написать научный трактат о положении СССР и вытекающих из него последствиях. Я готов еще больше сузить вопрос и формулировать его так: «Куда должен идти СССР при Сталине?», ибо всем ясно: без Сталина Советская Россия пойдет по другим путям.

Если Сталин будет не в состоянии успокоить страну, после его «ухода», без сомнения, возрастут националистические стремления автономных республик и СССР может раздробиться, разорваться на части. Вот почему особенно уместен вопрос: куда должен идти СССР при Сталине?

И здесь опять предстает вся важность сильной Средней зоны Европы. Если бы составные части СССР от него оторвались, автономные республики могли бы объединиться с Средней зоной и, таким образом, противостоять германскому влиянию, германским притяжениям и японской агрессии.

Я, конечно, ни на минуту не испытываю желания учить Сталина, куда надо идти. От такой мысли я далек, мне хотелось бы лишь подвести общий итог мыслей о судьбе СССР.

И тут приходит на помощь сам Ленин, его завет, так хорошо усвоенный Сталиным и его единомышленниками. Сталин часто повторял этот завет: «Беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции».

Но порядок революции везде и всегда одинаков, страна лишена элементарной свободы, зажата в тиски, обезличена, держится только на грубой силе. Если вовремя не повернуть рычаг, не направить государственную жизнь на другие рельсы, беда неминуема.

Здесь и надо искать ответ, куда должен идти СССР при

Сталине, чтобы не попасть в пропасть и избежать большой исторической катастрофы.

Коммунизм, угрожая всему миру, вызвал и вырастил фашизм и супернационал-социализм, а они, в свою очередь, стали угрожать уже коммунизму и естественно и неизбежно, мало-помалу должны вызвать соответствующие противодействующие силы в СССР и вынуждать его менять систему правления и коммунистического принуждения. Это логика, в этом заключена задача Сталина.

Но можно поставить вопрос шире, во всей его полноте и значительности: «Куда вообще идет Россия?» В ответ невольно вспоминается цитата не из книги какого-нибудь политика, а стихи поэта:

> Умом Россию не понять,
> Аршином общим не измерить,
> У ней особенная стать —
> В Россию можно только верить.

А верить можно. В своей длинной истории Россия пережила много потрясений, политических перемен и режимов, ибо каждое новое царствование приносило и новый режим. Маятник качался то влево, то вправо, цари и правители то отпускали вожжи, то сурово натягивали. Русская тройка то неслась, то вдруг останавливалась на всем скаку. Все эти колебания не могли изменить русского духа. Он оставался тем же, чем был в старину, исконным, крепким в своих древних пластах, соединением язычества и христианства.

Русский народ на своих безмерных пространствах напоминал дерево в степи, его клонили до земли ветры, шатали из стороны в сторону бури, омывали дожди, засыпали снега, но оно выпрямлялось.

Эта способность стойко, терпеливо и с виду даже спокойно выносить все перемены политической погоды спасла цельность и непоколебимость русского духа в его борьбе с властью, отстаивании своих даже анархических и бессознательных устремлений. Народная психология осталась неизменной. Коммунизм подавал сначала много обольстительных посулов, потом принес еще больше тяжких невзгод. Во многом ошарашил русского человека, тот пригнулся, покорно склонил голову, но втайне не сдался, не уступил ни в чем жестокой власти. Никто не доставил ей столько хлопот, как русский мужик. Конечно, советская власть била его ради чисто хозяйственных, экономических целей, попутно хотела бы изменить и его

психологический тип. К их сожалению, тип оказался стойким. Большевики не истребили веры народа, лишь заставили снять в горнице икону, не победили суеверий, не уничтожили даже сектантства, осталось и древнее вечное странничество, и, как ни удивительно, не умерла в душе русского народа былая вольница. Она только притихла, занавесилась, но продолжает рычать. И это она, вольница, спокойно, неторопливо подрубает коммунистические притязания. Народ истерзан, но в душе остается крепким и уступает власти чисто внешне. В русском народе жив дух общины, артели, сообщества, собирания на началах собственности.

Об этом надо всегда помнить, когда говорят о судьбах России. Если она и будет разделена при каком-нибудь военном столкновении или же в силу других обстоятельств, то и это не станет для нее полной и последней безнадежностью. За процессом дифференциации последует процесс интеграции, и в конечном результате двери Лиги Наций мира, а может быть, и Соединенных Штатов Европы на действительных основах права, чести и справедливости отворятся шире.

Дух русского национального собирателя Ивана Калиты бессознательно живет и в русском народе, и в народах всего мира, ему, этому здоровому народному духу, как никому больше, присущ инстинкт собирания народов сначала в национальные объединения, а потом в общечеловеческую семью.

В этом прогресс и закон самой жизни.

1937 г.

notes

Примечания

1

Написано до польско-литовского конфликта в марте 1938 года.

2

Написано до польско-литовского конфликта в марте 1938 года.

3

Впоследствии погибший в автомобильной катастрофе.

4

А теперь, через пятнадцать лет, опять пустынные улицы, рестораны и отели, выбитые на rue de la Paix окна, поврежденные памятники, притихшая, замершая торговля, коррупция, внутренние партийные раздоры. Нет мира, и будто не было победы. Что приобретено в мировой войне, то потеряно сейчас в нескончаемых внутренних распрях. Значит, победа в физическом смысле еще не победа. Ее надо понимать в более широком значении. Действительное торжество там, где побеждает дух. Все остальное лишь перемена положения.

Мне вспоминается рассказ председателя эстонской делегации Поска о 15 большевистских агентах, взятых в плен на озере Пейпус. Всем им в разгаре сражения предложено открыть свои планы или умереть от эстонских пуль. «Когда они были расстреляны, физически уничтожены, – вспоминал Поска, – я чувствовал, что не мы их победили, а они нас».

Такова сила духа, самая мощная в мире и самая внушительная. Да будут же вдохновлены духом мира все вершители народных судеб!

Каким будет Париж, когда пройдет еще пятнадцать лет, то есть спустя тридцать лет после войны? Этого никто не знает. Но ясно одно, пока народы не начнут считать друг друга равными себе, строить отношения на принципах «права и чести», мира не будет и не может быть. Эти вечные слова прозвучали в Лиге Наций, они и должны лечь в основу всесветного мира. (Написано в 1933 году.)

5

Профессор Симеон впоследствии стал главным судьей-экспертом при установлении границ Балтийских стран. Профессора Лорд и Морисон серьезно и детально изучали балтийский вопрос в качестве экспертов президента Вильсона. Любопытно, что профессор Морисон многим остался недоволен, демонстративно покинул Париж и выступил в печати в защиту латышей. Он обратился к рабочим Англии с призывом прийти на помощь Латвии. Красиво и мужественно прозвучали его справедливые слова о том, что латыши, как нация, не красные и не белые, а настоящие демократы, которые борются за право и свою свободу.

6

Через несколько лет, когда пришла весть о его смерти, чуть ли не на тех же Филиппинах, вся Прибалтика была искренне огорчена.

7

Да, таким был Париж тогда. Теперь он совсем иной. Жизнь меняется сказочно быстро. Все эти годы ощущается подготовка к очередной войне, которая будет несравненно более ужасной, чем последняя предыдущая мировая война. Возникает жуткий вопрос, не конец ли это человечества? К счастью, человеческий дух и техника развивают сильнейшее соперничество. Дух дает новые идеи, техника вдохновляется ими и находит им приложение в жизни. Дух не имеет границ, техника тоже. Это беспрерывное развитие техники исключит возможность будущей войны и поведет человечество новыми путями победы духа. Дух, дающий технике неограниченные возможности, вместе с тем победит технику, она будет отброшена, как средство уничтожения людей в случае конфликтов между народами и государствами. Поэтому, народы, следуйте призыву быть сильными духом в своем стремлении к справедливости и чести и будете непобедимы. (Написано в 1935 году.)

«Русская проблема» (*англ.*).

9

Мария и дети в Сибири. Ачинск (*фр.*).

10

Народный комиссариат иностранных дел и Государственное политическое управление.

11

Очень глупо (*англ.)*.

12

Тяжело, будучи победителем, слышать это (*фр.*).

13

Москва, 26 апреля 1929 года. Мой дорогой друг, моя жена и я просим вас и мадам Озолс принять этот маленький сувенир, который лишний раз напомнит часы, проведенные здесь вместе с вами, о чем мы сохраним добрую память.

Ваш отъезд для нас горе. Наше утешение думать, что дружба, которая связывает наши семьи, продлится долгие годы и мы еще встретимся. В надежде на это я прошу вас и мадам Озолс принять уверения в моей неизменной привязанности. *Джон Эрбетт* (*фр.*).

14

Москва, 27 апреля 1929 г. Мой дорогой друг. Моя жена и я, мы глубоко тронуты великолепным подарком, который вы с мадам Эрбетт отправили нам вчера в знак дружбы, которая нас объединяет и которая останется навсегда между нами.

Старый и ценный маятник, который мы получили, украсит наш дом и будет напоминать о том, что время проходит, а наша дружба останется навсегда, как это было до сих пор.

Мадам Озолс вносит свой вклад, мы счастливы и гордимся тем, что у нас есть такие друзья, как мадам Эрбетт и вы.

Мы надеемся встретить вас снова, и будьте уверены, эти встречи для нас большая радость. *К. Озолс.*

15

Время убегает, я жалею об этом, потому что, несмотря на потери, мы не можем использовать его, чтобы это остановить.

16

Подлинник сохранен

17

А только это и нужно было.

18

Я по-прежнему не могу понять, как можно было даже на секунду обвинить Вас в совершении деяний, противоречащих законам или обычаям, и я не удивлен, что Ваша страна не нашла повода Вас в чем-то обвинить. Все наши коллеги того же мнения. Я даже слышал строгие суждения в адрес правительства, которое немедленно не пресекло кампанию, направленную против Вас. Должен признаться, что можно было бы реально «выстрелить» в престиж Вашей страны. Сделать все, что в наших силах, чтобы положить конец этой нелепой неприятной истории.

19

Господин министр. Я с большим удовольствием готов быть переводчиком для наших коллег. Должен вам сказать, мы с большим интересом следили за вашей прекрасной конференцией. Также хорошо, что вы подняли политические и экономические аспекты этого вопроса, ценные плоды вашего опыта. Это не только факты и мнения, но и ценные предложения. Во всем этом каждый из нас найдет пищу для размышлений, за что мы все вас благодарим. Господин министр, ваши тезисы живы и ясны. Оставлю нашим коллегам тщательно обдумать и оценить их. Кроме того, я присоединяюсь к словам мудрости, только что нами услышанных.

20

Средняя зона Европы, объединенная с севера на юг, как лучшая гарантия мира в целом (*фр.*).